

Жанпейсов Марат

ТАР —

ЭТО СМЕРТЬ

Недалекое будущее планеты Земля с альтернативным развитием истории, где исчерпание природных богатств заставило искать новые источники энергии, и выход был найден. Вapориум — неизвестное ранее вещество, испарение которого приводит в действие огромные механизмы. Именно пар стал спасением человечества, но одновременно пар несет смерть, так как добывать его нужно на экстремально больших глубинах, где живут монстры, ждущие своего часа. Чтобы добыча не останавливалась, нужны те, кто будет защищать производство и всё человечество в подземельях. Но это не сказка о великих героях. Пускай вдыхание пара дает суперспособности, вapориум — это яд, и человек после этого не проживет и двух лет. Поэтому никто не хочет становиться героем, и раз так, то общество будет принуждать силой тех, кто не в состоянии отказаться. Об одном из таких несчастных повествует книга.

«Человек — это существо, ищущее смысл»

— Платон

Так всегда случается, когда ищешь возможности, а находишь беды. Древнее королевство Изнайр стоит на пороге величайшей катастрофы, что уже поглотила почти весь мир. Война началась без видимых причин, просто стороны конфликта синхронно взялись за оружие, стоило друг друга увидеть.

Совет чародеев в пышном зале хранит молчание, смотря на игру красок в центре большого помещения. Волшебство рисует призрачными красками удаленное место, где сейчас гремит и воет последнее сражение в истории человечества. Орды монстров продолжают прибывать в мир, не считаясь с потерями и не имея никаких других желаний, кроме поиска новой крови. Весь мир был вынужден сплотиться перед смертельной угрозой, но удалось продлить собственное существование на какие-то пять лет, чтобы почти все континенты пали под сумасшедшим натиском зла.

Магическое изображение передает точную картину происходящего далеко от столицы Изнайра, хоть и без звука. Магия в целом является очень удобной вещью, которая способна воскрешать и уничтожать сотни живых существ. Преобразовывать, зачаровывать и вызывать. Рассеивать, переносить и очищать. Открывать и запирать, возвышать и низвергать. Это могущественная сила с древних времен являлась благословением богов или судьбы, но она же стала причиной демонического вторжения.

Архимаг Колленус один из немногих, кто не смотрит на первые признаки поражения королевского войска на полях Фишланда. Взор старого человека обращен на присутствующих, подмечая сжатые кулаки и плотно сомкнутые губы. Кто-то из коллег по совету обильно потеет, другие бледны и холодны, словно их сердце потеряло силы биться из-за увиденного. В целом ничего необычного, многие уже смирились с неизбежным, другие уже на пути к этому.

Совет чародеев Изнайра ныне управляет последним королевством, так как королевская семья полностью погибла от рук чудовищ не так давно. Хотя, сдерживать повсеместный хаос больше нет смысла по мнению очень многих людей, даже очень образованных и благодетельных. С ними Колленус одновременно согласен и нет. Поражение неминуемо, поэтому архимаг действительно не видит смысла искать способ победы. Ни тайное заклятье, ни древний артефакт или рождение великого героя: ничто уже не спасет на этом этапе. Но с другой стороны это не конец всему.

«Изнайр будет уничтожен. Как и все остальные страны. Но сам мир должен продолжить существование, и всё однажды вернется на круги своя. Но для этого демонов тут больше быть не должно. Чтобы изгнать их, придется изгнать из нашего мира саму магию», — именно к этому решению пришел Колленус, но не стал объявлять его совету. На самом деле даже не хочет этого делать, ведь за спорами и обсуждениями лишь будет потеряно драгоценное время.

Сейчас, когда внимание чародеев приковано к зрелищу трехголового дракона размером гору, который открывает телепортационные врата, архимаг молча встает с места и удаляется в тайную комнату, ставшую для него личной на последние месяцы жизни. Рабочий стол завален свитками, книгами, кристаллам, пустыми флаконами и прочими вещами, которые

больше не имеют смысла. Старик садится в кресло и ставит рядом посох.

Это заученный жест, но сейчас Колленус обращает внимание на магический предмет, который прошел вместе с ним долгую жизнь. Магия может продлить срок человеческой жизни, поэтому больше двухсот лет человек и посох шли рука об руку к этому моменту. Белизна дерева не потускнела за года, хотя прибавилось темных колец. Посох кажется перегнутым в нескольких местах, но так случилось из-за естественного роста, мнимая уродливость нисколько не заботит. Колленус даже не стал украшать посох рунами, красками или кристаллами, это никак не влияет на силу предмета. А опираться можно и на уродливую палку, поднятую с земли.

— Осталось совсем немного, — говорит чародей посоху, который ответить не сможет.

Потом голова поворачивается в другую сторону, где сияет призрачным светом фонарь. Предмет выполнен из латуни с большим количеством узоров, а за стеклом не получится разглядеть источник света. Всё дело в том, что там нет источника света, излучение — лишь видимый след заключенной магии, над которой архимаг с ближайшими помощниками трудился на протяжении целого года. Фонарь прикреплен к шесту, а тот в свою очередь воткнут в отверстие на полу. Вокруг расположены магические фигуры в виде треугольников, которые пересекают друг друга под разными углами относительно взора наблюдателя. При этом на крючках шеста также висят миниатюрные фонари из разных металлов, где заключена разная поддерживающая магия.

— Итак, время пришло, — говорит Колленус, который и рад бы потянуть время еще, но чувствует источник опасности рядом с замком. Нужно торопиться.

Человек подходит к фонарю и активирует всю накопленную мощь, которая станет для всего мира невероятным бедствием. Внутри предмета действительно заключена сила невиданной катастрофы, которая от Изнайра, Колленуса и прежнего мира оставит лишь следы на камнях. Но при этом сам мир продолжит существовать, а демоны будут изгнаны и запечатаны. К сожалению, это самоубийственное оружие, иначе уже давно было бы применено.

В тайной комнате становится ярче, семь маленьких фонарей и один большой светят разнообразными оттенками, активируясь в первый и последний раз. Действительно немислимых трудов стоило сотворить такую вещь, но в истории об этом ничего не останется...

Колленус отходит от фонарей, теперь его участия не требуется, а комната дрожит, словно началось землетрясение. Магия показывает архимагу, что тот самый трехголовый дракон открыл портал прямо к замку, где находится совет чародеев, и все головы монстра изрыгают потоки ослепительного огня, разрушающего барьеры и древний камень. Кто-то из союзников уже сдался, кто-то пытается спастись, редкие безумцы продолжают сражение. Колленус поддерживает магию дальновиденья до тех пор, пока волшебство не перестало работать.

И последнее связано не с тем, что закончились силы, просто магия исчезает из мира. Комната теперь тонет в ярком свете, который мгновенно затапливает замок и окрестности. Дракон пытается сбежать через портал, но кто знает, куда пространственные врата отправят его, когда эта магия перестанет существовать?

Десятки и сотни миль исчезают в свете, один континент за другим оказываются во власти Последнего Заклятья. Свет заполняет небеса до космоса и проникает в глубочайшие недра земли, куда заставляет перетечь магическую энергию. Изобретение Колленуса

позволяет избавиться от войны и демонов одним решительным ударом — уничтожить всё волшебство в мире, чтобы больше его не существовало. Демоны без магии жить не смогут, поэтому пытаются скрыться под землей, но это становится для них ловушкой.

Малые фонари на шесте включаются в работу, меняя природу Последнего Заклятья, которое запечатывает земные недра вместе с демонами, и там же запирает все остатки магии, которая раньше свободно резвилась с ветрами и молниями. Волшебные эликсиры, артефакты, реликвии и другие вещи теряют все силы во всех местах, куда свет главного фонаря может достичь в достаточной мере. Всё мистическое пропадает навсегда, Эра Магии завершена, но планета продолжает вращаться в Солнечной системе, вернувшись к прежней яркости.

Глобальное изменение не затронуло многих обычных людей, для которых магия никогда не была доступной. Но при этом из умов большинства были изгнаны воспоминания о прежней истории, чтобы человечество не могло вернуться на старый путь. Но даже если люди со способностями будут рождаться вновь, то всё равно магия никогда больше не отзовется. Волшебство останется лишь в сказках и преданиях, хотя пытливым человеческий разум будет продолжать искать забытые пути и смысл непонятных следов. Ведь человек — это существо, ищущее смысл.

Десятки лет после катастрофы превращаются в сотни лет, а те складываются в тысячелетия. Мир претерпел изменения, но вот уже поднимают голову новые государства. Люди говорят на новых языках и исповедуют новые религии. Переизобретение бронзы и железа, строительство кораблей и открытие новых земель. Закладывается фундамент пирамид и городов-полисов Эллады, а однажды на картах появляется город Рим.

Но история не стоит на месте, поэтому Римская империя тоже стала частью истории вместе с другими государствами. Войны начинались и заканчивались, Средневековье шагает по полям вместе с крестьянами и отрядами рыцарей, пока викинги открывают проходы к Британии, Руси и Константинополю. Религии постепенно становились сильнее, вмещаясь в политические игры. Появлялись феодалы и землевладельцы, сюзерены и вассалы, а потом мир вступил в эпоху Ренессанса. Личность человека перестала быть лишь частью общего, гуманизм и науки расправили плечи, двигая человечество к новым горизонтам.

Тогда религия начала уступать рациональности разума, хоть и не исчезла полностью. Магия навсегда осталась в древних преданиях, которые никак нельзя было подтвердить, и нашла покой в легендах о шаманах диких племен, кельтских друидах и эзотерических жрецах. И на страницах книг, разумеется.

Изменения повлекли за собой эпоху Просвещения, которая в свою очередь принесла миру промышленную революцию. Аграрная экономика перестала быть единственной и неповторимой, в странах открывались фабрики и заводы, где еще властвовал ручной труд, но не надолго.

И, конечно, через всю историю шагали войны с разными мотивами и масштабами. Особо значимые даже остались в истории с приставками Мировых. Там, где когда-то шагали легионы великих рыцарей на уже несуществующих чародейских животных, теперь гудят двигатели танковых колонн, пока небо коптят самолеты.

Но есть и более незримая на первый взгляд вещь, которая существовала с древних времен до современности. Она нужна для возделывания полей и сбора урожая. Она нужна для освещения помещения ночью и переноски грузов. Она нужна, чтобы автомобили могли ездить по дорогам, а люди были способны согреть себя в холодную пору. Имя этой сущности

— энергия.

Так как волшебства больше не существует, человечество сначала использовало запас энергии собственных тел в физическом труде, а потом училось использовать ветра для парусных кораблей и течение рек для мельниц. Но растущие потребности требовали всё больше энергии, и были открыты полезные ископаемые, которые было возможно использовать в качестве топлива.

Люди жгли уголь, а потом отыскивали нефть и природный газ. Это изменило мир еще сильнее. Беднейшие страны вдруг оказывались на вершине только благодаря запасам нужных природных богатств на своей территории. А мир продолжал меняться, и началась эпоха атома, где ядерная энергетика открывала прекрасный мир будущего, но в том мире помимо новых способов генерации энергии были и новые опасности.

И, когда начался всемирный топливный кризис, вспыхнули новые войны. Они не слились в единую Третью Мировую войну, оставшись чередой локальных конфликтов по всей планете. Нефть, газ, уголь и любые другие дары природы исчерпаны, а энергетика на основе возобновляющихся ресурсов не могла обеспечить все потребности человечества. А вот «мирный атом» им вовсе никогда не был, ведь точку в многочисленных войнах стало ставить ядерное оружие.

Прогнозы взаимного ядерного уничтожения не сбылись, оружие просто применялось теми, у кого оно было, против тех, у кого его не было. Границы государств сильно изменились, и даже география кое-где претерпела изменения. Почти двести стран слились в девять больших, образовав хрупкий баланс, где больше не осталось слабых противников.

Неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы люди не погружались в недра земли всё глубже, пока не был обнаружен новый источник энергии в виде странной жидкости, которая не присутствовала в таблице Менделеева. Её запасы обнаружили абсолютно по всему миру, и никто не мог объяснить её происхождение. Но вопросы истории мало кого интересовали в отличие от возможностей нового элемента, который получим названием «вапориум».

Первые же опыты в качестве источника энергии закончились смертями, ведь вапориум оказался сильно ядовит и взрывоопасен. Однако последующие опыты с меньшими концентрациями разошлись по новостным заголовкам всего мира: открыт новый источник энергии! При растворении вапориума с обычной водой, а потом нагревании, образуется пар, способный выполнять полезную работу в таких пропорциях, на которые обычный водяной пар не способен.

В условиях жесточайшей нехватки топлива это стало прорывом во всех областях: от экономической до военной и культурной. Все страны принялись конструировать новые машины и двигатели, заменяя паром движущую силу везде, где это было необходимо. Мир постепенно входил в Эру Пары, и последняя вряд ли скоро закончится, ведь вапориума в недрах Земли оказывается очень много, а потребление у него очень малое для приведения в движение поршней или турбин.

Ядерная энергетика и исследования в этой области повсеместно были запрещены, а страны договорились между собой, что дружными усилиями нападут на того, кто ослушается этого запрета. Таким образом уже ничего не мешало паровым приспособлениям стать главной движущей силой из-за многочисленности и дешевизны топлива, но это открытие повлекло за собой новые опасности, о которых никто даже подумать не мог.

Добывающие скважины были открыты во всех странах: в Евразийском Союзе,

Европейской Унии, Конфедерации Ханси, Халифате Алвар, Теслакрагии Амон, Штатах Америки, Атлантическом Содружестве, Республике Фечерро и Доминионе Види. И однажды в каждой стране дошли до действительно глубоких слоев, что послужило открытием врат в ад.

Шахты заполонили различные монстры, о которых никто и никогда не слышал. Чудовища открыли счетчик смертей и стремились прорваться наружу мира по трупам людей. Известия о бедствии стали еще более громкими в газетах и радиоэфирах, и началась новая война, но теперь люди сражались не друг с другом.

Вапориум, разумеется, начали рассматривать и в качестве разрушительной силы, заменяя местами порох и другие взрывчатые вещества. На паровых двигателях боевые машины сдерживали орды чудовищ, которые чуть было не выбрались на поверхность в разных частях мира, но по какой-то причине отступили. Это дало время для поиска новых путей решения проблемы, ведь добыча вапориума должна продолжаться, несмотря ни на что.

И решение было найдено, когда ученые Атлантического Содружества открыли результаты секретного исследования по насыщению вапориумом людей. Для работы механизмов вапориум в объеме испаряемой воды должен составлять не более двух процентов, а вот человеческое тело не настолько крепкое, поэтому дыхательные баллоны хранили концентрацию порядка шестисот двадцати пяти тысячных процента вапориума. Но люди оказались способны на то, что недоступно машинам.

Участники экспериментов, сначала добровольно согласившиеся, начали дышать таким паром. И в результате у некоторой части открылись суперспособности, что наука до сих пор объяснить не может. Эти люди стали новой военной силой, которая начала спускаться в подземелья, чтобы сражаться с монстрами.

Подобные программы запустились во всех странах с разным размахом. Новое открытие отворяло дверь для новых возможностей ведения войн будущего, поэтому вапориум стали давать военным. Это действительно сильно помогло в сдерживании чудовищ из земных недр, так как новые бойцы, homo mutatum, могли заменить целый отряд или боевую машину. Обычных людей перестали отправлять в бой, что выправило сначала статистику потерь, но скоро открылись новые проблемы.

Даже в столь малой дозе вапориум остается ядовитым веществом, поэтому абсолютно все сверхлюди начинали деградировать и умирать в отрезке от шести месяцев до полутора лет после начала вдыхания пара. Уменьшение дозы не приводило в появлению суперспособностей, поэтому быстро стало очевидно, что получение сверхчеловеческих возможностей — билет в один конец для любого добровольца. В среднем в течение первого же года такого человека ждал неизбежный конец и смерть в мучениях от страшных болезней.

Вот только миру до сих пор нужна подобная военная сила, а добровольцев с каждым разом становилось всё меньше. Льготы и могущество мало кого могут привлечь, когда за это придется уменьшить срок своей жизни до года в среднем. Бойцов в подземельях стало не хватать, а вот монстры напротив становились всё сильнее, показывая новые силы и тактики ведения боя, так что обычные люди стали почти полностью неэффективными.

Там, где начинается нужда государства, права отдельной личности отходят на второй план, поэтому многие страны ввели военное положение и выборочную мобилизацию, чтобы насильно создавать солдат, которые будут защищать родину и весь мир от загадочной угрозы до конца своей очень короткой жизни. Это породило волнения по всему миру и

многочисленные трагедии, которые чаще всего затрагивали самых незащищенных людей.

Современный мир не стал чище и лучше, и многие его проклинают. Здесь умение быть жестким и быстро адаптироваться к опасностям становится самым важным, если тебе не повезло родиться в привилегированных слоях общества. И именно один из таких людей прибывает в Нью-Йорк в поисках нового будущего...

Глава 1

Факт № 46 Нью-Йорк совсем не тот город, каким он был в начале XXI века. Если быти точнее, это уже совсем другой город в другом месте, а предшественника теперь называют Олд-Йорком. Там, где раньше была статуя Свободы, Манхэттен и Бродвей, ныне зона отчуждения.

Шипение прорывается даже сквозь толщу металла за бортом, когда большой дирижабль входит в воздушное пространство Нью-Йорка, у которого мало общего с погибшим тезкой. Но мне как-то все равно на гражданскую войну, что однажды случилась в Соединенных Штатах Америки, из-за чего куча штатов на побережье Атлантического океана стала самостоятельным государством. Именно так и родилось Атлантическое Содружество, ставшее одним из самых сильных государств мира.

«The future of the World — a peaceful future», — гласит лозунг над головой. Звучит, конечно, прекрасно, но правдой быть не может. Любой дурак скажет, что вся история человечества — это история войн, и прямо сейчас идет еще одна, изменился лишь тип врага с людей на монстров.

В глаза попадается иллюминатор, через который можно разглядеть огромные турбины с вращающимися лопастями. Благодаря таким двигателям дирижабль держится на воздухе и может лететь вперед. Когда-то через океан курсировали многочисленные самолеты, например, Боинги, но теперь все подобные следы недалекого прошлого гниют на мусорных полигонах.

Как только начался топливный кризис 2041 года, заправляться постепенно становилось нечем. А если у тебя нет бензина или дизеля, то машина твоя не поедет и самолет не полетит. Поэтому в каждой стране теперь можно найти многокилометровые свалки, где ржавеют миллионы автомобилей, которые в определенный момент стали большинству не по карману, а после и вовсе бесполезными.

«Да, и природный газ быстро закончился, а каменный уголь исчез. Но главная проблема уперлась, конечно, в электричество, которое нельзя добывать из земных недр. Если нечего сжигать, то вырабатывать электричество ничего не будет, не считая ветряков и плотин, а АЭС везде были закрыты», — так как смотреть на облака не слишком интересно, я возвращаюсь к чтению газетной вырезки с обсуждением того, что почти поставило человечество на грань регресса, а то и уничтожения.

«И если бы не открытие вапориума, наши электростанции тоже бы стали бесполезны и о прежнем комфорте можно было забыть. Но стоило ли это того, чтобы стать добычей для монстров, оказавшихся глубоко под землей?» — продолжает рассуждать автор газетной колонки.

«А ты подумай», — думаю я, не зная, чем еще себя занять.

К счастью, точка прибытия не заставляет себя долго ждать, показывая новенькие небоскребы Нью-Йорка, стоящие в строгом шахматном порядке. Лучи закатного солнца отражаются от стекол зданий и фюзеляжа дирижабля, входящего в воздушный порт рядом с городом. Как только пройдет выгрузка пассажиров и багажа, летательное средство перейдет в другой воздушный док, где примет пассажиров на обратный путь и дозаправится перед вылетом.

«Ну, пора», — мысленно выдыхаю, проверяя карманы на наличие всех документов. Без

бумажки ты букашка, это здесь работает на все сто процентов, ведь в Атлантическое Содружество прибывают люди со всего света. И я тоже здесь буду считаться мигрантом, поэтому стоило огромных трудов, чтобы собрать необходимые документы и получить разрешение на въезд.

В этой стране приезжих не любят, но мигрантов не любят везде. Независимо от культуры и менталитета, чужак остается чужаком, а потому достоин пренебрежения и даже открытого презрения. Но мне все равно на чье-либо мнение. Я не для того пахал и обманывал, чтобы заботиться о косых взглядах и обидных словах. Атлантическое Содружество — одно из самых прогрессивных в плане технологий и экономики государств, поэтому здесь можно построить себе будущее, в котором будет и комфорт, и безопасность.

Вместе с другими людьми я спускаюсь по трапу на станцию, которая тоже висит на высоте в полкилометра над океанским побережьем. Если подойти к краю платформы, можно почувствовать прилив адреналина из-за огромной высоты, но мне это неинтересно. Сейчас нужно в числе первых получить багаж, а после подойти к пункту досмотра. Первых, может, будут проверять тщательнее, но таможенники быстро устанут, а когда устанут, станут злыми и раздражительными. Мне уже доводилось с таким сталкиваться.

Пока что план идет как по маслу, я лишь второй в очереди, крепко держась за ручку дорожной сумки. Я навсегда покинул Евразийский Союз с минимумом вещей сразу по нескольким причинам. Во-первых, меньше багаж — меньше за него платить. Во-вторых, останавливаться мне негде, поэтому повсюду таскать лучше то, что уместится в одну сумку. А в-третьих, личных вещей у меня и так было всего ничего.

— Цель визита? — заученно спрашивает служащий в темно-синей форме с гербом страны в виде моста над водой, похожий на Золотые Ворота Сан-Франциско, хотя делать это сравнение вслух я никогда не буду. Память о гражданской войне здесь еще свежа.

— Получение образования с последующим трудоустройством, — отвечаю быстро и решительно, все ответы заготовил заранее. — У меня есть договоренность с академией Бенджамина Франклина, кафедра международных отношений.

Мне действительно удалось связаться с академией, но о договоренности я вру, никаких гарантий поступления и тем более трудоустройства у меня нет. Я был отчислен из Пражской гуманитарной академии как раз с кафедры международных отношений. И пускай проучился там только два года, пользу из этого я извлек. Например, свободное владение английским и чуть похуже с другими распространенными языками.

— Место рождения, — таможенник вообще никак не отреагировал, продолжая опрашивать по скрипту.

— Крымский полуостров, Симферополь.

— Имя и фамилия.

— Марк Бóгов.

— Год рождения.

— 2023-й.

В таком темпе отвечаю на все вопросы, надеясь на то, что махинации с документами не вскроются. Нет, я не использую поддельные документы, но там есть отметки, которые на самом деле не должны быть поставлены. Например, класс благосостояния у меня указан как средний, хотя по факту я нищий, что может послужить отказом во въезде.

К счастью, расслабленное лицо и быстрые ответы не дают повода для подозрений, поэтому я получаю документы обратно с необходимыми штампами и направляюсь в

транспортную зону. Сердце в груди быстро стучит, а походка бодрая от радостных мыслей. Первое важное препятствие пройдено, но работы впереди еще много.

Скоро в транспортной зоне собираются другие пассажиры, после чего поднимается шлагбаум, позволяя зайти на платформу, которая доставит вниз. Сейчас, когда получилось немного расслабиться, я отмечаю про себя, насколько здесь всё выверено в плане летных качеств воздушной гавани, которая тоже висит посредством тяги паровых двигателей. Несмотря на отсутствие твердой опоры, тело не чувствует раскачивания, даже вибраций никаких нет, хотя на дирижабле такое было часто.

Где-то звучит резкий сигнал, после чего платформа поднимает со всех сторон стены клетки и начинает плавный спуск вниз. Как только платформа покидает воздушную гавань, как сразу в лицо ударяет поток сильного и холодного ветра. Стоящие рядом люди быстро хватаются за головные уборы и поднимают воротники, чтобы защититься от холода. Увы, в этом способе спуска комфорта совсем нет, придется мерзнуть и стоять, пока не достигнешь пункта назначения внизу. Более обеспеченные люди могут воспользоваться воздушным такси и автобусом, там и сиденья мягкие, и ветра нет.

«Ладно, однажды я разбогатею и смогу передвигаться так, как захочу», — приятные мысли согревают не очень хорошо, но без них было бы совсем тоскливо. Денег с собой действительно максимум на неделю дешевого отеля и скудного питания. За это время нужно полностью решить все вопросы, связанные с ближайшим будущим в Нью-Йорке.

Найти тяжелую работу с ежедневной оплатой не будет трудно, физический труд по-прежнему ценится везде, хотя когда-то считалось, что в уже в ближайшем будущем низкоквалифицированный труд будет полностью забыт. Ага, как же...

Я замечаю, что платформа почти достигла земли, а также вижу, как на вокзале суетятся носильщики, помогая дотащить сумки за половину доллара. Даже в Атланте, как коротко называют Атлантическое Содружество в честь еще одного заброшенного города старой Америки, нет роботов или автоматов, какие, говорят, применяются в Теслакратии Амон на территории бывшей Австралии.

Наконец, путешествие вниз завершено, после чего остается пройти еще один контрольно-пропускной пункт и выйти из вокзала, смотря и слушая вечерний мегаполис. На привокзальной площади множество людей ходят в разные стороны, до меня тут никому нет дела, и это взаимно. Лучше не привлекать к себе внимание. Сейчас стоит отправиться по заранее известному адресу и снять себе комнату на пару дней.

Подготовка в целом мой конек. Я брал билет только в один конец, так как возвращаться в Евразийский Союз у меня желания нет. Близких друзей там нет, семью тоже не заводил. Родители... Ну им на меня явно все равно. Мне всю жизнь вдалбливали, что я должен быть безмерно благодарен, что мать меня родила, а отчим помогал выживать. Вот только реальной помощи от них не дождешься. В детстве побои, в подростковом возрасте крики и ссоры, а сейчас ядовитые упреки и обвинения в неблагодарности.

Показав средний палец всей Евразии, оставшейся за океаном, я готов вступить в новую жизнь. Сам решаю, что делать и не делать. Если со мной что-то случится, то об этом никто из знакомых не узнает скорее всего, так как я уехал без предупреждения. Все мосты сожжены, номер прежнего телефона больше не обслуживается, а впереди лишь неизвестность и азарт.

Дожидаюсь наземного автобуса, разглядываю плакат на стене остановки, на котором призываются на военную службу люди, чтобы стать синкерами, как здесь называют таких

людей. Проходцы, если по-родному. Те, кто спускаются в подземелья, чтобы сражаться с монстрами, добывать странные вещи и, самое главное, обеспечивать безопасность добычи вапориума, который стал топливом номер один.

Плакат обещает баснословные деньги за защиту интересов Атлантического Содружества, многочисленные пожизненные льготы для семьи синкера и много других плюшек. А в центре плаката изображен силуэт мускулистого мужчины в окружении молний. Выглядит впечатляюще, ведь синкеры получают необъяснимые наукой способности, что поначалу даже привлекало тех, кто желал необъяснимой силы и власти.

«Ха, я бы даже сам пошел в первых рядах», — вспоминаю подростковые годы, когда вапориум только был открыт, и Атланта рассказала о первых экспериментах. В мальчишеских фантазиях это выглядело как компьютерная игра, в которой именно мне уготована судьба главного героя, который сражается с демонами, качается и получает артефакты. Но самое главное — получает всеобщее уважение и почет.

Отчим даже хотел, чтобы я в восемнадцать лет сразу пошел на военную службу, но, к счастью, к тому времени уже было выяснено, что за возможность становления homo mutatum придется отдать самое ценное, что есть даже у бомжа. А именно всю жизнь за возможность в течение года заболеть самыми страшными болезнями и умереть собачьей смертью.

Такие перспективы отвалили даже самых отбитых, ведь на кой нужны сверхсилы и влияние, если жить тебе останется совсем чуть-чуть? Да и еще где-то под землей, где нет ресторанов и мягких кроватей. Какой-никакой жизненный опыт сейчас подсказывает, что вся эта зазывалка на стене по сути большой обман. Ведь зачем платить огромные деньги и что-то гарантировать, если можно просто заставить человека?

Добровольная служба почти во всех странах стала принудительной. Если тебя мобилизуют для «почетной» роли защитника человечества, то у тебя только два пути: бежать и прятаться или согласиться и скоро сдохнуть. А все деньги осядут в кармане чиновников и богачей, которые во всех странах одинаковы.

В этот момент до ушей доносится шипение, когда подъезжает автобус. Большой, неповоротливый и откровенно уродливый транспорт тормозит рядом с остановкой, разряжая давление паровых камер струями белого пара из трубок на крыше. Гигантизм в механизмах и двигателях вполне объясним, ведь паровой двигатель работает не как двигатель внутреннего сгорания.

Вапориум нельзя просто поджигать и создавать микровзрыв в камере. Новый элемент, открытый в этом столетии, просто разорвет двигатель при попытке нагрева в неразбавленном состоянии, поэтому его чуть-чуть примешивают к водяному пару. В таком состоянии можно контролировать давление, которое во много раз сильнее, чем без использования вапориума. Это заставляет делать более бронированные котлы, трубы и поршни, поэтому все автомобилили, пароходы, дирижабли, поезда и так далее выглядят монструозными по сравнению с машинами прошлого.

Металлические ступени приводят в салон, где есть свободное место рядом с окном. Наметив про себя маршрут, быстро оплачиваю проезд, бросая в приемник пару центов, и прохожу к намеченному месту. Другие пассажиры абсолютно равнодушны, что не может не радовать. Я пока не готов объявить о себе всему миру, да и показывать пока что нечего, если по чесноку.

Где-то под ногами начинаются вибрации, когда паровой двигатель вновь нагнетает давление в камере, толкая массивный поршень основного вала. В салоне заметно жарко, это

неизбежное зло, когда под ногами огромная печка. Хорошо хоть, что форточки открыты, поэтому решение занять стоячее место рядом с окном оказалось удачным и дальновидным на всем протяжении поездки.

За окном пролетают многоэтажные дома, обвитые толстыми и горячими трубами, давлением которых пользуются обычные люди для бытовых нужд. Одновременно это используется для отопления что в Евразийском Союзе, что в Европейской Унии, что здесь. Климат тоже изменился, став более резким. Если лето, то очень жарко, а если зима, то очень холодно.

Спустя сорок пять минут поездка завершается в не очень благополучном районе с мусорными кучами на тротуарах, разрисованными стенами и канализационными отстойниками, аромат которых не передаст ни одна бумага, так как сразу свернется и сгниет. Ладно, шутки в сторону, тут стоит быть начеку, так как бандитизм тут по слухам цветет и пахнет ничуть не слабее канализационной вони.

А солнце уже давно село, поэтому приходится держаться ближе к уличным фонарям, добираясь до нужного адреса. К счастью, ничего по дороге не произошло, поэтому скоро толкаю задницей толстую дверь, держа сумку обеими руками.

«Саранча», а именно так называется это место, встречает запахом чего-то тухлого, а также потемками. Благо, стойку администратора пропустить трудно из-за настольной лампы.

— Вечер добрый. Хочу снять комнату на пару дней. Сколько с меня?

Сидящий за стойкой пожилой мужчина отрывается от газеты и оглядывает с ног до головы. Я почти уверен, что оценивает будущего постояльца на предмет денег и возможных неприятностей. Думаю, он без труда определит, что я приезжий, но в обиду себя не дам, так как заранее изучил все цены и распланировал бюджет.

— Тридцать пять долларов за ночь, — равнодушно отвечает администратор.

— Давайте пятьдесят за две ночи и можно комнату без мебели или еще с какими-то неудобствами, — жизнь в Атланте дорогая, это видно даже по ценам за такой клоповник.

— На два дня будет семьдесят долларов, но могу предложить общую комнату за пятнадцать в сутки. Там будет еще трое постояльцев.

Жить с незнакомыми людьми не хочется, так как не получится расслабиться, да и вещи не оставить без присмотра, но деньги могут испариться быстрее, чем предполагалось. Придется и здесь сэкономить на комфорте, поэтому соглашаюсь и становлюсь гордым владельцем одной из кроватей в общей комнате, где уже сидят два человека, которые лишь равнодушно посмотрели на меня и даже не отреагировали на приветствие.

Они явно из областей старой Мексики, это видно по их национальным чертам и слышно по испанскому языку. На нем я могу бегло разговаривать, но показывать знание не буду без нужды. Особенно учитывая содержание разговора, в котором говорится про перевозку запрещенных товаров и чье-то убийство. Новые соседи точно должны отличить местного от приезжего европейца, но, похоже, даже не допускают мысли о том, что тот может понимать их язык. Пусть лучше так и останется, поэтому буду изображать дурачка.

Разместившись на скрипучей кровати, удастся немного расслабиться в обнимку с сумкой, но спать пока рано, хотя и хочется. С новыми соседями не получается расслабиться, а с собой даже никакого оружия нет. Пришлось выкинуть всё похожее на оружие еще при вылете из Евразийского Союза, чтобы не давать поводов для обысков и неудобных вопросов. Но здесь придется озаботиться чем-нибудь, хоть выкидным ножом, не говоря уже об

огнестреле.

«В таких неблагополучных районах не всегда выйдет убежать», — думаю я, а потом слышу, как открывается дверь и заходит еще один вспотевший мексиканец с взволнованным видом. С трудом понимаю, что он там лопочет из-за волнения, но проблемы очевидны. Троица явно впуталась в какую-то передрагу и готовится сваливать. С одной стороны мне это на руку, а вот с другой не совсем. К сожалению, сегодня именно второй вариант становится главным.

Кто-то с силой пинает дверь и врывается в комнату, сломав внутренний замок. Тот самый прибежавший мексиканец достает из кармана пистолет, но ворвавшийся действует еще быстрее, пригибаясь и выпуская три пули из табельного оружия в голову несчастного. А в комнату залетают еще фигуры в темной одежде и с оружием. Сразу можно признать спецподразделение Нью-Йорка по отличному обмундированию и штурмовым винтовкам. Нефть, может, исчезла, а вот порох продолжает изготавливаться.

Сейчас остается сделать самое верное в этой ситуации, а именно взметнуть руки на головой с растопыренными пальцами и кричать о том, что я не с ними. Так и поступаю, а те двое мексиканцев поступают полностью синхронно. К счастью, больше выстрелов не происходит, но меня заставляют уткнуться лицом в пол.

«Добро пожаловать в Нью-Йорк, Марк», — говорю сам себе, уже не надеясь отдохнуть этой ночью.

Факт № 11 За время вооруженных конфликтов и гонки вооружений страны изготовили и законсервировали столько оружия и боеприпасов, что хватит еще на двадцать лет активных войн. Самолеты и танки без модернизации двигателей бесполезны, но в остальном у человечества достаточно способов быстро убивать себе подобных.

Глава 2

Факт № 5В настоящее время нет значимых военных конфликтов между странами, так как присутствует общая проблема из-за монстров в подземельях. Но синкеров всегда не хватает, так как эта профессия опасна, а у действующих проходцев есть в среднем двенадцать месяцев перед недееспособностью. Поэтому во многих странах действует особое военное положение, согласно которому на службу постоянно кто-то призывается в принудительном порядке. От этого даже в тюрьме строгого режима не спрятаться.

Я не ожидал, что первая же ночь в Нью-Йорке станет такой богатой на новые впечатления. На родине не доводилось оказываться арестованным, так как я никогда не стремился приобщиться к криминальной жизни, считая это полностью тупиковым вариантом развития. Сейчас остается надеяться, что меня не будут мурыжить слишком долго.

Других мексиканцев уже забрали куда-то, а я сижу в местном полицейском департаменте, смотря, как содержимое моей сумки вываливают на один из столов для тщательного обыска. Ну ладно, это можно потерпеть, лишь бы ничего не сломали. Атлантическое Содружество считается довольно безопасным, но только для богатых слоев населения, права остальных заканчиваются там, где начинается настроение стража правопорядка.

Это, конечно, не значит, что местная полиция будет устраивать дичь посреди белого дня, но у нее достаточно возможностей, чтобы испортить жизнь тому, кто даже не является гражданином Атланты. Поэтому непринужденно и спокойно отвечаю на все вопросы и стараюсь сделать так, чтобы меня верно поняли.

За столом со мной сидит тот самый следователь, который первым ворвался в комнату мотеля и убил одного из преступников. Сейчас человек задумчиво разглядывает мой паспорт, визу и другие важные бумажки, доказывающие мое право находиться в стране. Билеты на дирижабль я не выкидывал, поэтому доказать, что я только сегодня прибыл в страну, будет нетрудно.

Но следователь продолжает перечитывать документы, словно ищет малейшие ошибки, за которые можно зацепиться. У него явно покрашенные в какой-то серебристый цвет волосы, уложенные к левому плечу, а на теле обычная гражданская одежда. Он явно не низкоранговый патрульный, которые ходят только в спецформе. Хуже всего то, что он вообще не улыбается и выглядит таким, к кому лучше не лезть под руку. При этом постоянно двигает губами влево-вправо, словно это дурацкая привычка. Ну, а мне остается молчать, пока не спросят.

— Марк Богов. Значит, хочешь учиться в академии Франклина? — наконец, спрашивает следователь, который даже не удосужился представиться.

— Именно так. Хочу поступить здесь на кафедру международных отношений, как это было в Праге.

— И по какой причине тебя оттуда исключили?

Вспоминать об этом не сильно хочется, ведь это было связано с несправедливостью. Но жизнь, как всем известно, абсолютно несправедлива.

— Я смог хорошо сдать вступительные экзамены, чтобы попасть на место с гос стипендией, на которую оплачивал обучение. Но, когда я заканчивал второй курс, в ту же

академию захотел перевестись сын помощницы декана. И тот новый студент не мог претендовать в этом случае на стипендию, поэтому его мать использовала связи и возможности, чтобы завалить одного из действующих студентов со стипендией, и на его место поставить своего сына. Тот, кого выкинули, был я.

Стараюсь рассказывать спокойным тоном, не используя грубые слова, хотя ту мамашу с её сыном-дебилем я буду проклинать самыми черными словами до конца их или своей жизни. Если карма существует, то им точно воздастся за всё.

— И тебя это совсем не бесит? — следователь достает сигарету и закуривает.

— Мне это не понравилось, конечно. Мои родители, например, решили, что я эту причину придумал, а вылетел из академии за неуспеваемость. Но потом я для себя решил, что это просто очередная возможность начать новую жизнь. Поэтому решил переехать сюда, чтобы поступить в другое учебное заведение.

— И ты думаешь, что сможешь рассчитывать на льготы при оплате обучения здесь?

— Скорее всего нет, но я приложу все усилия, чтобы учиться и работать одновременно.

— Понятно. Значит, ты из тех, кто всегда держит хвост пистолетом? В любой ситуации постарайся выжать все соки?

— Это линия поведения, которой я стремлюсь следовать, — остается лишь кивнуть, хотя мне на самом деле тут хвастаться нечем. Ошибки, неуверенность и даже отчаяние: в моей жизни всего этого добра обычно было навалом.

— Ясно, Марк Богов. Значит, прибыл в поисках лучшей жизни, — утверждает собеседник, продолжая делать затяжки, а мне остается лишь снова кивнуть. Это вполне емкое описание, которое здесь не редкость.

— Всё чисто, — говорит один из тех, кто рылся в вещах.

«Ну еще бы было не чисто, я не дурак ввозить и таскать с собой что-то запрещенное», — мысленно отвечаю полицейскому и рассчитываю, что меня сейчас отпустят восвояси. Дико хочется спать.

Вот только следователь не спешит что-то говорить, продолжая дымить, сидя напротив. Сам я не курю и стараюсь сделать вид, что мне сигаретный дым никак не мешает. Одновременно допрашивающий складывает мои документы стопочкой и кладет на них руку, продолжая задумчиво смотреть куда-то выше моей головы.

— Я начинал свою карьеру в отделе по борьбе с наркоторговлей. Сейчас этот преступный бизнес продолжает процветать. Некоторые «плантаторы» даже умудряются вапориумом удобрять земли и примешивать его в «синтетику». Вы можете идти, — это обращено коллегами.

Я лишь отдаленно понимаю внутренние термины полиции от бывшего борца с наркоторговцами и совсем не понимаю, к чему он это говорит, не обращаясь к кому-то конкретному. А вот остальные полицейские из кабинета тем временем выходят, оставляя двух человек наедине. Уже что-то не так, поэтому полностью концентрируюсь на словах и действиях собеседника.

— Так, м-м, я могу идти? — осторожно спрашиваю, пытаюсь подвести к нужному исходу.

— Да, конечно, ты покинешь это здание. Вопрос лишь в том, в роли кого.

— Гостя Нью-Йорка и будущего высококвалифицированного специалиста? — да я сама невинность, но этими словами пытаюсь показать, что давить на меня не стоит.

— Ах, если бы, — следователь тушит окурок с недоброй ухмылкой. — Мне на работе

постоянно приходится выполнять всякие планы. Есть план по отлову всяких мерзавцев, которые занимаются преступной деятельностью. Одного такого я сегодня даже на тот свет отправил. Есть норма на раскрытие преступлений, это сложнее перестрелок, ведь нужно собрать вещественную и доказательную базу, опросить свидетелей, подготовить заключение, отчеты, сверхурочная работа, крики шефа и другие прелести государственной службы.

— Могу вам только пожелать удачи в этом нелегком деле, от которого зависит благополучие города.

— От всей души благодарю, — смеется человек напротив. — Но мне нужно не это. Все планы и нормы не являются официальными, но от них зависит карьера, деньги и в целом будущее любого, кто хочет иметь власть в этом мире. И так уж получилось, что одну норму в этом месяце мне выполнить не удалось, а отчет сдавать уже сегодня в полдень.

Я украдкой бросаю взгляд на часы, висящие на стене. Время уже перевалило за полночь. После долгого перелета меня еще ждет акклиматизация, поэтому сейчас очень сильно хочется спать, но по закону подлости расслабиться невозможно.

— Из-за того, что пришлось сегодня гоняться за этими some mierda, кучу времени потратил зря, да еще пришлось одного грохнуть, а не хватает как раз трех до нормы.

— До какой нормы? — уже чувствую приближающийся пиздец. — Я законопослушный гость Атланты. Я не совершил никаких преступлений и случайно оказался в одной комнате с теми мексиканцами, чтобы сэкономить на жилье. Не нужно меня использовать для выполнения каких-либо норм.

— Я бы сказал, что мне жаль, но это пиздеж, — следователь хмыкает и достает из портфеля какие-то бумаги. — В этом месяце наш участок должен был поставить трех кандидатов на роль синкеров, иначе не видать нам выходных и премии.

Я был внутренне готов к тому, что на меня навесят какое-нибудь мелкое правонарушение, которое тут же раскроют и выпишут штраф, но такое... На такое я точно не согласен!

— Подождите, я не собираюсь становиться синкером! Да с какого вообще перепугу?! — я вскакиваю со стула, роняя его, а вот собеседник даже не дернулся, так как является хозяином положения.

— Синкер синкеру рознь. Будешь буяннить, я «случайно» найду в твоих вещах наркоту. У меня нюх как у собаки, учти. Ты отправишься в тюрьму, но до неё не доедешь, так как будешь передан в подготовительный центр в качестве преступника. А у такой категории новобранцев там вообще никаких прав и самые худшие условия. Либо ты можешь спокойно пойти, куда тебе велят, в качестве добровольца, и оказаться в более лучшем месте.

— Какой в этом смысл, если любой синкер закончит свою жизнь одинаково независимо от статуса?

— До смерти еще нужно дожить, и к ней тоже можно прийти по-разному. Пойми, другого варианта у тебя просто нет. Жаловаться мигранту здесь некому, и вся система работает в пользу государства, частью которого ты так хотел стать. Ну же, где твой хвост пистолетом? — следователь откровенно смеется.

Волна злости затапливает разум, но большей части от бессилия что-либо сделать. Я приехал сюда не для того, чтобы скоро умереть в подземельях. Всё старался сделать четко и по закону, чтобы было не придраться, но не учел, что человеческая жадность может затопить собой весь мир. Теперь меня откровенно вынуждают пойти туда, откуда обратной дороги не существует. Это не тюрьма, а место для самоубийства!

«Может, он лишь хочет меня запугать? Нет, я лучше отправлюсь в тюрьму, чем в синкеры», — теперь сдерживать себя не имеет смысла, поэтому быстро огибаю стол, чтобы от души врезать нахальному следователю. Гнев придает сил и уменьшает чувство страха, но попасть кулаком не удастся, так как оппонент успевает вскочить и пнуть стул мне под ноги.

Заминка дает ему время, чтобы принять стойку, а к кобуре на поясе он даже не тянется. Похоже, я действительно нужен ему живым. С ругательствами я пытаюсь показать, что плевать хотел на план по набору синкеров, но последующие выпады по-прежнему не оказали эффекта. Можно было бы догадаться, что следователь, который гоняется за преступниками и убивает людей, имеет достаточную подготовку, чтобы перехватить инициативу и опрокинуть обычного человека.

Кулаки кажутся вспышками перед глазами, когда я пропускаю пару чувствительных ударов. Потом успеваю ударить по руке следователя, но пропускаю мощный пинок в солнечное сплетение, из-за чего падаю на спину. А в комнату вбегают другие полицейские, которые успевают пару раз ударить дубинкой, делая акт сопротивления безуспешным.

— Не увлекайтесь, он должен уйти отсюда на своих двоих, — предупреждает следователь. — Усадите на стул.

Теперь я снова сижу на стуле, но руки за спиной и в наручниках. Из носа и нижней губы льется кровь, оставляя дорожки на лице и капая на одежду. Ничего осмысленного в голове сейчас нет, только боль и отчаяние. Вовсе не такой представлял себе новую жизнь, где нужно лишь постараться, чтобы получить желаемое. А теперь оказывается, что для этого нужно было родиться в преуспевающей семье и еще быть везунчиком. Это единственное, что больше всего гарантирует любой успех в этом мире.

— Сделаю вид, что ничего не случилось. Как жаль, что гость Атлантического Содружества потерял документы и вписался в уличную драку, нарушив общественный порядок, — продолжает следователь, на моих глазах сжигая при помощи зажигалки все документы, включая паспорт и визу. Из зажигалки с миниатюрным баллончиком со смесью вапориума и иных газов показывается язычок пламени, сжигающий документы, остатки которых падают в пепельницу.

— Эх, плакала моя американская мечта, — теперь мне совершенно все равно на то, что говорить.

— Да уж, — улыбается следователь и подходит ближе, чтобы со всего маху ударить открытой ладонью по уху. Несмотря на улыбку, взбесить все же удалось. В Атланте всё, где упоминается Америка, может вызвать агрессию.

— Вот бы и тебя отправить в подземелья. С таким рвением к службе и пунктуальностью выполнения нормы ты бы стал работником месяца, — я продолжаю зубоскалить, так как больше ничего не могу. Это было неясно сначала, но теперь очевидно: я теперь в положении бесправной вещи, и никто спасать меня не будет.

— Ай, говори, что хочешь, — отмахивается следователь. — Я уже видал таких, как ты. Сначала вы смелые и посылаете всех на хрен, а потом плачете, как маленькие девочки, когда вас ведут на первую процедуру насыщения вапориумом. Тащите его в гроб, я пока оформлю нужные бумаги.

«Гробом» здесь называют машину для перевозки заключенных, которая напоминает автобус, но без окон. Действительно, большой металлический гроб на колесиках, который отправит тебя навстречу концу жизни. Здесь уже сидят те двое мексиканцев, которые, похоже, еще не знают, что их ждет. Они вряд ли заслужили какие-либо разговоры и выглядят

удивленными, увидев и меня здесь.

— Я удивлен не меньше вашего. Вместо того, чтобы учиться и зарабатывать, я отправлюсь на войну, где сдохну. Вы, кстати, тоже. Добро пожаловать в ряды синкеров, — я говорю по-испански, и меня они понимают, хоть у меня и плохо с языковыми группами бывшей Мексики. Даже удалось почувствовать некоторое облегчение, заметив растерянность, а потом и страх от услышанного.

«Так вам и надо. Если бы не вы, я бы сегодня спал, как младенец, а наутро выпил бы кофе с булочкой и отправился по первым делам», — стыдно в этом признаваться, но сейчас хочется буквально разрыдаться от несправедливости и чувства разочарования от приезда в эту страну, о которой всегда отзывались положительно. Теперь я с уверенностью могу сказать, что дерьмо присутствует вообще в любой стране, нигде нельзя доверять видимости законов или теплого отношения.

Мне только-только исполнилось двадцать пять лет, я нахожусь на пике молодости и энергии, поэтому перспектива сдохнуть в течение года вызывает лишь оцепенение и желание сжаться и ни о чем не думать. Если на обычных войнах всегда был шанс дожить до конца военного конфликта и вернуться к обычной жизни, то после принятия силы вапориума начнется обратный отсчет до деградации тела и личности.

С этой работы не получится уволиться, бежать тоже будет бесполезно после вступления в ряды синкеров, поэтому сейчас остается единственная возможность — побег до того, как автобус попадет на территорию подготовительного центра. Кровотечение уже давно остановилось и осталось коркой на нижней части лица, а я понимаю, что сейчас совсем не время плакать.

— Держать хвост пистолетом? Да я это умею с самого рождения, — это уже говорю по-русски, вызывая удивленные взгляды товарищей по несчастью.

— Утром и вечером, ночью и днём,
По дороге с работы, по пути в гастронорм,
Если ты не тормоз,
Если ты не облом,
Держи хвост пистолетом,
А грудь держи колесом.

Я напеваю под нос очень старую песню от «Nautilus Pompilius», которая подходит как нельзя лучше ситуации. Быстрый осмотр автобуса выявляет полное отсутствие путей для бегства. Есть люки в разных частях, не считая главного входа, но все задраены. Бежать отсюда некуда, разве что просочиться через решетки для вентиляции, но это выше человеческих возможностей.

В этот момент «гроб» трогается с места, направляясь к пункту назначения. Из-за отсутствия окон остается лишь догадываться о маршруте, но я даже рад, что не вижу ночного Нью-Йорка, который для меня отныне закрыт.

«Возможно, я больше никогда не увижу солнечный свет», — сажусь обратно на место и закрываю глаза. Если ехать достаточно долго, то есть время поспать в пути. Сам того не замечая, проваливаюсь в глубокий сон, так и не поняв, что в салон просто пустили усыпляющий газ. Любое бегство отсюда невозможно в принципе.

Факт № 755 Синкерами могут стать не все, всегда есть риск отторжения вапориума и смертельной интоксикации. В таком случае путь нового защитника мира во всем мире закончится, даже не начавшись.

Глава 3

Факт № 77 Принудительная мобилизация в ряды синкеров шутивно исповедует теорию полного равноправия. В синкеры забирают и мужчин, и женщин. И совсем молодых, и пожилых людей. Если когда-то военная служба считалась чисто мужской обязанностью, то вапориум всех уравнивает. Даже если перед тобой хрупкая девушка или ковыляющий старик, суперспособности любого сделают смертельно опасным. От призыва можно отвертеться, но в первую очередь это относится к людям с деньгами или властью, и к детям.

Просыпаюсь от пинка по ноге и резко открываю глаза, смотря на потолок незнакомого помещения. Там висит люстра, но свет не включен, так как достаточно солнечного света, проникающего через окно с решеткой. Проспал до самого утра, но голова болит, словно сон не принес вообще никакого отдыха.

— Вставай, новобранец. Будешь лежать на холодном полу, простудишься, — произносит кто-то рядом глубоким и поставленным голосом, но с сильным русским акцентом. Даже сквозь дурное самочувствие я этого различаю на слух.

С трудом заставляю себя подняться, тело действительно окоченело, словно меня уже давно притащили сюда и бросили на пол. Теперь можно чуть лучше разглядеть небольшую комнату, в которой стоят две двухъярусные кровати, небольшой шкаф, туалет и умывальник в углу.

А вот за спиной оказывается мужчина в плаще и с ухоженными черными волосами и бородой, который улыбается, но при этом в его улыбке не чувствуется чего-либо нехорошего, как это было с тем следователем. Стоит только вспомнить того ублюдка, как хочется материться и бить стену. Но ничто из этого сейчас мне не поможет.

— Доброе утро. Где мы находимся? — задаю вопрос по-русски, догадываясь, что человек передо мной тоже мигрант из Евразийского Союза.

— О, соотечественник, — кивает незнакомец и отвечает на родном языке. — Мы в подготовительном центре «Nymphaea alba». Это, кажется, название озерной кувшинки на латыни. Все подготовительные центры таким образом называют в Атланте. Меня здесь кличут отцом Григорием. Точнее, местным легче произносить Григори.

— Отцом? Всмысле, ты батюшка?

— Духовного сана у меня больше нет, но я по-прежнему с Богом. И да, я тоже синкер. Думаю, история у нас одинакова. Ты прибыл в страну и попался на глаза тем, кто постоянно пополняет ряды защитников человечества?

— Ну, да. Похоже, иначе тут не бывает, так как добровольцев днем с огнем не сыщешь.

— На самом деле добровольно сюда тоже приходят, но такие тут действительно меньшинство. Тебя определили ко мне в отряд, так что я должен тебе тут всё показать и рассказать о важных правилах. От результативности действий отряда зависит наш статус. А от статуса тут зависит всё остальное.

— Подождите-подождите, мне нужно собрать мысли в кучу, — жизнь переменялась слишком быстро, так что хочется просто взять паузу и провести её в тишине.

— Боюсь, на это просто нет времени, Марк, — отец Григорий показывает, что знает имя нового товарища. — Тебе нужно появиться в классе для тестирования. Пойдем.

Мне остается лишь кивнуть и идти следом. Теперь в будущем будет только хуже и хуже, поэтому об отдыхе на первое время стоит забыть вовсе. Сейчас иду по длинному коридору, похожему на психбольницу, хотя я знаю устройство таких заведений только по фильмам. С разных сторон находятся двери в закрытые комнаты, где наверняка проживают другие

кандидаты в синкеры.

Потом начинается спуск по лестнице на пару этажей, пока не показывается этаж, перегороженный решеткой с двумя охранниками в бронежилетах и с оружием. Они без слов открывают дверь и пропускают внутрь. Только сейчас замечаю, что повсюду висят камеры, почти на каждом углу, чтобы видеть любое место как минимум с двух ракурсов.

«Все же это тюрьма, из которой сбежать будет непросто», — не то чтобы меня это останавливает, ведь от успеха побега зависит моя жизнь, но пока нет никаких планов. Даже неизвестно, когда меня поволокут на прием вапориума. Это стоит уточнить.

— Отец Григорий, а когда меня заставят становиться синкером?

— Да, это важный вопрос. Давай объясню. Сейчас мы идем в комнату тестирования, где тебя и протестируют. Обычный тест, как в школе. Там оценивают общий уровень знаний, тип личности, наклонности и степень психологической подготовки. Рекомендую не заваливать этот тест, так как от него частично зависит место, в котором будешь работать. Потом потащат на проведение медицинской комиссии, после чего ты примешь первую дозу вапориума. Обычно все укладываются в день-два.

Понимаю, что времени очень мало. За такой срок я не успею тут обжиться и разработать какой-нибудь план.

— Обычно новички спрашивают, какие основания у медкомиссии признать человека негодным для несения службы, — продолжает проводник. — Поэтому сразу скажу, что ты вряд ли под них подходишь. Вернуться отсюда не синкером получится у беременных женщин и уже недееспособных людей. Это две основные категории, которых могут забраковать по понятным причинам.

— А недееспособность это...

— Полный паралич тела, кома, отсутствие больше двух основных конечностей и остальное, что однозначно не позволит нести службу в рядах синкера. Отсутствие двух ног, очень плохое зрение или какие-нибудь хронические болезни по типу рака, СПИДа, гепатита и так далее не считаются достаточной причиной для освобождения. И сразу предупрежу, если ты вдруг захочешь прикинуться сумасшедшим. Ты таким образом лишь облегчишь центру задачу и тебя сразу определяют в отряды таких же больных головой, которых отправляют в самое пекло и ценят меньше всего. Даже преступники, которых тоже выделяют в отдельные группы, по статусу находятся выше психически нездоровых. Мы пришли и еще поговорим после тестирования. Заходи.

Остается лишь войти в помещение, очень похожее на школьный класс с партами и доской. Тут уже сидят примерно десять человек, ожидая начало тестирования. Некоторые злые, другие подавлены, а девушка за соседней партой явно плакала всю ночь. Через несколько минут заходит служащий центра и начинает раздавать бланки с тестами и карандаши.

Словно вернулся в школу или вуз, но теперь нужно решать не тесты по иностранному языку или экономике, а психологические тесты и другие задачи. Один из азиатов поднимает руку и на ломанном английском говорит, что не может читать текст на чужом языке. Он явно из Конфедерации Ханси, что сплотилась вокруг бывшего Китая, Южной и Северной Кореи, Японии, Индии и других стран Азии. Но к таким ситуациям тут явно привыкли поэтому тестирующий достает из портфеля тесты, переведенные на все основные языки мира.

На выполнение работы дается сорок пять минут, поэтому я берусь за карандаш. Отец

Григорий не похож на человека, который стал бы советовать что-то плохое, поэтому я намерен показать себя как человека с достаточным уровнем интеллекта, чтобы работать головой, а не руками.

«У вас три цента, а у Алана шесть центов. Пончик стоит пять центов. Сколько пончиков вы сможете купить, если сложите с Аланом деньги?» — читаю первую задачу и недоумеваю. Но потом понимаю, что сюда могут попасть те, кто никогда в жизни не посещал школу. Одним тестом здешние заправилы явно пытаются оценить самых разных людей. При этом первые задачи сначала оказываются легкими, но постепенно сложность увеличивается.

«У нас имеется две выборки с тридцатью элементами из двух генеральных совокупностей со стандартным отклонением, равным 4, и выборочным средним для каждой выборки — 17,5 и 19. Уровень статистической значимости возьмем как 0,05. Наша нулевая гипотеза заключается в том, что обе генеральные совокупности не различаются. Проверьте ли вы нулевую гипотезу в пользу альтернативной?» — здесь вариантов ответов нет, только поле для записи решения.

Хорошо, что я не прогуливал пары по статистике, поэтому задачу получится решить с использованием t-теста Стьюдента с нахождением вероятности получить результат равный 95 % доверительному интервалу или еще выше по центральной предельной теореме. Сейчас быстро записываю решение, пытаюсь на глаз оценить результат, не имея под рукой шпаргалок или таблиц.

«Напишите реакции для изобутилхлорида с цианистым калием и ацетатом серебра», — ну, тут явно я буду в пролете, так как из школьного курса химии почти ничего не помню. Знаю лишь то, что цианистый калий вроде бы супер-яд из фильмов и книг.

«Машинист товарного состава перед началом движения сначала сдает назад, а уже потом двигается вперед. Почему он это делает по вашему мнению?» — ха, тут я могу догадаться, что легче сдвинуть с места вагоны по-одному, а не в состоянии натянутой сцепки всего состава.

«В компьютерной игре у вас есть пятнадцать очков характеристик и три варианта развития: усилить тело, усилить разум, усилить паранормальные способности. Что именно будет давать последний пункт, вы не знаете наверняка. Как вы распределите стартовые очки при условии, что нужно распределить все и прямо сейчас? Дайте развернутый ответ».

Тут пришлось зависнуть подольше. Очевидно, нельзя от балды раскидать эти очки. И что значит усиление разума? Мозги — это ведь тоже тело. Ладно, допустим, что это про интеллект, ману, вся фигня. Тут основной упор сделан именно на то, что неизвестен эффект развития паранормальных способностей. Здесь может и не быть правильного ответа, скорее смотрят на ход рассуждений. Я бы предпочел на старте вложиться в то, эффект чего вполне ясен, но при этом для понимания придется потратить пару очков и на третий вариант. Поэтому пусть 8 на тело, 5 на разум и 2 на непонятные вещи.

Полученный ответ является вполне нормальным и безопасным, но нужен ли он тут? Я крепко задумался. Первый вариант может быть нормальным, если говорить об играх, но в реальности, где только одна жизнь, да еще и очень короткая, так ли важно следование безопасным путям? Понимаю, что нет, и записываю решение, где 15 очков вкладываю в паранормальные силы, эффект которых неизвестен. Когда терять особо нечего, риск не так уж страшен. Пускай и глупо, мне пофиг.

Были задачи на геометрию, мировую историю, а потом нужно было быстро пробежаться по психологическому тесту. Еле-еле уложился в лимит времени, многие в классе так и не

успели сделать всё, но экзаменатору на это явно все равно. Он собирает листы и сразу уходит из класса, а на его место приходит другой человек, который ведет всех на медкомиссию. Судя по всему, для них это рутинное дело, если смотреть на скучающие лица и полный игнор любых вопросов от лица будущих синкеров.

Приходится спуститься еще на один этаж, где мужчины и женщины разделяются по двум кабинетам. Там проверяют зрение, слух, собирают историю болезней, если такие у кандидата присутствуют. В общем, обычная призывная комиссия, я такую же проходил в восемнадцать лет для прохождения стандартной военной службы, но смог поступить в академию.

Товарищи по несчастью выглядят заторможенными и погруженными в себя, и тут я их понимаю. И сам с трудом прогоняю нехорошие мысли о смерти, а также до сих пор не верю, что какого-то будущего у меня больше нет. Возможные тридцать-сорок-пятьдесят оставшихся лет просто исчезают на горизонте. Это вызывает тоску, так как ничего особенного за свою жизнь достигнуть не смог. Многого не попробовал, а большинство мечт мечтами так и останутся.

Конечно, по результатам комиссии я годен по самое не хочу, поэтому быстро одеваюсь и выхожу в коридор, где меня дожидается отец Григорий в толстовке, джинсах и кроссовках. Стоит отметить, что синкеров в Атлантическом Содружестве не заставляют носить какую-то форму, в отличие от служащих центра.

— Как прошло? — спрашивает куратор и командир отряда, что бы это ни значило.

— Тесты написал, комиссию прошел.

— Вот и славно. У меня для тебя подарок. Держи, — собеседник протягивает футболку с длинными рукавами. — Твоя одежда заляпана кровью, а это осталось от погибшего члена моего отряда. Ты примерно той же комплекции.

— Спасибо, — я снимаю грязную рубашку и надеваю футболку, на которой изображена пальма и солнце. Позагорать на пляже с коктейлем в руках я тоже в жизни не успел.

— Первый шок пройдет.

— А?

— Б, — беззлобно отвечает отец Григорий. — Сомкнутые губы, взгляд в одну точку, нахмуренные брови. Ты разговариваешь со мной, но мысленно в переживаниях. Это нормально, и это пройдет.

— И как с таким можно справиться?

— Массой способов. В такой ситуации человек может пойти по одному из путей. Некоторые замыкаются в себе, проклинают мир, судьбу или невезение. Некоторые находят отдушину в агрессии, таких тут немало, и кровь льется даже без участия монстров. Другие пытаются найти смысл в случившихся событиях и даже находят. С таким жить легче и взгляд веселее, — добродушно рассказывает отец Григорий.

— А ваш способ?

— «Вот, Бог — спасение моё: уповаю на Него и не боюсь; ибо Господь — сила моя, и пение моё — Господь; и Он был мне во спасение».

— Глупый был вопрос, — я даже улыбаюсь.

— Глупых вопросов не бывает. Бывают глупые люди. Сейчас пойдём в столовую, я знаком с поварами. На сытый желудок и жизнь легче.

В этот момент где-то за пределами здания раздаётся взрыв, прошедший дрожанием по окнам этажа. Я сразу подхожу к окну и вижу площадку между корпусами, где горит пламя.

Не сразу удается заметить человеческий силуэт, стоящий посреди языков огня, а потом замечаю и обугленные тела людей вокруг.

— Что это такое? — спрашиваю у проводника, показывая на человека в огне, держащегося за голову.

— Эх, это один из исходов пути синкера, Марк. Такое тут случается порой. Ты в курсе, что синкеры долго не живут, погибая от всяких болезней, но у некоторых это выражается в сумасшествии. Человек в какой-то момент может слететь с катушек и начать убивать и уничтожать всё вокруг. Обычно таких запирают на глубоких уровнях, чтобы они тратили остатки сил и жизни на уничтожение монстров, но это состояние может возникнуть на пустом месте у нормального на первый взгляд синкера. И тогда случаются такие инциденты.

Я продолжаю смотреть на то, как человек кричит, но слов не разобрать из-за бронированных окон. Несмотря на огонь, свихнувшийся синкер продолжает стоять на месте, значит, он может управлять огнем и не будет сам от него страдать. Во дворе появляются вооруженные охранники, но ничего более не делают, оставляя работу другому человеку, идущему прямо на синкера. Похоже, сейчас будет что-то такое, чего я не ожидал.

— А вот это причина, по которой бунты синкеров часто оказываются безуспешными, — продолжает отец Григорий. — Имея сверхчеловеческие возможности, можно прийти к решению использовать их против Атланты и надзирателей, но среди последних тоже есть синкеры, которые получают почти все блага за работу на государство. Тот безумец уже покойник.

Я не отрываюсь от происходящего, чтобы ничего не пропустить. Уже думал о том, чтобы попытаться сбежать при помощи суперспособностей. Вероятность успешного побега уменьшается, и ничего с этим, похоже, не сделать. Возможно, было глупо пытаться придумать способ побега, ведь до меня тут уже было немало несчастных, которые думали таким же образом, а историй успешных побегов слышать не доводилось.

Факт № 418 Почти во всех странах принято на уровне законов право государства призывать на службу синкеров. При этом алгоритм выборки граждан не установлен. Это вызывало массовые протесты, которые ничем не закончились. Силы синкеров нужны странам, значит, их продолжают набирать, не считаясь с другими правами и гуманистическими ценностями.

Факт № 112 Необъяснимые наукой способности, которые может получить человек после приема вапориума, могут оказаться самыми разными. Все известные собраны в международный классификатор суперспособностей — ICS. Однако всеми признается, что он может быть далек от завершения, так как общего количества способностей никто не знает.

Я смотрю на противостояние двух синкеров во дворе, где сошедший с ума заметил новую опасность и вытянул руку вперед. Огонь и вправду слушается его, раз устремляется конусом в противника. В какой-то иной ситуации можно было ждать смерть смельчака от серьезных ожогов, но пламя почему-то не касается тела.

Приходится прищуриваться, чтобы разглядеть странную дымку над плечами охотника за синкерами, как я про себя назвал его. Однако постепенно дымка становится объемнее и приобретает глубокий синий оттенок.

Я не могу определить, что это за силы, но в целом слышал о синкерах самые разные слухи. Что на родине, что в Атланте, на территории подготовительных центров и тем более в подземелья журналисты никогда не допускаются. Подготовка синкеров и прочая их деятельность является секретной, поэтому я уверен, что меня больше никогда не выпустят за пределы охраняемых зон.

Но слухами земля полнится, поэтому до ушей доходили байки о том, что синкеры могут владеть как понятными сверхвозможностями, так и совсем не укладывающимся в голове. Полный список ICS даже недоступен обычным людям, но существование телекинеза или пирокинетики известно всем. Но как именно им обучаются и как их используют: это в общем информационном поле не оказывается. Давным-давно даже слышал истории о том, как некоторые люди самостоятельно принимали вапориум из промышленных установок, но получали лишь сильнейшее отравление.

Тем временем внизу синяя дымка словно сжимается до острых нитей, которые опутывают тело свихнувшегося синкера, а дальнейшее зрелище я запомню до конца своей жизни, наверное. Нити кажутся нематериальными, раз не опутывают, а просто проходят сквозь тело оппонента, но места проникновения на самом деле оказываются местами разрезов, после чего человеческое тело буквально разваливается на куски, будто после работы мясника. И каково же мое удивление, когда я даже угадал прозвище этого синкера.

— Этого называют Мясником, — произносит отец Григорий. — Его нити могут легко разрезать почти что угодно. Не советую переходить ему дорогу.

К сожалению, отсюда не получается толком рассмотреть лицо Мясника, который просто разворачивается и уходит, доверив остальное служащим центра с огнетушителями в руках. Они споро принимаются тушить пожар и убирать тела.

— Капец, — это мой единственный комментарий на увиденное.

— И не говори. В подготовительном центре постоянно происходят происшествия от крупных до совсем мелких. Но вот в подземельях законы и правила вообще не имеют силы. Запомни это.

— Надо полагать, что под землю сотрудничающие с администрацией синкеры не ходят?

— Обычно нет. Там и без них смертельно опасно, ведь приходится встречаться с монстрами, и это чаще всего хуже. И сразу отвечу, что тебе не стоит рассчитывать на приглашение от центра. Как производится отбор, мне неизвестно, но чаще всего на эту

должность приглашают граждан Атланты с сильными способностями и желанием приносить боль другим синкерам.

— А в чем смысл? — я направляюсь за отцом Григорием в столовую. — Не думаю, что таким синкерам смогут продлить срок жизни.

— Срок жизни, конечно, продлить не смогут, но зато они избавляются от рисков подземелья и освобождаются от другой неприятной работы. Государство снабжает их лучшим оружием и ресурсами для выполнения обязанностей. К тому же они вкусно едят и имеют доступ к почти любым развлечениям гражданского мира. Плюс, у них запредельный статус.

— Кстати, а что такое статус здесь? Какая-то система рангов? Слышал такое про синкеров в Евразийском Союзе.

— Именно так. Эту систему придумали здесь, а уже потом другие страны переняли её. Добровольно синкером никто не хочет становиться, но даже если принудить силой, наплевав на свободу личности, нельзя гарантировать, что в подземельях синкеры будут выполнять приказы. Понимаешь это?

— Да. Становление синкером — это уже самое страшное, что может случиться, ведь это смертный приговор, просто растянутый во времени. В такой ситуации может быть трудно заставить работать людей, у которых отняли прежнюю жизнь и будущее.

— Ты схватываешь на лету, — кивает куратор. — И именно по этой причине были придуманы способы давления на синкеров. Здесь всё — это волчья стая. Здесь не действуют многие законы Атланты, например, за убийство или кражу никакого явного наказания не последует. Просто потому, что нельзя наказать еще сильнее, не в тюрьму же отправлять. Такие порядки порождают конкуренцию, а также иерархию среди синкеров. Те, кто наверху стаи, могут делать что угодно с теми, кто внизу. В разумных пределах, разумеется, если начнешь убивать всех подряд, к тебе придет Мясник и ему подобные с наивысшим статусом.

— Не совсем все же понимаю, какие границы дозволенного и что именно дает статус.

— Статус — это сила, власть, ресурсы, влияние. За работу синкером ты получаешь оценки, который влияют на твой статус. Статус позволяет тебе посещать магазины оружия, экипировки и артефактов. Последнее — это вещи, которые находят в подземельях. Они часто обладают особыми силами. Статус позволяет посещать медблоки и получать медицинскую помощь и обезболивающие препараты. Блокаторы боли здесь почти что наркотик. Со статусом ты можешь получать вкусную и свежую еду, а не просто пищевую массу без вкуса и витаминов. Но самое главное — статус таким образом косвенно влияет на твою силу, и путем насилия ты можешь заставлять делать что-то других или отбирать блага жизни.

— Капец, — повторяю я.

— Не переживай сильно об этом, — советует собеседник, толкая дверь столовой. — Тебе еще нужно стать синкером, чтобы покинуть этот корпус для новичков. Другие синкеры, кроме кураторов, не могут сюда заходить, поэтому это самое безопасное место во всем центре. На верхних этажах здания находятся административные офисы.

— А когда выпнут отсюда, то что делать?

— Если всё будет окей, как говорят здесь, то я могу взять тебя к себе в отряд, но будет зависеть от того, что за возможности тебе откроются. Это жестокое и темное место, где объединение в команды жизненно необходимо.

Мы уже садимся за один из столов, и я с отвращением на лице мешаю ложкой какую-то

пищевую массу, которая вообще не похожа на обычную еду. На вкус похожа на перемешанную кашу с маслом, но никакого ярко выраженного вкуса нет. Чай в стакане тоже примерно такой же.

— Значит, за менторство вы тоже получаете какие-то бонусы, влияющие на статус?

— Именно так, — отец Григорий даже не пытается этого скрывать. — Синкеры гибнут постоянно, а для выполнения заданий под землей нужны люди, которым можно доверять. Если задания не выполнять или делать это некачественно, твой статус понизят. Пока не сильно на этот счет переживай, у тебя сегодня-завтра еще будут занятия, как и каждый день на протяжении недели. Если к концу недели ты еще будешь жив, значит, сможешь влиться в ряды синкеров. Почему не ешь?

Признаться, кусок в горло не лезет, особенно после разговоров о том, что тут придется выживать не только в подземельях, но еще во время отдыха между миссиями. Самая важная ценность в истории человечества на мой взгляд — это свобода. Ни любовь, ни трудолюбие, ни справедливость или знания. Ничто из этого, даже сама жизнь, не может сравниться со свободой. С возможностью самому выбирать, куда идти и что делать, ничто рядом не стоит. И уж лучше умереть молодым, чем провести в рабстве десятки лет. Но умереть молодым и в рабстве... Это хуже всего.

— Как долго вы синкер, отец? — решаю сменить тему.

— Семь месяцев. Считаюсь уже опытным проходцем.

— Значит, вы уже очень близки к проблемам из-за вапориума?

— С каждым днем всё ближе, да. Но пока что чувствую себя хорошо, слава тебе, Господи. Я не знаю, какой срок отмерен лично мне, но я человек верующий и в этом моя сила. Я знаю, что когда настанет роковой час, я закончу земные мытарства и начну небесные, после чего Бог примет душу мою. И там я надеюсь обрести покой, поэтому стараюсь жить по заповедям. С вечной жизнью в раю никакая земная суета сравниться не может. И даже больше!

— Даже больше что?

— Я вижу особую миссию в том, что нахожусь здесь. Раз я здесь оказался, значит, Господь меня сюда направил. Можно относиться к принудительной службе по-разному, но нельзя отбрасывать опасность со стороны монстров. Ты согласен со мной?

Тут спорить не приходится, хотя я никогда вживую не видел этих тварей. До сих пор свежи воспоминания репортажа из Кардиффа с территории бывшей Великобритании, когда монстры сумели достичь поверхности земли. Это оказалось подобно ядерному удару, когда странная плесень, приносимая монстрами, убила всё население крупного города, обратив жителей в сплошную биомассу и навсегда уничтожив природу вокруг города. Так возникла еще одна зона отчуждения. И при этом у монстров много разных типов и способов уничтожения жизни.

— Конечно, несправедливо попасть сюда, когда другие продолжают жить обычной жизнью без риска оказаться здесь, но есть ведь и другие люди. Работники, матери и дети, старики: если синкеры перестанут сдерживать монстров, то количество жертв будет колоссально. И даже если монстры не прорвутся на поверхность, но будут мешать добыче вапориума, то начнется новый топливный кризис, новые войны и жертвы.

— Хотите сказать, что синкеры — это неизбежное и меньшее зло?

— Да, можно сказать и так.

Чувствую, что определенная логика в словах отца Григория присутствует. Разумеется,

бороться с монстрами нужно, я бы не хотел идти утром на работу и неожиданно сдохнуть от рук появившегося чудовища. Особенно при условии, что эти твари сами обладают сверхчеловеческими возможностями, поэтому застрелить таких из ружья или автомата будет очень сложно.

Вот только я никогда не считал себя каким-то мессией. Отец Григорий, бесспорно, замечательный человек с высокой нравственностью и широкой душой, но мне до таких высот ой как далеко. Сейчас я хочу лишь злиться и грызть ногти от волнения. Меня скорее всего любой назовет эгоистом, но как-то плевать. Не всем дано быть великими людьми.

— Но повторю: не забивай себе голову пока этим. Ты попал в страшную ситуацию, поэтому в любом случае нужно перевести дух. Как я уже говорил, через пару дней ты успокоишься и адаптируешься. А теперь попробую все же съесть пять-шесть ложек. Энергия тебе пригодится.

— И как можно выработать спокойствие в такой ситуации? Посоветуете молиться богу? — я чуть улыбаюсь.

— Ой, к Богу нельзя притащить за руку, к Нему можно только прийти самому. Я стараюсь не лезть с религиозными наставлениями ко всем подряд, но если ты захочешь об этом поговорить и вместе помолиться, я с радостью тебе помогу. Через полчаса у тебя будет первое занятие, где будет первоначальное обучение всему полезному. Вам там подробно расскажут о местных порядках, а также о подземельях.

Когда я смог съесть половину тарелки, мы покинули столовую и направились к уже знакомой аудитории, в которой писался тест. По пути замечаю других претендентов, рядом с которыми явно стоят кураторы. У кого-то, как, например, у отца Григория, только один кандидат в синкеры, у других два или даже три человека. С чем это связано, не особо понятно, но моего ментора другие узнают и приветствуют кивками.

— Меня не будет, когда закончится занятие, так что вернись самостоятельно в ту комнату, в которой я тебя разбудил. Справишься?

— Да.

— Тогда удачи.

Я захожу в помещение и занимаю ту же парту в центре комнаты, дожидаясь начала занятия. Скоро подтягиваются другие кандидаты, а также приходят сразу два преподавателя и садятся в разных частях класса.

— Мадхуп Ширме, Марк Богов, — вызывает один из них, после чего приходится встать и подойти к человеку в очках и лабораторном халате. Этот тот самый, кто проводил тест. Рядом останавливается еще какой-то загорелый парень. Судя по внешности и имени, нетрудно догадаться, что он родом с полуострова Индостан.

— Вы набрали самые высокие результаты в тесте. Пойдете со мной, — сказав это, человек с черными волосами выходит, поэтому придется идти следом.

Это маленький успех, но уже вызывает чувство радости. Если от теста действительно зависит что-то важное, то можно получить более высокий статус, да? Понимаю, что забыл уточнить это у отца Григория, как и задать сотню других вопросов.

Меня и Мадхупа приводят в какую-то лабораторию с большим количеством компьютеров. Пар стал основным двигателем прогресса, а вот развитие электроники из-за экономической нестабильности и кучи войн остановилось примерно на уровне года моего рождения. Одна лишь Теслакратия Амон, говорят, продвинулась дальше всех, используя минимум вапориума для своих нужд.

— Вы станете участниками экспериментальной программы, — объясняет местный сотрудник. — Для этого нужны те, кто умеет думать и быстро учиться. Садитесь туда по одному.

Я жестом пропускаю индийца вперед, чтобы посмотреть, что именно сейчас будет происходить, но Мадхуп начинает яростно мотать головой. Он явно не хочет быть первым.

— Вперед, говнюки! — вдруг рывкает незнакомец. — Я могу вам устроить сладкую жизнь, и работа в подземельях раем покажется.

Ах, как же хочется врезать по лицу этого придурка, но этого делать не стоит. Проглотив услышанное, я толкаю Мадхупа плечом и подхожу к большому креслу с непонятными устройствами и проводами. Чем-то похоже на стоматологическое кресло. Местный лаборант (или кто это вообще?) привязывает руки и ноги к креслу в прочные зажимы. Постепенно становится не по себе, ведь зачем приковывать к креслу? Или уже сейчас будет насыщение вاپориумом?

Похоже, догадка оказывается верной, так как над креслом закреплено какое-то механическое устройство с металлическими трубами и чем-то, похожим на кислородную маску. Служащий центра рычагом опускает конструкцию таким образом, чтобы маска оказалась прямо у меня на лице, закрывая рот и нос. А автоматические зажимы обхватывают голову, словно это лицехват из очень старого фильма.

Раздается шипение, пока я нюхаю грязную маску. Несет пластиком, потом и бог знает чем еще. Это точно насыщение вاپориумом, который нужно вдыхать в правильной дозе. Сердце бьется очень быстро, а руки потеют, пока с потолка опускается стеклянная колба, изолирующая от остальной комнаты.

— Расслабься. У тебя подскочило артериальное давление, — в динамиках раздается голос служащего центра. — Смертность на этом этапе составляет всего пятнадцать процентов. Да и сейчас мы начнем со встраивания нового изобретения наших ученых. Эта система должна помочь в адаптации и обучении новых синкеров. Тебе досталась почетная роль стать одним из первых бета-тестеров.

— Пшел на хй, — меня наверняка отвратительно слышно из-за маски, а потом чувствую, что по трубам начинает двигаться воздух, который нельзя не вдыхать. Часть выходит через небольшие отверстия на маске, а вот другая проникает в легкие и разносится по всему телу с кровью.

Перед глазами мелькают вспышки, сильно кружится голова, а потом легкие начинают гореть, а кожа буквально пылать. Ощущения очень неприятные, и следом начинаются сильные судороги, которые не получается контролировать. Я бьюсь как эпилептик, а потом приходит черед галлюцинаций. Это точно глюки, ведь никак иначе нельзя объяснить монструозную громаду, что нависает надо мной в абсолютной тьме...

Факт № 63Теслакратия Амон обладает недоступными технологиями и почти не вмещивалась в последние войны. Почти вся территория Австралии застроена солнечными панелями и ветряками, что позволяет вырабатывать достаточно электричества даже без вاپориума, хотя без него ни одна страна полностью обходиться не может.

Факт № 636 Насыщение вапориумом — целенаправленное принятие дозы нового элемента с вероятностью приобрести новые способности. Однако науке неизвестна причина такого влияния, как и способ получения конкретной способности.

Мне кажется, что тело протыкают колючей проволокой и начинают пропускать через израненную плоть. Хочется кричать, но на горле словно затянули удавку, так что еле получается дышать. Но галлюцинации тревожат ничуть не меньше, особенно такие реалистичные.

Вокруг одна лишь тьма, но она частично рассеивается перед лицом, где в примерно в десяти метрах сокращается что-то огромное. Это сердце что ли? Нет, там пара объектов, словно... Словно гигантские легкие, которые при вдохе чуть притягивают к себе, а с выдохом отдаляют. И когда происходит вдох, из внутренностей легких показывается свет, проникая через полупрозрачные стенки.

В голове уже почти нет каких-то конкретных мыслей, происходящее напоминает кошмар, а потом перед лицом возникает образ фонаря, испускающего алый свет. Похоже на какой-то антикварный предмет с высокими стеклянными стенками и крышкой из резного металла. На гранях металлические столбики с непонятными письменами.

[Открытие первых клапанов. Подключение к центру. Подключение успешно]

«Это еще что?» — когда появился странный фонарь, я почувствовал себя немного лучше.

Боль стала тише, а разум прояснился, хотя глюки даже не думают проходить. А потом замечаю, что алый свет бросает лучи на огромные легкие, продолжающие дышать. Можно рот разинуть из-за открывшегося зрелища, ведь легкие во мраке казались настоящими, но сейчас видно, что состоят из сотен шестерен, механических передач, поршней и трубок с паром, который вырывается из отверстий сверху при каждом «выдохе».

Несмотря на то, что выглядят легкие подобно механизму, движения на удивление плавные и синхронные там, где они должны быть на одной волне. Кажется, что где-то в глубине расположены заводные пружины, которые и обеспечивают постоянный ход туда-сюда, но наблюдения никак не помогают в понимании происходящих событий.

Вдруг фонарь пропадает и оказывается между легкими, где у человека примерно должно находиться сердце. Вся эта сумасшедшая конструкция начинает испускать алый свет из всех щелей, даже пар становится красноватым, пока перед глазами мелькают тексты и спирали. Словно из воздуха появляется шланг с кислородной маской, которая намертво прикрепляется к лицу, после чего я буквально начинаю дышать дополнительными механическими легкими.

[Передача данных завершена. В системе Deus Spiritus зарегистрирован участник № 2]

Сознание вновь начинает выплясывать что-то невразумительное, словно меня накачали чем-то улетным по всех смыслах, а потом я понимаю, что ощущение маски на лице было не просто так. Прихожу в себя на знакомом кресле, когда мои руки и ноги отстегивают от зажимов, а механизм поднимает маску. Изолирующей колбы вокруг уже нет, значит, подача вапориума прекращена.

— Отлично, — говорит служащий подготовительного центра. — Ты выжил и даже

сумел подключиться к новой отслеживающей системе. А теперь брысь.

Я честно пытаюсь встать, борясь со слабостью и головокружением. В ушах постоянно шумит, а майка вымокла от пота. Стоило коснуться пола, как вдруг к горлу подкатывает тошнота, а в руки прыгает ведро, которое швырнул лаборант. Я сразу в него выпускаю сегодняшний завтрак, а скорость реакции организатора говорит о том, что такое завершение процедуры в порядке вещей.

— Эй, шоколадный, твоя очередь. На кресло.

Вот только индеец продолжает вертеть головой и отступать к двери, обильно потея. Похоже, ему совершенно не понравилось то, через что прошел я. Он лопочет о том, что не хочет в этом участвовать и требует встречи с послан Конфедерации Ханси, словно не понимает, что здесь у него нет никаких прав. Скорее всего он пополнит список пропавших без вести на чужбине.

— Не трать мое время, придурок. Ты хочешь, что тебя силой туда поместили?

Я смотрю на этих двоих, продолжая прижимать ведро к груди. Меня сильно мутит, хочется как можно скорее покинуть чертову комнату, но меня вряд ли отпустят, пока этот Мадхуп тоже не пройдет процедуру насыщения. Но что хуже всего, в теле постепенно нарастает боль, но болит не что-то конкретно, а словно ноют все кости разом, а мышцы режут тупым ножом. С каждой секундой боль становится сильнее, а вместе с ней приходит злость.

— Задолбал! — я подлетаю к индийцу и впечатываю ему кулак в солнечное сплетение. Такого никто из присутствующих не ожидал, даже я сам, но вот уже тащу его к креслу и толкаю на него.

— Молодец, — неожиданно хвалит лаборант. — Избавил от необходимости вызывать охрану.

Он пристегивает Мадхупа к креслу, после чего процедура повторяется, только теперь я могу посмотреть на нее со стороны. Вторая рука неосознанно гладит кулак, а потом я понимаю, что во время вспышки агрессии боль отступила и даже появилось приятное тепло.

Мадхуп мелко дрожит во время вдыхания пара, а потом его глаза закатываются, а тело сотрясают судороги. Служащий не отрывается от монитора, где мигают неизвестные мне индикаторы. Через пару минут судороги прекращаются, и опускается механическая рука, которая под правым ухом на шее делает какую-то татуировку, похожую на штрих-код.

Я сразу поднимают руку и щупаю это же место под ухом и ощущаю поврежденную кожу. Мне тоже поставили это клеймо, но не совсем понятно, что оно должно делать. На одном из экранов виден пульс Мадхупа, который начинает скакать слишком уж дергано и без четкого ритма.

— Фак, — лаборант тоже замечает это и нажимает на кнопку.

За стеклянной колбой спускается еще одна механическая рука, вводящая из шприца какое-то неизвестное вещество. Сердечный ритм выправляется, но потом начинает дьявольскую пляску, пока всё не заканчивается прямой линией до бесконечности. Очевидно, что проводить более серьезные реанимационные мероприятия тут никто не будет.

Служащий раздраженно стучит по клавишам, маска поднимается вверх вместе с колбой, а Мадхуп смотрит в потолок в спокойствии, которое присуще только мертвецам.

— Он еще и обделался, мать твою, — произносит лаборант, до меня тоже доносится противный запах. — Ладно, ты свободен, дуй обратно в класс. Там должно идти вводное занятие.

Сказав это, он проводит ключ-картой над датчиком на столе и выбирает пункт в меню на мониторе. Замки двери автоматически открываются, поэтому я сразу выбегаю наружу. В коридоре прохладно, светло и свежо, что намного приятнее, но ситуацию ухудшает сильная боль, которая возвращается с ухмылкой на лице.

Но делать нечего, я должен появиться на занятии, так как там наверняка будет что-то полезное. И так мог уже многое пропустить, а это не то место, где кто-то будет входить в положение. Хромающей походкой возвращаюсь в класс, где для остальных проводится лекция. Взгляды присутствующих сразу устремляются ко мне, пока я ковыляю до ближайшей парты и бухаюсь на стул.

Уж не знаю, о чем все думают, но уверен, что они прикидывают свое будущее. Преподаватель вообще ничего не сказал, продолжая монотонно говорить заученные материалы.

— После первого сеанса насыщения у каждого из вас под правым ухом на шее появится идентификатор. Это подкожный чип, похожий на татуировку, состоящую из четырех вертикальных полосок. В чип записана основная информация о вас, — лектор продолжает говорить. — Имя, возраст, принадлежность к рабочим группам и так далее. Во всем центре расположены датчики и камеры, которые могут даже на расстоянии считывать данные с чипа. Также присутствует трекер, который позволит отслеживать ваше местоположение.

Теперь понятно, что это за татуировка. Они хотят иметь максимальный контроль над каждым синкером.

— После прохождения обучения в чип будет записана основная информация. Помимо этого чип хранит информацию о вашем статусе, оценках и доступных финансах. Если есть место, в которое можно войти только с определенным статусом, а у вас его нет, то двери перед вами не откроются. Здешняя валюта — это баллы, которые выдаются за работу. Чип можно использовать как электронный кошелек. И да, с него можно переводить баллы другим синкерам. Каждому из вас будет выдан ударопрочный и водостойкий ремешок с часами, которые могут выводить актуальную информацию о вашем статусе, баллах и оценках. Но если потеряете или сломаете, то покупать новый будете на свои баллы.

«Эй, а мне ничего не выдали. Ладно, спрошу потом», — принимаю решение, скрючившись на стуле, так как боль не думает проходить.

[Доступ к основной информации разрешен]

[Статус: 0–0]

Общая оценка: N/A

Баллы: 0]

Текст просто высветился перед глазами, и если мотать головой, то тоже перемещается, но потом откликается на мысль и уменьшается в размерах и пропадает. Волшебство какое-то, хотя нет, я слышал, что такие системы дополненной реальности уже применяются в армиях Атланты, Европейской Унии и где-то еще. Вероятно, именно в этом заключается новый эксперимент, правда, непонятно, зачем было выбирать тех, кто лучше всего написал тест.

— Основные статусы синкеров делятся на два дивизиона: низший и высший по десять уровней в каждом. Низший будет начинаться с 1, высший — с 2. Вторая цифра — статус внутри дивизиона. На время обучения у вас будет статус 0–0, он применяется только на подготовительном этапе. А начнете вы в роли синкеров с 1–0. Как только статус достигнет 1–9, то следующий уже будет в высшем дивизионе, где вы начнете с 2–0. От вашего статуса

здесь будет зависеть абсолютно всё: от еды и медикаментов, до недоступных другим возможностей. Чем выше статус, тем больше у вас льгот, возможностей и бонусов.

Ну, это я уже слышал от отца Григория, но теперь интересно, какая именно градация бонусов на каждом уровне.

— Статус можно повышать за баллы. Баллы вы получаете за выполнение заданий. Чем качественнее выполнена работа, тем выше за нее оценка и больше баллов. Думаю, среди вас нет тех, кто не понимает, что это значит.

Ага, если ты хочешь прожить остаток жизни хоть немного по-человечески, придется работать и работать на совесть. Неработающий синкер абсолютно бесполезен.

— На баллы вы будете покупать всё необходимое для работы и жизни. Существует мало вещей, которые можно получить бесплатно. За воздух, свет, питьевую воду вам платить не нужно, во всяком случае на поверхности. Если будете саботировать работу или нарушать правила, баллы у вас будут вычитать. Не рекомендую уходить в минуса, вам это не понравится. Также в качестве наказания вас могут понизить в статусе. Запомните два самых главных правила! — лектор повышает голос, приковывая к себе внимание.

— Первое — администрация всегда права. Выполнение приказов служащих центра и подземных зон является обязательным. Исключений не существует. Второе правило — правила устанавливает тот, у кого выше статус. Представители администрации по умолчанию выше по статусу любого из вас, а между синкерами всё будет зависеть от вашего места в иерархии. Администрация не вмешивается во взаимоотношения между синкерами, пока это не оказывает сильного влияния на работу. Можете бороться за место под солнцем среди синкеров, но даже не думайте о бунтах по отношению к администрации. Через наш центр прошло немало синкеров, мы учли все ошибки и предусмотрели любое развитие ситуации. Вы нас ничем не удивите, так что даже не пытайтесь.

В зале давящая тишина.

— Не думайте, что укороченная жизнь — это самое страшное, что с вами может случиться. То, как вы проживете остаток жизни, гораздо важнее финала, который ждет абсолютно любого человека. На этом всё. Второе занятие будет сегодня в семь вечера. Часы висят на каждом лестничном пролете и личной комнате. Не опаздывайте, вы сами пострадаете, если чего-то пропустите или не поймете.

Сказав это, лектор направляется к выходу, не обращая внимания на поднятые руки и вопросы. Очевидно, что ему на самом деле плевать, и отвечать на дополнительные вопросы он не обязан. А вот мне вообще не до расспросов, так как дико раскалывается голова вместе с острой болью в груди. Сейчас боль не распределяется равномерно по телу, а выбирает случайные участки, куда бьет с удвоенной силой.

Мне, кажется, что-то говорят, видать, хотят узнать, что со мной было, но я подобно ушедшему преподавателю не обращаю ни на что внимание и выхожу в коридор. Сквозь муть в глазах дохожу до этажа с комнатами и добредаю до своей, где падаю на одну из кроватей и сжимаюсь в позу эмбриона, пока боль штормами гуляет по телу.

В какой-то момент кажется, что сейчас уж точно умру, но возникают проблески в болевом фронте, когда боль отступает, позволяя немного перевести дух, а потом вновь накатывает до тошноты и криков. Одеяло подо мной уже пропиталось потом, а я продолжаю крутиться на скрипучей кровати, проклиная вообще всё.

Чтобы немного отвлечься от боли, пытаюсь вспомнить что-то приятное и светлое, но таких моментов в жизни было совсем мало. Ну, например, воспоминание из далекого

детства, когда еще живой дедушка подарил дорогой набор машинок. Это врезалось в память, так как игрушек у меня почти что не было. Радости тогда не было предела, как и слезам, когда через пару месяцев мать продала набор, чтобы накрыть стол для каких-то её гостей.

Но такие мысли словно делают лишь хуже, показывая жизнь, которая больше недоступна. Вместо этого представляю того следователя, которого просто растираю в порошок, в кровавую кашу и размазываю по полу и стенам. Вот такие фантазии приносят странное облегчение. Нет, не кажется, что боль стала слабее, но она словно не горит впустую в клетках тела, а превращается в ненависть и снимает нагрузку с нервной системы.

Кажется, я ору что-то нечленораздельное, когда стало совсем плохо, а потом ощущаю касание чьих-то рук. Сквозь слезы замечаю знакомый силуэт отца Григория, но не понимаю его слов, лишь различаю ласковый тон. Он что-то запикивает мне в рот, а потом поит водой, а пытка тем временем продолжается, но постепенно боль стихает.

Теперь могу понять, что отец Григорий стоит у окна с книгой в руках и читает молитвы на церковнославянском языке, а потом замечает, что я успокоился и немного пришел в себя.

— Я дал блокатор боли, поэтому скоро станет хорошо, — объясняет спаситель. — Удивлен, что тебя так быстро потащили на процедуру насыщения. Почти у всех в первый день после этого такое состояние. Потом будет легче, но боль будет преследовать еще долго.

Я лишь молча киваю, говорить сил нет.

— Блокаторы боли по сути наркотические обезболивающие, поэтому не рекомендую на них подсаживаться. К тому же они стоят баллы, просто так их никто не выдает. За любую медицинскую помощь от администрации придется платить.

— Я... верну, — говорю с трудом, словно сорвал голос.

— Не переживай на счет этого. Помогать ближнему очень важно. В качестве благодарности прошу лишь не вступать на другую дорожку. В бреду ты кричал об одних лишь убийствах, проклятьях, крови и насилии. Такой подход может стать еще одним наркотиком, когда боль глушат агрессией и причинением боли другим. Кто-то считает, что это странно, но это действительно работает. Но для меня очевидно, что это происки дьявола. Он ведет борьбу за наши души, Марк. И, к сожалению, уверенно побеждает в этом месте и подземельях. На власти и насилии тут строится вообще всё. Легко быть злым, когда всё плохо. Легко быть добрым, когда всё хорошо. Но как оставаться на стороне Господа, когда вокруг один лишь мрак?

Ответить мне нечего, сейчас в голове полная пустота.

— У тебя следующее занятие в семь вечера. Я разбужу тебя, можешь поспать. Сон — лучшее лекарство против болезней и голода. А помолюсь за тебя я.

Меня действительно клонит в сон. Вероятно, побочка от лекарства, поэтому не борюсь и отправляюсь в объятия Морфея.

Факт № 100 Гражданская война, расколовшая США, являлась следствием больших внутренних проблем и энергетического кризиса. Впервые за историю появилась политическая партия Содружества, которая не уступала по влиянию республиканцам и демократам. Очередные выборы закончились конфликтом, виновником которого Штаты Америки и Атлантическое Содружество называют друг друга.

Факт № 942 Болевой синдром — одна из самых распространенных реакций на насыщение вапориумом. Исследования показали, что вапориум разрушает организм, из-за чего и возникает боль. И если синкер оказывается достаточно стойким, то может выжить и адаптироваться. Даже здесь работает правило о том, что яд в малых дозах может быть лекарством.

Отец Григорий, как обещал, разбудил ближе к семи часам. Чувствую себя намного лучше, будто сон действительно оказался целительным. Или это просто мощное действие обезболивающего средства.

— Занятие будет в том же классе. Думаю, ты уже соеринтируешься сам. У меня еще есть дела, так что вернусь завтра утром. Береги себя, — говорит напоследок отец Григорий и выходит из комнаты.

А я первым делом подхожу в унитазу, который установлен прямо в комнате. Зов природы сейчас оказывается самым сильным, а вот цвет мочи внушает опасения, темная и красно-коричневая, словно туда попала кровь. Но, учитывая то, что меня заставляли вдыхать по сути отраву, неудивительно, что тело пытается вывести заразу любыми доступными способами.

Потом быстро умываюсь и мечтаю о душе с теплой водой, но пока просто мою руки до локтей, лицо и шею. От меня скорее всего сильно несет потом, но ничего не поделаешь, уже нужно бежать на следующее занятие.

В коридоре по-прежнему тихо, а двери в большинство комнат закрыты. Я бы мог проявить любопытство и заглядывать в них, но делать это не особо хочется. Все-таки я становлюсь синкером, значит, даже бежать отсюда бесполезно. Здесь явно готовы к любым неожиданностям, поэтому даже со сверхчеловеческими возможностями выбраться может быть сложно. Но при этом идти мне некуда. В Атланте у меня нет дома и близких, а вернуться в Евразийский Союз уже не получится. И что бы ни сделал, скорую смерть уже не остановить.

Из-за мыслей не сразу замечаю, что из динамиков на этажах льется красивая классическая музыка, правда, в этом я не разбираюсь, поэтому не могу назвать композитора и уж тем более название музыкального произведения. Возникает ощущение, что сейчас в подготовительном центре не так уж много новичков, учитывая свободные койки в комнате и тишину в коридоре. Непонятно также, куда отправили тех двух мексиканцев-«попутчиков».

В классе, оказывается, сидит пара человек, которые вновь с интересом и смятением на меня смотрят. Возможно, они слышали мои крики и догадываются, что их ждет то же самое. Мне же сейчас совсем не хочется заводить новые знакомства, особенно с людьми, которые могут умереть уже сегодня. Странно, но я вспоминаю пустой взгляд Мадхупа, не исключено, что индийцу очень повезло откинуться на раннем этапе, так как дальше всё может стать только хуже.

Звуки скрипки продолжают появляться из динамиков, а вскоре приходят остальные кандидаты в синкеры. Кажется, что они ходили на процедуру насыщения вапориумом, об этом можно догадаться по вспотевшим лицам, растрепанной прическе и помятой одежде. У троих вошедших потерянный вид и пустой взгляд, я могу догадаться о той палитре ощущений, которая приходит после вдыхания отравленного пара.

Больше никто не приходит, значит, из десяти кандидатов пока что выжили только шесть. Результат не внушает мне оптимизма, но мысленно продолжаю держать хвост пистолетом, все равно ничего другого мне не остается. На часах семь, и в класс заходит тот самый лектор, что проводил утреннее занятие.

— Итак, почти все из вас прошли процедуру насыщения вапориумом. Вы двое сейчас останетесь в классе, за вами придут. Остальные встаем и за мной. Нужно определить ваши способности. От этого многое будет зависеть.

Приходится встать и плестись следом, стараясь не смотреть в сторону блюющей под ноги девушки, которая только что прошла процедуру. Лектор даже ухом не повел, не замедляя шага, а я стараюсь не отставать. Так как я прошел процедуру утром, то сейчас в более лучшей кондиции, чем остальные. Интересно, как именно определяются полученные способности? Наверное, подключают к каким-нибудь приборам и научными штуками получают результат. Сейчас очень интересно, появились ли у меня какие-нибудь способности и какие именно.

«Например, телепортация. Тогда сбежать отсюда станет намного проще», — но несмотря на подобный план, нет гарантий, что даже с телепортацией будет просто, ведь я все равно не умею пользоваться новыми возможностями.

В этом корпусе примерно двенадцать этажей, и нас ведут на этаж, на котором бывать еще не приходилось. Здесь тоже ряды кабинетов посреди чистого коридора с камерами. Лектор открывает ключ-картой одну из дверей, где оказывается перпендикулярный коридор с несколькими дверьми.

— Так, разделитесь на две группы по три человека. Одна группа по одному заходит в эту дверь, другая — в противоположную. Как закончите, выходите в основной коридор, — договорив, служащий центра выходит.

Все переглядываются, смотря друг на друга, поэтому я сразу направляюсь в первую дверь. Тянуть кота за яйца сейчас совсем нет смысла, чем больше времени потрачу, тем меньше останется на отдых. За дверью оказывается небольшая комната, в которой сидит девушка в инвалидном кресле в очках. У нее полностью седые волосы, это точно не окрашивание. Незнакомка сидит сгорбившись и чуть поднимает голову, когда я захожу в комнату.

— Хай, — говорю я той, кто не похожа на работницу администрации.

— Здравствуйте. Пододвиньте стул ближе и сядьте напротив меня, пожалуйста. Потом начнем, — тихим голосом говорит девушка.

— Меня зовут Марк. Вы синкер? — я делаю, что от меня просят.

— Лиз. Да, я синкер. Работаю в подготовительном центре, так как у меня есть телепатические способности. Сейчас я проникну в ваш разум, чтобы узнать о ваших способностях.

— Оу, я без влезания в голову нельзя? — честно говоря, я даже не представляю, как работает телепатия.

— Увы, нет. У администрации нет времени, чтобы тестировать на все существующие способности, поэтому телепаты вроде меня просто вытаскивают это из чужого разума. Тело и подсознание нового синкера уже знает ответ на этот вопрос, я лишь его прочту. Не думайте ни о чем.

Сказать легче, чем сделать. Я пытаюсь сконцентрироваться над тем, чтобы ни о чем не думать, даже глаза закрываю. Но это приводит к противоположному эффекту, когда мыслей

становится еще больше. Начинают думать вообще обо всем, прежде всего о том, что думать нельзя.

«В СССР на телевидении секса не было... Moscow never sleeps... А и Б сидели на трубе А упало, Б пропало...» — С задачей очистить разум я не справился. Прогнав важные мысли, заполнил пустоту всякой фигней.

— Пожалуйста, не думайте ни о чем конкретном. Боюсь, я сейчас не совсем в форме, поэтому посторонние мысли мне мешают.

— Простите, это оказалось труднее, чем я себе представлял. Кстати, какое число я загадал? — начинаю проговаривать «один» про себя.

— Единицу. Но здесь на тестировании вы, а не я, — улыбается собеседница. — И отвечая на ваш не озвученный вопрос — да, я развалюха из-за вапориума. Мне всего двадцать четыре, и я синкер уже девять месяцев. Когда я была на вашем месте, то была молодой и красивой, а теперь полностью седая, с парализованными нижними конечностями и морщинами. Чем больше мне приходится напрягаться, тем мне хуже, поэтому давайте приступим к делу? За вами еще пара человек.

— Да, хорошо, — желания мешать телепатке у меня нет, поэтому еще раз закрываю глаза и пытаюсь осознать лишь пустоту и темноту. Вроде это называют медитацией, никогда до этого не пробовал.

— Да, хорошо. Продолжайте в том же духе.

Скорее всего Лиз уже копается в моей голове, но совершенно ничего не ощущаю. Стараюсь дышать глубоко и размеренно, и таким макаром даже заснуть тут могу. Но появившаяся надпись даже перед закрытыми глазами моментально заставляет проснуться.

[Несанкционированный доступ к первичным областям Deus Spiritus. Закрутка вентилей на двадцать процентов. Основной клапан заблокирован. Использование автоматической защиты.]

Словно наяву вижу тьму и огромные механические легкие, излучающие алый свет, а потом до ушей достигает вскрик Лиз. Тут же открываю глаза и вижу, что телепатка откинулась на спинку инвалидного кресла, а из её носа обильно идет кровь.

Тут же подрываюсь и пытаюсь хоть как-то помочь, но Лиз словно находится в обмороке. Вероятно, телепатией пыталась проникнуть в эту экспериментальную систему, которая может на подобное реагировать. Но почему её никто не предупредил о том, что у меня такое есть? Вспоминаю, что мне был присвоен второй номер, значит, я действительно могу быть в числе самых первых, о чем помощников администрации могли забыть предупредить.

— Эй, эй, не вырубайся. Вот ведь дерьмо, — не даю Лиз запрокинуть голову, чтобы кровь легко вытекала из носа. Тут бы не помешал платок или лед, но таких вещей в комнате не видно. Просто стол, пара стульев и шкаф с картотекой. А потом замечаю кое-что совсем необычное, ведь мои руки чуть светятся тем самым алым светом, что и у фонаря из галлюцинации.

Происходит явно чудо, ведь кровотечение сразу останавливается, а Лиз приходит в себя, так что моя помощь ей уже не требуется. Она трогает одной рукой нос, а другой массирует висок, смотря на меня задумчивым взглядом.

— Всё окей? — уточняю на всякий случай.

— Нет, за неосторожность я поплатилась. Не думала, что синкерам дают доступ к Deus Spiritus, к Дыханию Бога.

— А что это такое?

— Это государственная тайна, к которой у меня доступа нет. Но знаю, что это какая-то передовая технология, которая использует паранормальные возможности вапориума. Знаю, что многие из администрации тоже имеют доступ к этой системе, слышала их разговоры. Вероятно, это позволяет им защищаться от проникновения в разум, ведь телепаты вроде меня могут незаметно вытащить из их голов пароли, секретные планы или схемы центра. Вам ничего об этом не говорили?

— Только то, что я попал в какой-то эксперимент.

— Ясно. Тогда на этом закончим. Удачно вышло, что ваши способности продемонстрированы и без сканирования разума. У вас явная предрасположенность к целительным силам. Вы ведь концентрировались на оказании медицинской помощи мне?

— Да, именно так. А это хорошая способность или нет? — на самом деле я бы предпочел бессмертие, всезнание и неуязвимость. Желательно всё сразу.

— Зависит от ситуации. Лечением монстров убить не получится, но в оказании поддержки товарищам в подземельях вы будете одним из лучших. Подобные способности довольно редки, скажу это как один из тестирующих.

Понятно, это мне не поможет в драке, но зато повысит выживаемость. Пока трудно понять, насколько это хорошо, нужно будет проконсультироваться с отцом Григорием.

— На самом деле мне трудно сказать что-то конкретное, — продолжает Лиз. — Я никогда не покидала комплекс для новичков, мои способности сразу определили мое место здесь. Я не знаю, что может пригодиться в подземельях или в обществе других синкеров. Могу лишь пожелать вам удачи. Это последняя наша встреча.

— Что же, спасибо за помощь, — трудно не согласиться с последними словами. Как только я покину этот комплекс, сюда больше не вернусь, а Лиз тут и умрет, и на её место придет новый телепат.

— И я вам желаю удачи. Несмотря ни на что, — говорю напоследок я.

— Благодарю, Марк, — улыбается девушка, после чего я выхожу и пропускаю вперед следующего. Теперь путь лежит в основной коридор, где лектор терпеливо дожидается всех. Оказывается, я занял больше всего времени, поэтому уже через десять минут все направляются обратно в класс, где сотрудник администрации проводит очередную скучную лекцию, к которой присоединяются те, кто прошел насыщение вапориумом самыми последними.

Человек рассказывает основную информацию о вапориуме, словно кто-то может не знать о такой вещи. Также дает общую информацию о подземельях, которая и так была доступна за пределами «*Nymphaea alba*», поэтому слушаю вполуха, разглядывая ладони, которые больше не светятся. Пытаюсь еще раз активировать способности, но ничего не происходит.

— Основой паровых машин современности служит цикл Писпланка, где традиционное топливо нужно лишь для первоначального нагрева. После образования пара и смешивании с вапориумом, полученный пар циркулирует по замкнутой системе, выполняя полезную работу и испаряя новый объем воды. Обычный водяной пар из-за теплопотерь будет малоэффективным, а вапориум с каждым циклом распадается, поэтому получить истинный вечный паровой двигатель пока не удалось. В подземельях вам придется работать с паровым оборудованием, например, лифтами, воротами, поездами и так далее. В течении этой недели вы пройдете краткий курс по работе с основными инструментами, оружием и вашими

способностями. Этим буду заниматься я. Мой коллега также будет проводить занятия по монстрологии. Там вы познакомитесь с основными видами монстров, их повадками и возможностями. Также пройдете краткий курс тактической подготовки.

Лектор монотонно читает лекцию, которую явно выучил наизусть, и даже не делает пауз. Все молча слушают и вопросов не задают, так как уже поняли, что отвечать им никто не будет. Для расспросов явно приставляют кураторов, имеющих практический опыт в работе синкером. Пока что это первый день, то ничего интересного тут явно говорить не будут, поэтому стараюсь расслабиться, вновь чувствуя приближение болевого синдрома.

В конце лекции служащий центра сообщает распорядок дня и время для завтрака, обеда и ужина. В корпусе для новичков кормят бесплатно, но меню отвратное. Однако понимаю, что вертеть носом не стоит, на голодный желудок ни учиться, ни работать не получится, поэтому после лекции иду в столовую, где оказываюсь в одиночестве, другим новичкам сейчас явно не до еды, могу их понять.

Снова какая-то почти безвкусная масса и стакан молока. Похоже, без баллов о нормальной еде можно только мечтать. После ужина возвращаюсь в комнату, где теперь запрыгиваю на второй ярус и стараюсь набраться сил перед завтрашним днем. Получается не очень хорошо, ведь стены тут не особо толстые и вопли других новичков доносятся с разных сторон.

Мне остается лишь посочувствовать им, так как сегодня уже прошел через этот этап. Даже не знаю, остался бы в рассудке, если бы не помощь отца Григория, однако, думать о проблемах других людей у меня не получается, так как и у самого боль возвращается, накатывая режущими волнами. Радует лишь то, что она не такая сильная, какой была в начале дня, но от обезболивающих я бы не отказался. Сейчас остается сжаться и пытаться заснуть, слушая чужие крики.

И даже удастся погрузиться в полусон, в котором вновь вижу алое свечение сквозь закрытые глаза. Ночью постоянно просыпаюсь, ворочаюсь и снова засыпаю неглубоким сном, чтобы рано утром открыть глаза совершенно разбитым. Боль немного отступила, но ноющим характером продолжает оставаться в теле, а когда спрыгиваю с кровати, чуть не падаю, так как словно обессилел.

Да уж, период адаптации точно должен быть больше недели, но администрации на это плевать. А мне будет плевать на нее, но сначала придется играть по чужим правилам. Здесь явно никто будить не будет: если проспешь, это только твои проблемы. Но меня бы разбудили в любом случае, ведь приходит отец Григорий, когда я умывался. Кое-что изменилось, а именно на голове куратора красуется повязка.

— Что-то случилось? Это монстры?

— Нет, Марк, я не успел бы сходить в рейд за одну ночь. Это из-за монстров в человеческом облике, так сказать. Как прошла ночь? И какие у тебя выявили способности?

Понятное дело, что несмотря на человеколюбивый взгляд на мир, отец Григорий занимается всем этим исключительно ради дела. Ему важно знать, буду ли я полезен в его группе. Надеюсь, целитель ему не помешает.

Факт № 344 Подземелья глубоки и часто обширны. В прошлом столетии Кольская сверхглубокая скважина считалась самой глубокой в мире, но в поисках нефти человечество постепенно уходило еще глубже, порой на десятки километров, где и был обнаружен вапориум. По мнению синкеров на таких глубинах опасно даже без монстров.

Факт № 728В одиночку выживать в подземельях почти нереально, поэтому синкеры почти всегда образуют команды для рейдов и выполнения миссий. Команда заменяет семью в каком-то роде, но многие считают, что синкеру не стоит к кому-либо привязываться, ведь смертность по любым причинам очень высока.

На вопрос отца Григория о полученных способностях отвечаю, что у меня открылся талант к целительству.

— Целитель, да? — собеседник задумчиво поглаживает бороду. — Я бы предпочел что-то боевое, конечно...

— Могу оказывать поддержку и лечить раны. Такие способности явно могут спасти жизнь, — мне жизненно важно оказаться в чьей-то команде до того, как покину корпус для новичков. При этом отец Григорий мне очень понравился, поэтому это самый лучший вариант на текущий момент.

— Да, это я понимаю. Что же, раз ты мой соотечественник и в целом хороший парень, то я оформлю тебя к себе. Покажи-ка, чему научился, — отец Григорий показывает на перебинтованную голову.

— Я не знаю, как активировать эти способности.

— Да всё просто, просто представь желаемый результат. Дай самому себе четкую и осознанную команду. Новые возможности теперь часть тебя подобно руке, ты можешь ими управлять.

— Ладно, присядьте.

Я размещаю руки вокруг головы пациента и пытаюсь представить алый свет. Пока что ничего не происходит, а в мыслях продолжаю приказывать себе начать лечение.

— Не получается активировать, — решаю сразу признаться.

— Ничего страшного, этому каждому синкеру приходится учиться. Будет лучше, если ты отработаешь навык активации, находясь здесь. Потом времени на учебу может не остаться.

— А есть какие-нибудь хитрости?

— Ну, сколько синкеров — столько и способов. Некоторые просто концентрируются на нужном результате. Другие привыкают вслух проговаривать указания. Я даже видел синкера, который на полном серьезе придумывал и читал заклинания, хотя это бесовское дело, конечно. Триггер у всех разный. Я вот молитву читаю, и мне это помогает.

Значит, нет какого-то универсального способа. Придется придумать его себе самостоятельно. Прошу дать еще минуту и закрываю глаза, перебирая разные варианты. Вчера действовал рефлекторно и даже не задумывался об активации способностей. Было что-то еще? Да, черт возьми, было. Лиз пострадала как раз из-за того, что попыталась проникнуть в экспериментальную систему.

Теперь представляю себе огромные легкие во тьме, испускающие алый свет. Пытаюсь вообразить те шестеренки и трубки с паром, представить расширение и сжатие Дыхания Бога. И словно наяву начинаю слышать свист пара и жужжание деталей во время движения.

«Мне нужно активировать способность», — очень четко проговариваю про себя команду и, наконец, получаю результат.

[Основной клапан открыт. Коэффициент давления в выпускном коллекторе не превышает 0,5 %. Активация регенерации тканей]

Я не пытался активировать именно эту систему, но, похоже, таким образом можно решить поставленную задачу. Открываю глаза и вижу, что мои руки окутаны алым цветом и волшебные волны проходят сквозь голову отца Григория.

— Ну как? — мне очень интересен оказанный эффект.

— Великолепно, Марк! Боль прошла и даже сонливость как рукой сняло. Давай поглядим, — отец Григорий встает с кровати и подходит к умывальнику, где начинает снимать бинты, чтобы осмотреть рану. Потом смывает корочку из крови с пореза на лбу почти у линии волос и говорит, что рана полностью затянулась.

— Что же, ты точно будешь полезен. Ранения и травмы у синкеров бывают часто, а целители появляются редко. Сможем сэкономить кучу баллов на лекарствах и медпомощи.

— Вот только я не понимаю границ возможностей.

— Ну, их нащупать придется экспериментальным путем. К тому же синкеры не могут бесконечно использовать свои способности. У каждого есть внутренний ресурс, по исчерпанию которого наступает усталость, а способности блокируются. Тебе на занятиях это расскажут. Прошу не пропускать лекции и практические занятия, здесь нет ничего лишнего, в подземельях пригодится всё.

— Хорошо, я учту, — кажется, я начал смиряться с ролью синкера. Как только садишься на этот поезд, то доедешь до последней станции с названием «Смерть». Первоначальный шок и отчаяние становятся слабее, вот бы еще боль не беспокоила.

— Ладно, я зашел только для того, чтобы узнать твои последние новости. В течение недели меня не будет, так как уйду в рейд в подземелья. Обещаю, что успею вернуться к моменту, когда тебя переведут в основные корпуса. Там лучше появиться вместе со мной, так как там всё иначе. И опаснее всего «коршуны».

— Коршуны? Птицы?

— Нет, это имя нарицательное для синкеров, которые всегда рады видеть новичков. Увы, будет сразу понятно, что ты новенький, так как тебя приведут из корпуса для новичков. Как только ты покинешь это место, очутишься совсем в другом месте. Там балом правят жестокость и насилие. Тебе ведь говорили, что те, у кого статус выше, могут делать всё, что захотят с теми, кто ниже?

— Да, но это правило я не очень-то понял. Что это вообще значит? Как именно правило соблюдается?

— Всё держится на насилии. Ты, конечно, можешь отказаться выполнять приказ, но высокостатусные синкеры лучше подготовлены, имеют оружие и боевой опыт. К тому же они тоже объединяются в стаи, поэтому самое страшное наказание для синкера — это стать изгоем, за которого никто не впишется, если говорить жаргоном. Раньше новичкам вообще было худо, ведь на них сразу набрасывались целой стаей и ломали. Тех, кто любит таким заниматься, стали называть коршунами. Групповые изнасилования, публичные унижения, избивание: применяют всё и это администрацией никак не наказывается, пока коршуны сильно не наглеют.

— И какая в этом выгода для самой администрации? Какая будет польза от синкера в подземельях, если он избит или вообще свихнется от такого?

— Разделяй и властвуй — это стратегия администрации. Как я уже говорил, общество синкеров — это волчья стая. Волкам нужно на кого-то охотиться, иначе они начнут точить клыки на саму администрацию, поэтому последняя позволяет любое бесчеловечное отношение в очерченных пределах. Государство специально придумало иерархию, баллы и

правила статуса, чтобы стимулировать конкуренцию и выплескивание агрессии одних синкеров на других. А умирают проходцы постоянно, но так же вербуют новых, поэтому администрация не видит ничего плохого в том, что кто-то из новичков не переживет первую ночь на первом подземном этаже.

На такое мне ответить нечего, это вполне вписывается в реалии мира, который недалеко ушел от законов джунглей.

— Но в последнее время проблему стали все же замечать, поэтому появились кураторы вроде меня. Нас допускают сюда, чтобы мы заранее знакомимся с синкерами и вводили в курс дела, а потом сразу забирали под свое крыло. Новичок, что сразу придет членом одной из команд, уже не будет настолько легкой добычей, ведь у него будут союзники, а массовые беспорядки среди команд администрацией пресекаются очень строго и максимально жестко, так как там кровь льется рекой. А теперь мне пора, не опоздай к завтраку и утреннему занятию.

Я прощаюсь с отцом Григорием и понимаю, что хоть в чем-то мне повезло. Если новый командир специально не сгушал краски, то у новичка есть риск никогда не добраться до возможности сдохнуть от рук монстра или болезней. А пресмыкаться и прислуживать кому-то лично у меня желания нет. Я и так в натуральной тюрьме и терять остатки свободы не хочется. Хотя, коршунов тоже можно понять, ведь они наверняка тем самым компенсируют нахождение в большей тюрьме, властвуя над другими заключенными.

Теперь пора отправляться на завтрак, поэтому выхожу из комнаты и направляюсь знакомым маршрутом по длинному коридору. Сегодня тут больше людей, но они столпились возле одной из дверей. Когда прохожу мимо, бросаю заинтересованный взгляд, но лучше бы это не делал. Внутри комнаты на люстре повесился один из моих «сокурсников», а штаны на нем в пятнах того, что покинуло кишечник после смерти. Сейчас служащие администрации снимают тело, чтобы избавиться от него, а я пытаюсь избавиться от увиденного, чтобы нормально позавтракать.

«Кто-то дикую боль не выдержал», — я не чувствую сочувствия этому человеку, будто нервная система теперь настроена только на собственное выживание. Почти уверен, что отец Григорий — редкое исключение в этих стенах, яркий источник света в окружающей мгле.

В столовой уже сидит тот самый азиат, который во время написания теста говорил, что не умеет читать по-английски. У меня вообще не возникает желания знакомиться с товарищами по несчастью, так как мы скорее всего окажемся в разных командах и будем даже конкурентами в каких-то случаях. К счастью, другие тоже не горят желанием подходить, а на утренней лекции я понял, что нас осталось всего пять человек, причем азиат и та блондинка решили держаться рядом, так как у них оказался один куратор. Два других парня последовали схожим образом.

«Пока плевать», — решаю я, сосредоточившись на более важных вещах.

Лектор наконец-то говорит что-то новое, поясняя структуру подземелий. Оказывается, есть два вида подземелий — рукотворные и естественные. Первые прокопаны людьми для добычи полезных ископаемых, а вторые созданы природой непонятным образом. Чтобы добраться до зоны миссии, синкерам приходится спускаться на больших лифтах очень глубоко. Но нет лифта, который бы вез до самого дна, приходится спускаться поярусно и идти до следующего лифта.

Тетрадку и ручку тут не выдали, поэтому приходится всё запоминать. Оказывается, что

самые глубокие шахты сейчас опускаются до 35-го яруса, а ярус примерно равен километру. Значит, ниже тридцати пяти километров человечество еще не опустилось. По словам лектора выходит, что на большой глубине очень опасно не только из-за монстров, возникновение которых под землей до сих пор ученые понять не могут.

Во-первых, там не везде есть естественные источники света, поэтому в подземелья спускаются огромные пучки проводов для питания сотен тысяч ламп. Во-вторых, сначала там холодно, но температура постепенно повышается вплоть до тысячи градусов по Цельсию на самом глубоком участке. Просто потому, что под земной корой расположена мантия, а еще ниже внешнее и внутреннее ядро Земли. Там температура еще выше, это я помню еще из школьных уроков.

Эту проблему тоже приходится решать синкерам, а вот монстры от этого не страдают, поэтому горнодобывающие предприятия стараются не углублять, а расширять сеть туннелей и шахт, так как источники вапориума могут быть разбросаны по всей ширине яруса в определенной местности.

Третья опасность — это сейсмволны. Да, подземная часть планеты весьма сейсмоактивная, и чем глубже спускаться, тем опаснее сейсмоудары. А если подойти очень близко к границе Мохоровичича, названной в честь хорватского ученого, есть риск никогда не вернуться. Обвалы в подземельях не редкость, но с этим точно ничего поделать нельзя, ведь добыча вапориума не должна прекращаться.

Но для добычи нужно оборудование и прочные трубы, которые тянутся до поверхности и часто выходят из строя. Например, подземное землетрясение может разорвать качающую трубу, из-за чего в районе разольется необработанный вапориум, который может убить и синкеров.

Но, разумеется, самой известной опасностью являются именно монстры, общее количество которых науке неизвестно. Точно можно сказать, что монстры встречаются по всему земному шару и обладают за пределами для обычных людей возможностями. Это выражается и в физических характеристиках, и в паранормальных. Только синкеры могут успешно с ними бороться, ведь под землю не спустишь танки и дирижабли-бомбардировщики. Оружие массового поражения в целом неприменимо под землей, так как применение затронет и горнодобывающую инфраструктуру.

— На лекциях по монстрологии вам о подробнее расскажут об этих созданиях, — продолжает лектор. — А сейчас расскажу о том, что еще полезного можно найти под землей. Это то, что объяснить очень сложно, но правда такова, что не один лишь вапориум можно считать драгоценностью. Речь о странных вещах, которые называют артефактами. Появление этих вещей, как и монстров, наукой до сих пор не объяснено, но зато хорошо изучены свойства. Например, вот это, — лектор пультом включает проектор на потолке, и на доске появляется изображение какого-то посоха с красивым камнем на навершии.

Со слов лектора выходит, что такие вещи просто порой находят в подземельях, и они обладают странными способностями, стоящими отдельно от сил синкеров. Все синкеры обязаны сдавать подобные находки администрации, за что получают награду, после чего эти предметы появляются в магазинах для синкеров с возможностью покупки предмета за баллы. Кристаллы, фолианты на незнакомых языках, мифическое оружие и доспехи: за всё время чего только не находили. Считается, что это следы какой-то иной цивилизации, от которой остались только такие вещи.

Я сразу задаю вопрос, а почему такие вещи не находят на поверхности, но задаю его про

себя, конечно же, ведь лектор все равно ничего не ответит. Все эти предметы действительно похожи на какой-нибудь дроп в компьютерных играх, хотя в последние у меня не особо было время играть.

— На этом занятие окончено. Через час в соседнем классе будет проведено занятие по работе с промышленным горнодобывающим оборудованием и транспортными системами. Свободны, — служащий центра первым идет к выходу, а потом останавливается и добавляет. — Чуть не забыл. Тот из вас, кто Марк Богов, должен повторно явиться в лабораторию насыщения в течение получаса.

Вот черт, будет второй сеанс что ли? Насколько мне известно, процедуру насыщения нет смысла проводить больше одного раза, ведь способности у меня уже проявились. Но делать нечего, придется плестись в комнату с компьютерами, где уже ждет лаборант в очках. Кажется, именно он будет проводить занятия по монстрологии.

— Давай, заходи, — теперь человек указывает на обычный офисный стул рядом, поэтому облегченно про себя вздыхаю.

— Так как ты стал участником экспериментальной программы, то нужно ввести тебя в курс дела относительно новой системы. Она называется Deus Spiritus, можно сокращать до ДС. И у тебя имеется доступ к ней, чего нет у остальных синкеров. Как именно система устроена, тебя не касается, но я должен научить тебя ею пользоваться.

Я мог бы сказать, что уже до кое-чего допер, но держу язык за зубами. Пусть уж лучше еще раз объяснит.

— Во-первых, ДС позволяет выводить изображение в режиме дополненной реальности, поэтому тебе не нужны стандартные часы, поэтому тебе их не выдадим. Если сконцентрируешься на своих показателях, то должен увидеть перед собой. Попробуй и скажи, что видишь.

Это я уже умею, поэтому легко вызываю и зачитываю количество баллов, статус и общую оценку.

— Отлично, ты неплохо адаптируешься. Ты можешь мысленно регулировать положение информационного окна, размеры, а также удалять из поля зрения. При этом ты можешь видеть и другие сообщения, которые имеют технический характер, поэтому не обращай на них внимание. Но сама экспериментальная система заключается вовсе не в том, чтобы избавить синкера от ношения часов, как ты, я надеюсь, догадываешься.

Да, это очевидно, но никаких догадок у меня нет, поэтому остается ждать разъяснений.

Факт № 62 Ледогенераторы и вентиляционные шахты приходится строить на большой глубине, иначе запуск и защита производства там будут почти невозможны. Самые глубокие ярусы подобны ледяному озеру Коцит на девятом круге в аду по версии Данте Алигьери.

Факт № 766 Умение использовать паранормальные возможности похоже на обучение вожделению или игре на музыкальном инструменте. Чем больше тренировок, тем лучше получается. Тело запоминает правильные действия, поэтому с каждым разом у синкера получается всё лучше и лучше.

Сейчас, похоже, я узнаю хоть что-то интересное по поводу этой системы. Я даже отцу Григорию о ней не рассказал, так как забыл, да и сказать особо нечего. Маловероятно, что он может что-то знать об этой секретной вещи.

— Занятий по способностям синкеров у вас еще не было, но если передать всё очень кратко, то получается следующее, — продолжает служащий подготовительного центра. — Умению использовать полученные силы нужно учиться, а чтобы достичь высокого уровня освоенности требуется слишком много времени. Нам нужно, чтобы синкеры еще до окончания первого месяца могли свободно использовать все свои возможности. Поясню на твоём примере.

Лаборант смотрит в монитор и продолжает.

— В твоём досье указана возможность исцеления путем наложения рук. При тренировках ты наверняка сможешь это делать и на расстоянии, а также лечить очень тяжелые и даже смертельные ранения, но сейчас ты вряд ли остановишь артериальное кровотечение или залечишь перелом кости. А в подземельях может и не быть времени на долгие процедуры, это всё придется делать прямо во время боя.

Я внимательно слушаю и перебивать не собираюсь.

— Однако в последнее время нет времени на то, чтобы синкер традиционным путем доходил до условного мастерства, поэтому и был запущен проект с использованием Deus Spiritus. ДС всегда связан с синкером независимо от расстояния, а также берет на себя аналитическую и тренировочную функцию. Можешь считать автопилотом, который помогает в полете. С ним в теории синкер должен развиваться быстрее, и вот ты стал членом контрольной группы, — собеседник стучит по клавишам, а потом прикладывает ключ-карту к датчику на столе. — Сейчас тебе будет выдан доступ к другим функциям.

[Открыт доступ к первой доле левого легкого. Визуализация треугольника Фиша]

Теперь глюки начинаются наяву, когда перед глазами возникает тьма, озаряемая тремя основными цветами: синим, красным и желтым. Перед глазами встает равносторонний треугольник со светящимися углами разных цветом. Красный и желтый внизу, а красный устремлен вверх. С каждого угла бесконечно льется свет подобно жидкости.

[Загрузка аннотаций завершена]

Углы вдруг подписываются по следующей схеме: желтый угол — body, синий — mind, а красный — mystic. Эм, «тело», «разум» и «мистика»? Где-то я это уже видел...

— Что видишь? — из тьмы доносится голос лаборанта.

— Вижу треугольник, — рассказываю все детали, какие только наблюдаю перед собой.

— Да, это треугольник Фиша, олицетворяющий три вектора развития синкера. Развитие тела, разума и паранормальных способностей, соответственно. Правда, последние в наших кругах неофициально зовут мистическими силами, так как для науки по большей части это неисследованная до конца зона.

— В том тесте было что-то такое, — я вспоминаю, где недавно видел нечто похожее. В задании предлагалось распределить пятнадцать стартовых очков именно по этим характеристикам.

— Абсолютно верно, — голос собеседника воодушевлен. — Кстати, почему ты решил вложить всё в мистические силы, не зная, какие преимущества и недостатки у этого есть?

— Потому что мне нечего терять. Даже если это было ошибкой, то и пусть.

— Что же, это понятная линия поведения. На самом деле это было интересное решение, так как другие обычно стараются распределить примерно в равных пропорциях стартовые очки. Те, кто готовы рискнуть всем, могут быть более полезными для эксперимента. А теперь самое важное.

Лаборант берет небольшую паузу, и я слышу, как он отпивает из кружки.

— ДС сам по себе не дает синкеру сил, просто у тебя есть выделенный поток в общей системе циркуляции Божественного Дыхания. Благодаря ему ты можешь подключаться к системе и делить с ней нагрузку по осмыслению теоретического и практического опыта. Предполагается существенное ускорение развития, правда, для лучшего результата требуется, чтобы человек изначально умел учиться и имел когнитивные возможности ближе к высокому уровню.

Мне, наверное, льстит, что мои умственные возможности оценили высоко, но я до сих пор не понимаю, что именно с этим нужно делать. И вряд ли сейчас служащий центра не будет отвечать на вопросы.

— Но как этим пользоваться?

— Очень просто: учиться, упражняться и выполнять обязанности синкера. ДС будет анализировать и помогать, как только поймет, что именно для тебя требуется. Через какое-то время тебе потребуется уже по-настоящему распределять очки развития по этим трем векторам.

— Подождите-подождите, я не совсем понял. Я вкладываю какие-то очки в силу и становлюсь в N раз сильнее физически? Как в играх?

— Я бы не сказал, что это связано с играми, хотя последние могут дать человеку полезный опыт. Каждый синкер идет по настоящему эволюционному пути от обычного человека до *homo mutatum*, до сверхчеловека. Точно можно сказать, что синкеры проходят через биологическую эволюцию, приобретая новые свойства. Но эволюционный путь у подобных тебе слишком короткий, год-полтора и вы уже в могиле. И этого времени катастрофически не хватает на то, чтобы достичь настоящих высот полезности и эффективности. Deus Spiritus нацелен на то, чтобы максимально сократить этот путь. Понимаешь?

Честно качаю головой, продолжая любоваться переливчатыми огнями треугольника Фиша. Лаборант громко вздыхает.

— Ну, короче. Если тебе понятнее сравнение с играми, то так и считай. Определенная мистика в этом действительно есть, но польза прямо пропорциональна твоему собственному развитию. Только так это работает. Также ДС обобщает и визуализирует опыт, позволяя строить собственное развитие без полного осознания процессов. Вот и всё. Остальное поймешь на опыте. Теперь свободен.

Приходится закрыть треугольник Фиша и идти к выходу. Нельзя сказать, что я вообще ничего не понял, но надеюсь, что на практике я действительно пойму гораздо больше.

— Ладно, ДС, проанализируй для меня мои способности, — не знаю, зачем говорю это вслух, и не надеюсь на какой-либо результат, но загадочный помощник Атланты активизируется:

[Регенерация тканей — ускорение процесса заживления тканей. Раны и другие повреждения биологического тела возвращаются в норму, проходя стадии воспаления, пролиферации и эпителизации с многократным ускорением]

«Чего? Что означают эти стадии?» — для проверки концентрируюсь на вопросе мысленно.

[Воспаление — процесс очищения зоны раны от поврежденных и умерших клеток. Проллиферация — рост новой ткани. Эпителизация — финальный шаг перестройки и отторжения ненужных излишков. В зависимости от типа травмы процессы могут различаться]

Ну ничего себе. Теперь чуть понятнее, почему ДС может стать хорошим помощником для синкера. Пытаюсь спросить скорость полета пули из пистолета или сформулировать закон роста производительности труда, но в ответ получаю отказ в предоставлении информации. Значит, нельзя спрашивать о чем угодно, только относительно собственного развития.

Теперь иду в другой класс с большим количеством плакатов с механизмами и

схематичным изображением шахт. Лектор возвращается ровно к началу занятия, после чего начинает нудно рассказывать о принципах работы различного оборудования и техники безопасности с ним.

Синкерам самим не нужно заниматься добычей вапориума, только разбираться с монстрами, но порой нужно производить самостоятельный ремонт, если ждать ремонтную бригаду нельзя. Например, прорыв качающих труб может нанести смертельный ущерб из-за разлитого вапориума, поэтому синкеры должны уметь остановить закачку и заделать дыры.

Буровые машины и поезда управляются изолированными шахтерами или удаленно с поверхности, поэтому проходцам делать ничего не нужно. У лифтов и погрузчиков управление ручное и простое для понимания, но его тоже нужно знать. С большим интересом слушаю о станциях — защищенных зонах, где синкеры могут переводить дух. Именно там можно получать еду, воду, снаряжение через магазины.

Мои догадки подтверждаются тем, что администрация заставляет синкеров работать как раз недоступностью важных ресурсов. Если тебе нужны лампы, медикаменты, еда и вода, оружие или одежда, то под землей у тебя только два пути: покупать за баллы в магазинах. Про второй путь лектор ничего не сказал, но для меня он уже очевиден. Если не можешь или не хочешь покупать, то можешь украсть или отобрать у других синкеров.

Если синкеры-каратели в подземелья не спускаются, то и наводить там порядок некому. Можно ожидать, что там никто не будет следить за любыми правилами и необходимость работать в слаженной команде становится еще более важной.

— Тоннели по ходу строительства периодически перекрываются гермоворотами, — рассказывает лектор. — Это необходимо для сдерживания волн монстров. Ворота достаточно прочные, чтобы сдерживать не самых крупных монстров, но они много весят. Полное открытие и закрытие может занять до семи минут. Теперь перейдем к изучению кислородных масок и баллонов.

За раз вываливается куча информации, но сейчас хотя бы преподаватель показывает слайды с изображением аппаратов и оружия, и даже видео-объяснения работы. Оказывается, созданное людьми оружие тоже используется против монстров, но прежде всего не огнестрельное, а пневматическое.

Снаряд в них разгоняется давлением пара с вапориумом в компактном баллоне. Это придает снаряду большую скорость, чем может порох, начальная скорость порядка 1800 метров в секунду. При этом снаряды могут быть большими, например, заостренные стержни, которые могут пробивать шкуру монстров. К тому же пневмопаровое оружие намного тише огнестрельного в рамках одного «калибра».

Но есть и недостатки. Мощные пушки обладают огромной отдачей, из-за чего только синкеры могут стрелять без стационарного разворачивания, но точность попадания при этом невысокая. С одной стороны тоннели чаще всего строятся прямыми, поэтому попасть будет нетрудно, но при этом велик предательского рикошета от стен, из-за чего стрельба не рекомендуется при наличии бойцов ближнего боя рядом с врагами. Другая проблема в том, что баллоны со сжатыми газами быстро разряжаются, поэтому придется часто бегать к заправочной станции, где нагретый пар и вапориум вновь наполняет баллон.

Но многим монстрам даже это будто слону дробинка, поэтому именно сверхчеловеческие возможности хоть как-то уравнивают стороны. Лектор вскользь упоминает, что все синкеры выходят за грань возможностей обычных людей. Они быстрее, сильнее и выносливее себя из прошлой жизни, и это распространяется на всех вне

зависимости от типа полученных способностей. Но только до момента, когда вапориум бесповоротно забирает здоровье, а потом и жизнь.

Скоро очередная лекция завершена, а следующая будет только после обеда. Получается, появилось свободное время, которое на что-то нужно потратить. Пробую прогуляться по доступным этажам, но охранники мне сразу заявили, чтобы без дела не слонялся и шел в личную комнату, если нет других дел.

Приходится подчиниться, поэтому возвращаюсь и пытаюсь проверить, действительно ли вапориум сделал меня сильнее. Подхожу и приподнимаю двухъярусную кровать за одну ножку, пытаюсь оценить результат. Кровать на самом деле нетяжелая для обычного человека, поэтому так ничего не понять. Вместо этого принимаюсь отжиматься от пола, закинув ноги на кровать.

Раньше, если верно помню, я мог так раз двадцать отжаться без какого-либо труда, а вот сейчас идет уже четвертый десяток, а дыхание только сейчас сбивается. Вероятно, это все же успех. Выхожу в коридор и начинаю прыгать в длину. С первой же попытки прыгаю почти на три метра, что точно лучше моих университетских результатов. Правда, с экспериментами приходится закончить, так как накатывает приступ боли.

Сжав зубы, возвращаюсь в комнату, где начинаю ходить кругами вместо того, чтобы лежать. Сначала крутит живот, а теперь стреляет в спине и ушах. Раз я стал синкером, то и болевой порог у меня мог стать выше, но легче от таких мыслей не становится. Теперь уже колотит, но я продолжаю ходить. Странно, но именно ноги при этом не болят.

Решив проверить гипотезу, начинаю носиться, делая энергичные движения всем телом. Болевой синдром ожидаемо получает бонус от быстрых и резких движений, но потом над телом появляется алая дымка, из-за которой боль становится глуше, переходя в разряд ноющей.

[Суммаризация опыта. Получено одно очко развития. Его можно включить в один из векторов развития в треугольнике Фиша]

Вот такого точно не ожидал, но мысленно вызываю его и размышляю, что делать дальше. Словно вновь очутился на тесте, но в наличии только одно очко.

— За что именно отвечают вектора развития? — надеюсь, что сейчас ДС не будет отмалчиваться.

[Тело — совокупность всего, что связано с работой физического тела. Физическая сила, взрывная или статическая сила, выносливость, скорость бега, скорость реакции, острота органов чувств, прочность кожи, костей, мышц и так далее]

[Разум — объединение характеристик головного мозга, не имеющих прямого числового выражения и связанных с высшей нервной деятельностью. Влияет на память, аналитическое и абстрактное мышление, скорость обучения, скорость вычислений, гибкость мышления и так далее]

[Мистика — множество путей развития способностей, не имеющих общего научного объяснения. Примеры отсутствуют]

— Если вложиться в тело, то нужно выбрать что-то одно: силу или скорость, например?

[Ответ отрицательный. Повышается сразу всё. Концентрация на чем-то конкретном у каждого вектора влияет на приобретение дополнительных возможностей согласно способностям синкера. Возможна ситуация, когда ничего такого нет]

— И как мне стоит поступить сейчас?

[Deus Spiritus не дает ответов на такие запросы. Задача этой системы — обобщать получаемый синкером опыт и формулировать эволюционные изменения. Очки развития в первую очередь помогают визуализировать развитие, а также концентрироваться на определенных областях]

Что же из этого получаем? Значит, синкеры постоянно адаптируются и меняются. А из этого следует, что углубляются и расширяются возможности, которые ДС может считывать.

«Тогда пусть очко летит в сторону тела, это все же необходимая база», — перевожу взгляд в нижний левый угол, который резко расцветает золотым пламенем. Опять начинаются галлюцинации, когда вокруг тьма, а впереди бесконечно дышат легкие. Но они словно стали прозрачными, поэтому я вижу фонарь, из которого льется алый свет. Потом в темноте вспыхивают яркие золотистые разряды, проникающие в тело, а потом всё заканчивается.

[Опыт обобщен. Открыта возможность «Презрение к боли»]

[«Презрение к боли» резко уменьшает выработку простагландинов, снижая болевую реакцию на процессы распада, воспаления и разрушения в организме. Требуется повышение температуры тела. Эффект временный]

— Ого, целительские способности действительно могут и такое? — глупый вопрос, ведь я только что экспериментально доказал, что физической активностью чуть разогрелся, применил способности, и боль стала меньше.

[Согласно классификатору ICS целители действительно могут облегчать болевой синдром, такие случаи регистрировались, но к текущей ситуации это неприменимо, так как была изменена сама биологическая регуляция ферментов, а не залечивание повреждений. Способность пользователя не целительство, а то, что может манипулировать организмом и лечить его в частном случае]

— Да блин, и что это?

[Биоконтроль: обширная зона управления биологическим организмом]

Факт № 517 Во время последних войн всерьез рассматривалась замена ядерного вооружения биологическим. На территории старой Бразилии были сокрыты многочисленные биолаборатории, где ученые синтезировали супервирусы и стремились достичь биологического бессмертия. Однако государственный переворот, совершенный Лукасом Фечерро, остановил исследования, а после биотехнологии были запрещены всеми нациями наряду с атомными. Существование вапориума тогда открыто еще не было. Однако нельзя не признать, что спрятать биолабораторию сейчас намного проще ядерной электростанции.

Факт № 860 Пускай механизм неизвестен, но считается, что синкеры проходят через биологическую эволюцию, становясь homo mutatum. Просто потому, что другие версии выглядят более сумасшедшими. После первого насыщения вапориумом человек продолжает меняться на всем протяжении короткой жизни.

Таким образом продолжилась обучающая неделя в подготовительном центре. Каждый день проводилось от трех до пяти занятий и только на те темы, которые могут пригодиться в работе синкером. Первоначальный шок и отчаяние отступили, я даже немного пообщался с другими синкерами, но светлее будущее от этого не стало. К тому же большое волнение вызывает факт скорого перевода в основные корпуса.

Отец Григорий, похоже, еще не вернулся из рейда, а вот к другим новичкам кураторы приходят почти каждый день. Я стараюсь делать вид, что мне на это все равно, поэтому свободное время трачу на то, чтобы развивать собственные силы. Хотя, это лишь звучит интересно, а на самом деле никаких особенных успехов достичь не удалось.

Была бы это настоящая игра, то прогресс не был бы таким долгим, но приходится работать с тем, что есть. Как оказалось, Лиз все же неверно истолковала мои способности, но винить её в этом трудно после того, как ДС чуть не убило девушку из-за несанкционированного доступа через мои мозги.

По мнению Deus Spiritus у меня биоконтроль, а именно сознательное манипулирование собственным телом. Это считается еще более редкой возможностью, нежели просто регенерация ран. Пока что я мало представляю границы возможностей, так как никаких новых особенностей получить не смог.

Совершенно случайно обнаружил возможность уменьшать болевой синдром при помощи своей способности, и ДС сразу оформило это как отдельную технику «Презрение к боли». Я предполагаю, что ДС — это некий искусственный интеллект с паранормальными способностями, который может считывать метрики синкера и аназировать на невозможных для людей мощностях. Но ничего нового открыть не смог, хотя пытался изо всех сил.

[Открытие новых техник без понимания процессов затруднено. Пользователю предоставлен всего один потоковый канал Deus Spiritus, соответственно, вычислительных возможностей не хватает на то, чтобы синкеру не пришлось ничего делать]

Именно такой ответ я получил, и нетрудно догадаться, на что ДС намекает. Мне нужно самому находить пути развития, ставить эксперименты с собственным телом и так далее. И при успехе ДС обобщит этот опыт, выдаст очко для развития и позволит выбрать, через что именно: тело, разум или мистику, получить желаемую технику. Через все три нельзя, так как на это опять же мощностей ДС не хватает.

В общем, именно так мне ведь и объяснил лаборант, так что гордиться тут нечем. А главная трудность в том, что я по образованию не биолог, не врач и что-то похожее. Знания о собственном организме у меня на уровне обывателя, а это явно не та область, где стоит необдуманно ставить на себе эксперименты.

Удалось пару раз поговорить с тем лаборантом, чтобы уточнить кое-какие вопросы. Подошел просто с вопросом о том, что такое простагландины из описания «Презрения к боли». Мой вопрос, кажется, удивил, но все же ответ получил и даже подробный, но понял

всё только в общих чертах. Простагландины — это какие-то вещества, которые участвуют в активации болевых рецепторов. А если их сделать меньше, то и чувство боли притупляется. А я уж подумал, что это какая-то особенность синкеров, как мидихлорианы для джедаев. А оказалось просто научным термином.

К счастью, служащий центра куда-то торопился, поэтому, протараторив быстрый ответ, сразу ушел и не поинтересовался, зачем мне это. Я думаю, что лучше скрывать то, что у меня на самом деле биоконтроль, а не целительство. Так или иначе, администрация мне не союзник, а тюремщик, значит, сотрудничать я не обязан.

И глазом моргнуть не успел, как неделя подошла к концу, после чего пятерых новых синкеров в последний раз собрали учебном классе для новых приказов. Уже знакомый лектор, который так и не представился, подобно другим сотрудникам центра, обводит всех глазами и говорит:

— Сегодня вечером вы будете переведены в подземную часть основного корпуса № 2. Там проживают синкеры между миссиями и рейдами. Ваших кураторов известят. Всё, что вы не успели узнать или понять, придется доучивать в реальной работе. Ваш статус уже должен измениться на 1–0.

Я вызываю данные чипа и вижу, что это так. Баллов по-прежнему нет, как и общей оценки.

— В шесть вечера вам нужно собраться здесь. После вас сопровождают в основной корпус.

По традиции вопросов никто не задает, чтобы не получить полный игнор в ответ. Лектор берет портфель и направляется к выходу. Возможно, его обязанности завершены и начнутся вновь, когда приведут новых кандидатов на роль синкеров.

Последние полдня оказываются свободными, но делать совершенно нечего, разве что волноваться. Остальные уже сплоченными парами что-то обсуждают, а я возвращаюсь в комнату, чтобы поваляться напоследок. Оказывается, что пока был на последнем занятии, служащие подготовительного центра прибрались в комнате и заменили постельное белье для следующего потока синкеров. Решаю вместо безделья приступить к тренировке.

В этом корпусе нет библиотек, телевизоров или еще каких-нибудь мест досуга. Ходить без дела нельзя, общаться особо не с кем, поэтому моей единственной отрадой стали физические упражнения. Если бы хоть как-то не выпускал пар, то точно свихнулся бы. Теперь с удивлением замечаю в зеркале, что прибавил мышечной массы к прежнему худощавому телосложению, хотя это может быть заслуга вапориума, а не упражнений и безвкусной еды.

Начинаю приседать, отжиматься и подтягиваться на дужке кровати второго яруса. Вот только сегодня нагрузка почти не помогает избавиться от дурных мыслей, ведь снова придется адаптироваться, причем к более жестким условиям, если верить рассказам отца Григория. А вот последний что-то не появляется ни через час, ни через три.

Принял напоследок душ в крохотной душевой в конце коридора и сходил на ужин, после чего направился обратно в класс, где уже ждут остальные синкеры с кураторами. Отца Григория до сих пор нет, и вот это совсем не нравится.

Вдруг дверь в кабинет открывается, и я уже радостно поворачиваю голову, но это незнакомый сотрудник администрации в военной форме и кепке, осматривающий пополнение. Кураторы тут же встают, значит, пора вступить в настоящую жизнь синкера. Незнакомец ничего не сказал и просто вышел из кабинета, а остальные потянулись за ним. Делать нечего, пришлось и мне за ними.

Группа спускается на самый первый этаж, куда раньше пройти было нельзя. Очередной блокпост с решетками и охранниками, после чего все молча направляются в большие двери, где еще один досмотр и, наконец, я покидаю стены подготовительного центра. Иду в конце колонны и оборачиваюсь на звук закрывшихся бронированных створок. Берусь за ручку и вижу на табло над дверью надпись: «Проход закрыт. Войти внутрь могут только синкеры со статусом 0–0».

Ну, было ожидаемо, что обратного пути нет, поэтому ускоряю шаг и догоняю остальных. Коридор без окон точно ведет в нужный корпус, где встречает идентичная дверь, за которой я ожидал встретить что-то похожее на корпус для новичков, но встречает вестибюль, освещенный яркими лампами, а у дальней стены ждет открытый лифт. Именно туда идет проводник, значит, новые синкеры уже сейчас будут привыкать жить под землей. Так и происходит, когда большой лифт закрывается и опускается на глубину трех-четырех этажей.

— На выход, — приказывает сотрудник администрации, который явно дальше не пойдет. Теперь уже кураторы выходят первыми, значит, именно здесь и живут синкеры.

Я снова оказываюсь самым последним, и створки лифта за моей спиной закрываются. По гудению электродвигателя могу угадать, что он пошел наверх, но сейчас всё внимание сосредоточено на вещах передо мной, а глаза ищут отца Григория, который мог просто опоздать и дожидаться новичка здесь.

Здесь еще один вестибюль, но куда более просторный, целая площадка сто на сто метров с какими-то торговыми автоматами и даже магазинчиками. Есть ряды лавочек, на которых сидят незнакомые люди, и все взгляды устремлены именно на новоприбывших. Потолок высотой, кажется, метров семь, и его подпирают многочисленные стальные балки, на которых висят фонари с белым светом.

Обе группы передо мной расходятся в разные стороны, и я понимаю, что нужно что-то решать. Вообще не представляю, что нужно делать и куда идти, а вот бросаемые взгляды совсем не нравятся. Чтобы не остаться одному, тихонько пристраиваюсь к группе с азиатом и девушкой, якобы я тоже в их команде. Это решение даже помогает пройти половину площади, пока вдруг куратор с бритой головой не развернулся.

— Эй, пацан, ты не в моей группе, не ходи за мной.

— Окей, не подскажешь, как найти отца Григория? Если сможешь его найти, в будущем верну должок, — ладно, этот вопрос все равно нужно было решить как можно скорее.

— Да я откуда знаю? Хотя, ладно. Есть одна мысль. Пока иди с нами.

Ну, пока ничего страшного не происходит, поэтому обращаю внимание на другие детали окружения. Здесь комфортная температура и постоянно гудит в вентиляционных коробах и рукавах на потолке. Из вестибюля идет широкая и прямая дорога, по обеим сторонам которой видны двухэтажные постройки из бетона с большим количеством дверей. А вот окон вообще нет. Напоминает чем-то фильмы про Дикий Запад, где в поселениях тоже была какая-то главная улица, на которой ковбои стрелялись в дуэлях. А в конце улицы примерно в трехстах метрах видно какое-то куполообразное здание неизвестного пока назначения. Можно лишь понять, что он не из бетона сделано, а из металлических листов, покрытых белой краской.

— Тебе туда, — показывает куратор, показывая в переулок. Оказывается, здания по обеим сторонам улицы не стоят вплотную друг к другу и там есть узкие улочки, по которым

тоже ходят синкеры.

— Команда отца Григория там расположена?

— Ага. Ищи красную дверь, а за ней скажи, что ты от Мика. Там тебе объяснят лучше, где искать Грегори, — сказав это, Мика уходит дальше, а мне остается лишь идти в указанном направлении, разглядывая встречаемых синкеров.

На меня постоянно бросают подозрительные взгляды, и я понимаю, что совсем не похож на здешних обитателей. На мне обычная одежда, а вот синкеры обоих полов ходят в милитаризированной или туристической одежде с разными непривычными для меня предметами. У одного на поясе висит настоящий меч, у другого три светящихся амулета на шее, а одна девушка облачена в странный плащ с капюшоном с загадочной переливчатой структурой.

На занятиях в подготовительном корпусе я уже узнал о существовании артефактов, которые находят в подземельях, так что понимаю, что это ценные и опасные вещи. И у новичка их быть не может, поэтому я действительно выделяюсь. К счастью, найти красную дверь труда не составило, вот только рядом с ней околачиваются какие-то мутные типы. Но делать нечего, поэтому с максимально расслабленным лицом прохожу мимо них, но толкнуть дверь не успеваю.

— Эй! — выкрикивает один из мужиков. — Ты кто? И куда намылился?

— Я от Мика, мне нужно узнать насчет отца Грегори, — спокойно разворачиваюсь и смотрю на собеседника. Выражение лица у него прямо как у истинного представителя homo горnikus: прищуренный и оценивающий взгляд, кривая улыбка и в целом отпечаток отсутствия высокого интеллекта. Вот только это их территория и здесь их порядки, поэтому буду вести себя сдержанно, но твердо.

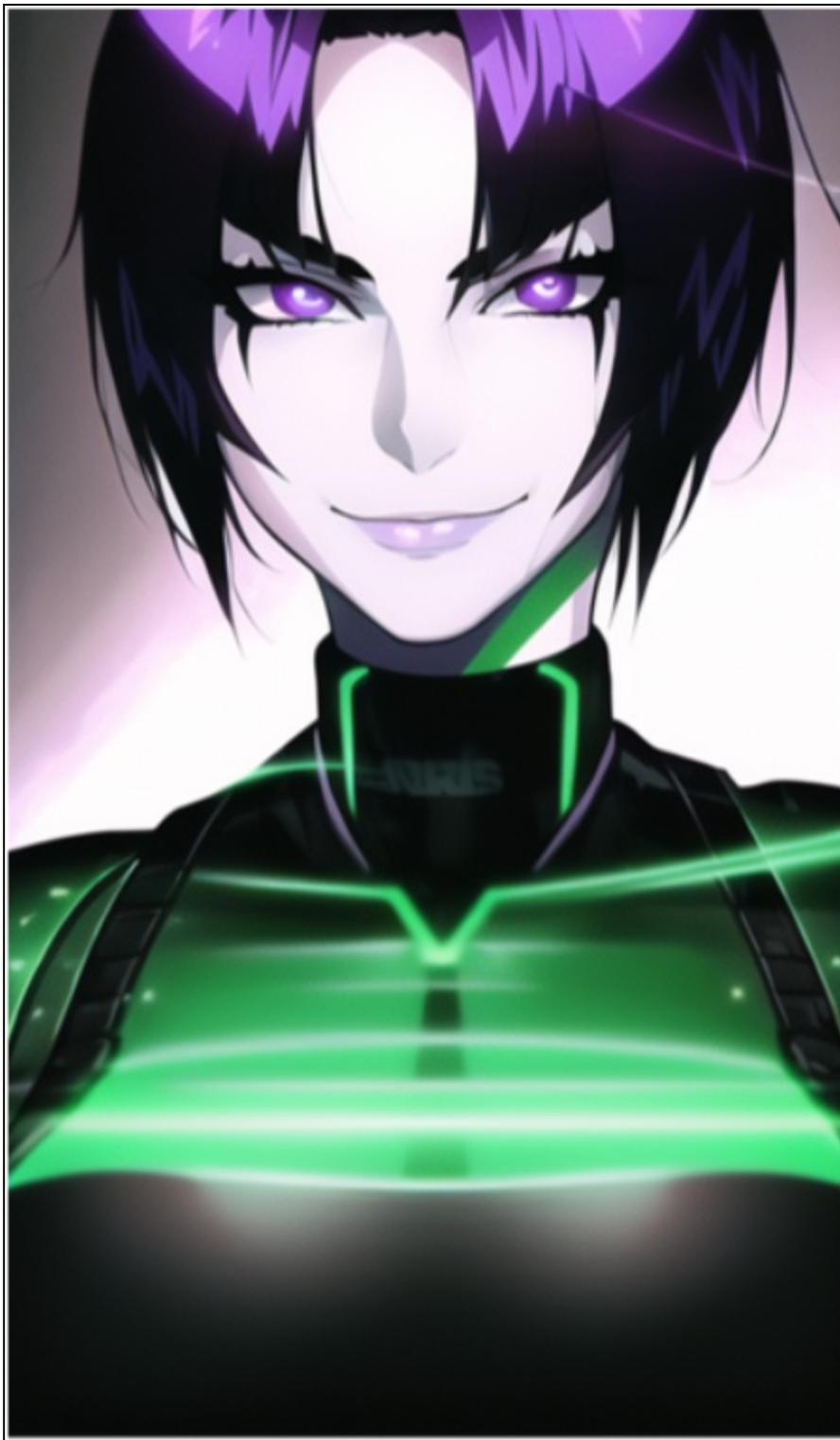
— А, от Мика... Значит, он уже вернулся с новичками. Ты, значит, тоже из новичков? Покажи браслет.

Вижу, как глаза собеседника ищут браслет на моем запястье, который выполняет как функцию часов и компаса, так и интерфейса для вывода информации с чипа. Но мне такую вещь не выдали и рассказывать причину этого я не хочу.

— Потерял пару дней назад, а новые купить не на что, — вру с самым невинным лицом.

— Аха-ха, ну ты даешь. Потерял еще до прихода в основной корпус! Такого я еще не видел, — теперь надо мной ржут все, но мне не до смеха, я снова поворачиваюсь и хочу взяться за ручку двери, но та неожиданно распаивается сама, причем открывать её, оказывается, нужно было на себя. В итоге получаю по лицу дверью и от неожиданности падаю на задницу.

Стоящие мужики вновь взрываются смехом, а за дверью показывается черноволосая девушка в потрепанной военной форме, которая пнула со всей силы дверь вместо того, чтобы открыть нормально. У нее хищное выражение лица и наглая улыбка, словно ощущает себя хозяйкой всего подземелья.

— Чё разорались, придурки? И это кто?

— Подарок тебе от Мика, — подсказывает один из синкеров.

— О, так ты новичок, добро пожаловать во взрослую жизнь, — звонким голосом объявляет девушка, мало похожая на нормальную. Но среди синкеров найти нормальных и адекватных людей в целом задача непростая.

Я пытаюсь встать и что-то сказать, но пересекаюсь глазами с незнакомкой. В этот момент зрачки девушки вспыхивают фиолетовым огнем, а у меня в голове словно граната взрывается. Резкая и сильная боль снова роняет на землю, я полностью дезориентирован, но уже понятно, что Мика по каким-то причинам отправил сюда вовсе не для того, чтобы я смог найти отца Григория.

Постепенно боль проходит, а продолжаю лежать на земле, схватившись за голову. Стоящие ублюдки гогочут и даже подходят другие зеваки, заметив бесплатное развлечение.

А потом на груди оказывается сапог девушки, демонстрирующей свой статус на браслете.

— Видишь это, сладкий? Тут написано 1–7, мой статус на семь больше твоего. Тебе должны были рассказать о главном правиле, что командует тот, у кого статус выше. Так вот мой первый приказ: сложи ручки и ножки как собачка, лежащая на спине, высунь язык и погавкай для меня.

На эти слова я посылаю её в пешее эротическое, но, похоже, она явно хотела услышать отказ, подняв лицо с довольной улыбкой к висящей над улочкой камере. Такие камеры видеонаблюдения здесь тоже на каждом углу.

— Ну, это явное нарушение правил, — глаза стоящей сучки вновь становятся фиолетовыми, после чего сознание вновь улетает в облака фейерверков боли. Боль даже острее, чем было в первый раз после насыщения вапориумом. Вот только если я чему-то и успел научиться, так это бороться с болью. «Презрение к боли» сразу отзывается на призыв, сильно приглушая вой боли в теле. Хорошо, что от волнения сердцебиение участилось, выступил пот и это помогло чуть-чуть разогреться. До конца боль не ушла, но этого достаточно для того, чтобы прояснить рассудок для дальнейших действий.

Факт № 78 °Синкер может настроить вывод информации на браслете, чтобы не показывать свой баланс баллов, например, но если браслет попадет в чужие руки, то любой сможет посмотреть всю информацию. Разве что настроить на свой чип чужой браслет не выйдет.

Глава 10

Факт № 188 Несмотря на то, что администрация ввела правило о подчиненном положении относительно статуса синкера, она предлагает самим проходцам заниматься отслеживанием и исполнением данного правила в пределах дозволенного. И точные границы этого предела никому неизвестны, а проверять может быть опасно.

В общем, как меня и предупреждал отец Григорий, это место — загон для волков, которые только и рады наброситься на одинокую и беззащитную жертву, лишь бы не оказаться на её месте. Права человека? Свобода слова? Главенство личности? Таких понятий здесь просто не может быть, и мне приходится принять правила этой игры. Однако быть жертвой я не собираюсь.

Да, здесь я одинок, на далеко не беззащитен. Решение выпустить клыки в ответ на чужие действия становится очевидным, когда ты лежишь на земле в окружении врагов. «Презрение к боли» очищает рассудок от боли, но не от ярости, последняя уже начинает переливаться через край внутреннего сосуда.

С силой бью по ноге на своей груди, отводя в сторону. Наглая девушка надо мной, похоже, не ожидала сопротивления, поэтому миг замешательства использую на полную, приподнимаясь и хватаясь за форму незнакомки, а потом рывком падаю обратно с приставленной к животу ногой. Таким образом легко удается перебросить противника через себя, а потом оказаться сверху.

Здесь всё решают драгоценные секунды, поэтому кулак уже врезается в нос суки с желанием навсегда сделать его кривым. И тем временем уже второй кулак отправляю в лицо и бью под правым глазом. К сожалению, продолжить атаку не получается, так как в правое ухо прилетает оглушающий удар. Разумеется, напарники девушки не будут просто стоять в сторонке, и я тут в меньшинстве.

Сразу два человека скидывают меня с девушки, но я не борюсь с ними и даю себя стащить, поднимаясь в это время на ноги, так как если снова окажусь на земле, то буду скорее всего забит до смерти. Сердце в груди стучит как сумасшедшее, а температура тела повышается еще сильнее. Я ощущаю толчки и удары, но будто нахожусь под общей анестезией, оставаясь при этом в сознании. Это помогает мне продолжать бой, не заботясь о боли и здоровье.

Мой бешеный напор и полное игнорирование боли вызывает оторопь у окружающих людей. А вот разум тем временем странно цепенеет, покрывая пространство алыми лучами и волнами. Думается мне, что это какие-то галлюцинации или просто чересчур сильно получил по голове. Либо состояние аффекта, которое никогда в жизни не испытывал. Скорее всего инстинкт самосохранения сейчас заставляет сражаться на 100 % потенциала тела, не заботясь о последствиях, и вырубает в теле и разуме всё, что не нужно для выживания в эту секунду.

Возможно, именно поэтому я словно смотрю кино от первого лица, где чувствую давление в местах ударов, но не ощущаю их. А скорость тела постепенно увеличивается, поэтому я успеваю реагировать на вражеские выпады и даже споро перемещаться по полю битвы. Да, никак иначе, чем битва, я это не назову, хотя для постороннего наверняка будет выглядеть как типичная уличная потасовка.

Кажется, что мое естество поет, а перед глазами алый вихрь, из-за которого я с трудом

замечаю детали, но периодически вижу, как уже мои удары достигают цели, а также высокую опасность в лице мужика со светящейся зеленым светом рукой. В мозгу подобно пуле пролетает мысль о том, что противники сейчас оправятся от шока, возьмутся за оружие и начнут использовать суперспособности. Значит, нужно что-то предпринять, например, сбежать.

Рывком подтаскиваю к себе одного из противников и оказываюсь за его спиной, успеваю в последнюю секунду, когда поток какой-то жидкости превратил переднюю часть тела выставленного синкера в обожженную массу. К этому урону добавляю несколько чувствительных ударов по почкам, а потом толкаю свой «щит» на того, кто использовал способность на товарище.

Резко дергаюсь от попадания с другой стороны, меня нешуточно огрели монтировкой, но боли опять же не почувствовал, поэтому схватил одной рукой инструмент, а вытянутым пальцем второй засадил прямо в глаз оппонента. Сейчас мне совершенно все равно на то, что я нанесу непоправимый вред здоровью или даже убью человека. Здесь не действует иных законов, кроме подчинения администрации и выживании самого сильного, наглого и хитрого. Конечно, сейчас у меня нет ни силы, ни хитрости, для выживания остается только наглость.

Человек с дикими криками хватается за глаз, позволяя выдернуть из рук монтировку. Это почти метровый металлический прут с гранями, где на одном конце гвоздодер с выгнутой для рычага частью, а с другой ломик со сплюсненным концом. Прежде всего это инструмент, а не оружие, но сейчас я готов использовать что угодно для победы. Ну, или хотя бы для того, чтобы пережить чертов день.

В теле возникает ощущение легкости и, кажется, что я скачу из стороны в сторону на большой скорости, не давая себя окружить или применить сверхчеловеческие способности без риска попасть по своим. Мне это даже начинает нравиться, волна удовольствия затапливает разум, и всякий раз, когда конец монтировки оставляет рассечение на чьем-то лице или выбивает зубы, мне хочется орать от радости и жажды большей крови. Возможно, я действительно ору, собственное тело теперь кажется чужим.

Поэтому не сразу замечаю, что воздух звенит, а неприятный звук издают динамики над потолком. Это моментально отрезвило моих врагов, но не меня, я словно сошел с ума, стараясь убить как можно больше. Моральная сторона вопроса словно перестает существовать, я вижу лишь цель и множество способов выбить жизнь из тела врага. Однако, меня тоже вынуждают остановиться, точнее, словно сбивает невидимый автомобиль, впечатывая в стену.

— На этом стоит закончить, — произносит чей-то властный голос.

Возникшая пауза заставляет потерять боевой азарт и опьянение кровью, сейчас будто прихожу в себя, сидя на земле и прислонившись к стене. Губы и подбородок в капающей слюне, тело мелко дрожит, а дыхание с хрипами выходит из горла. В переулке стоит тот самый Мясник, что убил сбрендившего синкера в мой первый день в подготовительном центре.

Сейчас можно рассмотреть его с близкого расстояния, и зрелище внушает уважение. Передо мной словно гигачад, Аполлон или даже Император Человечества. Это высокий и подтянутый мужчина, чьи глаза испускают голубой оттенок, а на плечах синий плащ. Вещь наверняка из подземелий, как и светящаяся брошь на груди. Вокруг синкера еле заметны нити, эффективность которых я хорошо знаю. Весь его вид говорит о принадлежности к элите, а особо впечатлительные люди точно сравнят с полубогом.

Как только голова прочищается от ярости, сразу понимаю, что именно он остановил схватку, а тот сигнал был послан администрацией. Мои противники сразу прекратили со мной драться, услышав его. Значит, это было предупреждение, к которому только я не прислушался. И из-за этого сюда пришел Мясник, чтобы усмирить буйного меня. С трудом

поднимаю руки, показывая, что сдаюсь, но сил что-либо сказать, у меня нет.

— Звуковой сигнал означает, что нужно остановиться. Ты нарушаешь правила, — Мясник смотрит только на меня.

— Увлёкся, — тихо произношу я, силясь говорить громче. — Я защищал свою жизнь.

— Мне плевать. В качестве наказания отправишься в карцер. Вставай и за мной.

Спорить я не могу и даже считаю, что это наказание весьма кстати. Не знаю, что из себя представляет здешний карцер, но скорее всего моих противников там не будет. Значит, смогу перевести дух. С удовлетворением замечаю ту наглуемую девушку, которая вздумала пытаться меня своей способностью. У нее корка засохшей крови под носом и заметный фингал под правым глазом. На земле лежит труп синкера, которым я закрылся от атаки его дружка. Вероятно, администрация вмешалась только потому, что был риск смерти или недееспособности сразу нескольких синкеров.

Но сильно радоваться не могу, так как «Презрение к боли» перестает действовать вместе с тем, как остываю после схватки. Сейчас понимаю, что пострадал куда сильнее оппонентов. Уж не знаю, как я дошел до карцера, ведь у меня сильное сотрясение мозга, сломаны ребра, почти оглох на правое ухо и большое количество синяков и ссадин. Но пускай мне досталось куда сильнее, я все равно считаю себя победителем, так как не стал подчиняться тупым приказам и при этом выжил. Однако мне наверняка захотят отомстить.

Карцером оказывается тюремная камера без мебели и лишь сливным отверстием в качестве туалета. Подобные камеры расположены в другой части поселения синкеров, поэтому пришлось пройти немало. К счастью, дорогу Мяснику никто не думал перегораживать. Сейчас сижу на холодном бетоне и пытаюсь немного отдохнуть. Под ногами лежит военный трофей в лице монтировки, которую Мясник отбирать не стал. Не знаю, сколько меня тут должны продержат, но как минимум несколько часов точно проведу тут. Может, даже сутки или того больше.

[Статус: 1–0

Общая оценка: N/A

Баллы: -50]

Проверяя информацию с чипа, понимаю, что меня наказали не только карцером, но еще и оштрафовали на 50 баллов. Даже не представляю, много это или мало, в подготовительном центре об этом вообще ничего не говорили, свалив обязанность на кураторов. А мой куратор смылся в рейд и до сих пор не вернулся. Возможно даже, что вообще передумал брать меня в команду. Если это так, то мне будет в десять раз сложнее тут выживать и придется искать новых союзников. Без этого я вряд ли протяну хотя бы неделю.

Несмотря на то, что жить мне, как синкеру, осталось не так уж много по сравнению с обычными людьми, я не хочу уходить из жизни слишком рано. Теперь тем более мне хочется бороться и провести остаток жизни в кайфе, раз уж ничего поделаться с этим больше нельзя.

Чтобы не сидеть просто так, активирую «Регенерацию тканей», эта способность очень пригождается в такой ситуации. Начинаю с ребер, потом перехожу к голове и другим частям тела. Алый туман чуть мерцает вокруг тела, заживляя раны, но на полпути приходится остановиться, так как начинается головокружение и тошнота. Вероятно, это и есть мой предел, значит, придется отдохнуть. Жаль, что кормить и поить меня здесь вряд ли будут.

— Что со мной произошло во время боя? Это было что-то странное, — переключаю внимание на что-то другое.

[Суммаризация полученного опыта. Готово. Доступно 1 очко развития]

— В тело, — говорю я, надеясь, что это поможет быстрее оклематься.

[Открытие техники «Ва-банк»]

[«Ва-банк» является закономерным следствием на экстремальную ситуацию с риском для жизни. Надпочечники выделяют кортикостероиды для ускорения обмена веществ и выделения запаса глюкозы на повышенную нагрузку. Симпатическая нервная система посредством норадреналина посылает сигналы к внутренним органам, а при начале сверхнагрузок надпочечники начинают выделение адреналина. Это естественная реакция на стресс, но биоконтроль ускоряет и усиливает эффект, создавая дополнительные источники энергии, повышая скорость реакции и доводя «Презрение к боли» до 100 % эффективности. Сила мышц и стойкость к потере сознания повышаются кратно. Отрицательным эффектом становится повышенная слабость по окончании эффекта]

Ага, режим берсерка прям. Ставишь всё на победу и в случае поражения оказать нормальное сопротивление уже будешь не в состоянии. Я чувствую, что меня сильно клонит в сон, будто усыпляющее средство ввели. Вот и взимание платы за «Ва-банк», лишь бы не проспать что-то интересное или просто важное...

Момент прихода сна заметить не смог, а потом плыву в темноте вокруг огромных механических легких, продолжающих бесконечную работу. Шестерни вращаются, пар в трубках циркулирует и вырывается наружу в определенных местах. Где-то между легкими виден алый отсвет от фонаря, который не совсем вписывается в устройство сложнейшего механизма, в реальное существование которого трудно поверить. Но вапориум открывает в людях сверхспособности, а также под землей находят вещи с необъяснимыми свойствами, так что нельзя отбрасывать возможность существования такого механизма в реальности, а не только во снах или глюках.

Подобно спутнику вокруг планеты я продолжаю наворачивать бесконечные круги, слушая шипение вырывающегося пара, мерное постукивание зубцов и какой-то голос, слов которого опознать не могу. А потом замечаю, что вокруг летаю не только я. Какой-то смутный силуэт мельком удастся увидеть, но он всегда на противоположной стороне орбиты вращения, поэтому почти всегда перекрывается легкими. Ставлю перед собой задачу увидеть этого человека, а потом просыпаюсь из-за того, что меня кто-то трясет за плечо.

[Для ускорения эволюции нужно отказаться от человеческих оков. Требуется выход на новую высоту]

— М? Ох, — после сна избитое тело резко напоминает о себе, так что вставать с холодного пола совсем не хочется.

— Просыпайся, Марк, твое заключение в карцере подошло к концу, — до ушей доходит очень знакомый голос, слышать который я очень рад.

Разлепляю глаза и смотрю на отца Григория, который склонился надо мной. Кажется, он только что поднялся из подземелий, так как находится в обгоревшем и порванном комбинезоне, а волосы на голове слиплись из-за грязи и пота.

— Отец Григорий? Рад вас видеть, — с трудом принимаю сидячее положение.

— Это взаимно. Прости, что так получилось. Это был очень сложный рейд, где погибло много синкеров. Подземный обвал заблокировал выход, а потом еще монстры словно с ума сошли. Но и тебе пришлось несладко, однако, держался молодцом. Стоило мне только вернуться в поселение, как со всех сторон мне начали рассказывать, как мой новичок

подрался с бандой Ли Дуна.

— Тут еще банды есть?

— Конечно. Команды, гильдии, банды, ордены и культы: люди стараются держаться с теми, с кем им комфортно, и называются соответствующе. У кого-то смысл существования — это культ выдуманным богам или самому дьяволу. У других, прежде всего у синкеров с преступным прошлым, это банды. И так далее. Если тебя интересует, доставит ли эта банда нам проблем, то да, обязательно. Ты первый новичок за долгое время, который нанес им такую пощечину, а также смог полностью игнорировать «Пыточный взгляд» Клары Кольц. Они обязательно вернутся и уже будут серьезными, но теперь и ты будешь в кругу соратников. Вставай, пора мне сделать то, что требуется от куратора и показать тебе этот темный, но все еще дивный мир.

Факт № 947Администрации плевать на то, как именно синкеры объединяются друг с другом. Под землей нет уставов, поэтому разные группы придумывают их себе сами. Невозможность массовых сражений в поселениях приводит к тому, что даже маленькие группы могут чувствовать себя в относительной безопасности, но в подземельях всевидящее око государства контролирует синкеров только экономическим путем, а именно баллами, без которых жить нельзя. Но в остальном смерть от руки другого синкера так же вероятна, как и от лапы чудовища или несчастного случая. Отсюда и пошла поговорка о том, что «в подземельях что угодно пропадет без следа».

Факт № 366 Еще не было официально подтвержденных случаев появления синкеров с более чем одной суперспособностью. Однако синкер может улучшать и видоизменять свои возможности, пока используется базис полученной способности.

Держа монтировку в правой руке, направляюсь к выходу из карцера. Возможно, срок моего заключения действительно подошел к концу или отец Григорий просто договорился с администрацией, но вот я снова на свободе, но за пределами карцера куда опаснее. Радует лишь то, что теперь не один.

— Это поселение называют Нулевым Уровнем или чаще просто Зеро, — рассказывает куратор, смотря по сторонам. — Здесь есть бараки для синкеров, магазины, кафешки, госпиталь и прочие вещи, которые нужны людям. Мы уже находимся под землей, но это еще не подземелье.

— И баксы тут не принимают, — добавляю я.

— Ага, используются баллы. Баллы, как и статус, влияют на очень многое. Нет баллов — нет еды, одежды, оружия, лекарств и места для отдыха. Таким образом администрация заставляет синкеров работать, ведь голодная смерть весьма мучительна, а если ты будешь ослаблен, то, во-первых, станешь бесполезным для своей команды и тебя вышвырнут, а, во-вторых, ты станешь беззащитной целью для коршунов.

— Та Клара Кольц с дружками из коршунов?

— Да, всё верно. Но это была лайтовая версия коршунов, как изъясняются те, кто родом из Атланты. Заключение в тюрьмах являются самыми беззащитными гражданами почти любой страны, оттуда приходит больше всего кандидатов в синкеры. В глазах общества преступники — уже дрянной сорт людей, которых не жалко, и к тому же такие люди умеют справляться со стрессовыми ситуациями и не боятся крови. На время учебы их отправляют в отдельный корпус, где одни лишь преступники. Но у этого есть и плохая для нас сторона: сюда преступники приносят с собой тюремные порядки, объединяются в банды и легко совершат любой бесчеловечный поступок, не заботясь о собственной душе или хотя бы общественной морали. Те, с кем ты подрался, из банды Ли Дуна, одного из преступных авторитетов.

— Он опасен?

— Да. И как синкер с высоким статусом, и как жестокий человек. Но он редко появляется в Зеро, в основном живет в Миносе.

— А это, значит, на один уровень ниже?

— Да, станция «Минос» — это по сути первый уровень под нами. Но тоже еще не подземелье. Там расположен лифт, который спускает непосредственно в рабочие зоны, а оттуда приходится двигаться в зависимости от маршрута миссии. Это тебе должны были в подготовительном центре рассказать.

Да, это я помню. Где-то под ногами расположена огромная шахта, уводящая вниз до железнодорожной станции. Там курсируют поезда, которые могут домчать до почти любой точки в пределах Атлантического Содружества. Для этого были прорыты многокилометровые подземные тоннели. Команде синкеров нужно лишь сойти в нужном месте, а потом двигаться к лифту, который отправит еще глубже. Так повторять, пока не дойдешь до цели. Синкеров специально не перемещают на поверхности, а выходов туда

всего штук пять официальных. Это было сделано для предотвращения побегов, а также сдерживании прорывов чудовищ. Пять выходов оборонять проще, чем сотни.

— Пока давай остановимся на общих сведениях, которые будут полезны любому синкеру. Основные вещи для жизни: еда, вода и сон. С водой в Зеро или Миносе проблем нет, рядом с каждым бараком есть стенка с кранами. Вода там питьевая, можно пить бесплатно в любых количествах. Но в подземельях бесплатных вещей почти нет, кроме самой инфраструктуры. То есть не нужно платить за тоннели, транспорт туда-обратно, свет над головой и прочее. А вот еда, вода и что-то индивидуальное придется за свой счет.

— А еда и здесь платная? Мне пятьдесят баллов вычли за драку, — чувствую сильный голод.

— Да, увы, это так. Насчет баллов не переживай, мы поможем. Хотя, прошу в дальнейшем никогда не забираться в минуса. Во-первых, пока из минусов не вылезешь, вообще ничего купить не сможешь, только обмениваться чем-то с другими синкерами. Во-вторых, уход в отрицательный баланс считается долгом перед администрацией. К тем, кто в недельный срок не выйдет хотя бы в ноль, применяют штрафные санкции. Чаще всего минуса бывают у тех, кто занимает баллы у администрации.

— Значит, можно брать кредит? — как по мне, звучит очень тупо.

— Да, можно взять займы, например, для покупки дорогого лекарства, услуги или артефакта, но это стоит делать только в случае крайней нужды. Тех, кто быстро не погашает минуса, отправляют в самые глубокие участки подземелий. Там, где живут одни лишь сумасшедшие или безнадежно больные. Отправка туда по сути смерть, ведь обратно тебя не пустят, пока не погасишь долг, а выживать там долго почти нереально и заработок минимальный. К тому же все баллы сразу будут идти на погашение долга, значит, ты не сможешь закрывать даже минимальные биологические потребности. Посмотри сюда.

Мы вернулись на площадь перед главной улицей, где стоят разные магазины, похожие на стальные коробки. На лицевой части установлен экран с перечнем товаров и ценами. Конкретно в этом киоске продается еда. Здесь, кажется, есть вообще всё, что нужно для счастья: хлеб, каши, любое мясо, любые напитки и даже алкоголь. При этом продаются не ингредиенты, а уже готовые продукты или блюда. Смотрю на сочный хорошо прожаренный стейк, но ценник обламывает, почти двести баллов.

— Вкусно питаться не все здесь могут себе позволить, — отец Григорий словно понимает, куда я смотрю. — В самом киоске есть только то, что не требуется особых условий для хранения. Бутилированные напитки, консервы, сладости и так далее. Если хочешь заказать какое-то конкретное блюдо, то после оплаты нужно будет идти в кафе неподалеку, где тебе его приготовят и подадут. Также уточню, что за попытку взломать киоск, ограбить кафе или еще как-то покуситься на собственность и порядки администрации, последует смертная казнь от руки Мясника или еще кого-нибудь. Тут камеры даже в туалетах и душевых комнатах, и их круглые сутки мониторят десятки людей.

Что же, явно благодаря видеонаблюдению я был спасен Мясником.

— Так, смотри сюда, — собеседник показывает свои часы и говорит им. — Передать сто баллов Марку Богову.

После этого подносит руку с часами к моей левой руке, а потом недоуменно останавливается, переводя взгляд с левой руки на правую.

— Подожди, а где твой браслет?

— У меня его никогда не было. Перевод пришел, спасибо, — чип в дополненную

реальность вывел сообщение о поступлении перевода. Теперь на балансе пятьдесят баллов.

— А как ты... — отец Григорий явно не понимает, что происходит, поэтому я быстро рассказываю о том, что стал участником экспериментальной программы и подключен к Deus Spiritus, поэтому могу считывать информацию с чипа без браслета.

— Что же, это удобно, но лучше это никому не говори. Возможности, что есть у одних, но нет у других, вызывают зависть. Порой для кого-то смертельную. У меня среди вещей есть сломанный браслет, так что носи хотя бы его, чтобы не привлекать внимание к отсутствию атрибута каждого синкера.

— Хорошо, спасибо. А сколько вообще зарабатывают синкеры?

— Зависит от результатов работы и её сложности. Работа на нижних уровнях смертельно опасна, но и оплачивается внушительно. Туда ходят только самые отбитые или самые подготовленные синкеры в составе больших рейдовых групп. За один такой рейд группа из двадцати-тридцати синкеров может получить около 50000 баллов, то есть от 1500 до 2500 баллов на человека. На такой заработок можно и вкусно поесть, и купить какую-нибудь хорошую вещь. Конечно, если вернется только часть группы, то доля каждого пропорционально вырастет. У меня команда маленькая, а в последнем рейде мы потеряли половину людей, так что так глубоко мы не ходим. Выходит около 300 баллов на человека, на это вполне можно выжить, но с накоплениями всё печально. Почти всё будет уходить до последнего балла. Администрация полностью регулирует экономику, устанавливая вознаграждения и цены, поэтому не допускает случаев, когда синкер может много заработать и больше не ходить в подземелья.

— А результат работы?

— Если задача выполнена без претензий, получаешь 100 % от обещанной суммы. Если провалишь, выполнишь не до конца или как-то не так, то из заработка вычитается штраф. Размер последнего зависит от недочетов и может доходить до 100 %.

— То есть могут вообще не заплатить?

— Могут. Получишь лишь «балл милосердия». То есть, если штраф полностью перекрывает собой вознаграждение, то тебе дадут ровно один балл. Сначала это была такая шутка администрации, а потом стало традицией. Стали называть баллом милосердия.

— Баллы можно отбирать?

— Да, на это и живут подобные Ли Дуноу. Банды нападают на синкеров в подземельях и заставляют передать себе баллы. В Миносе и Зеро могут предложить купить услугу или товар, которые тебе не нужны, причем, по космической цене. Если откажешься, могут напасть или как-то иначе испортить жизнь. Члены банды потом сдают собранные баллы главарям, а взамен получают свою долю. Лучше всегда передвигаться в составе группы, пока не освоишься. Разделяться же в подземельях подобно смерти почти во всех случаях, — рассказывая это, отец Григорий покупает в киоске пять мясных консервов по двадцать пять баллов и две булки хлеба.

— Я взял на всех, так что пока не трать баллы. Пойдем, — командир группы ведет за собой к баракам, где подносит браслет к двери с номером 11. — Комнаты в бараках тоже сдаются в аренду, самые дешевые около сотни баллов за сутки. Чтобы сэкономить, живем все в одной комнате. Заходи, познакомимся.

Я вхожу первым и вижу обычную комнату с одной кроватью и спальниками на полу. Тут есть стол, четыре стула, раковина, а в дальнем углу дверь, вероятно, в душ и туалет. Но первыми в глаза бросаются мои новые товарищи.

Их трое, и они дружно поворачивают головы в момент открытия двери, позволяя себя рассмотреть. За столом по правую руку сидят двое мужчин. Один из них имеет мощное мускулистое телосложение, что хорошо видно из-за плотно сидящей майки. У него короткие поседевшие волосы, а на лице видны многочисленные шрамы.

Второй мужчина помоложе, но почему-то находится в черном респираторе. У него черные волосы под стать цвету остальной одежды. По левую руку на кровати сидит красивая женщина с длинными светлыми волосами и странными янтарным кулоном на груди. Похоже, она первая успела сходить в душ, если судить по чистоте кожи.

— Знакомьтесь, это новичок, про которого я рассказывал. Зовут Марком, будет с этого момента в нашей команде, — представляет отец Григорий. — Марк, а это твои товарищи и коллеги на ближайшее время. Наша главная красавица и основной дамагер — Эмбер Лосс, специализируется на создании ударных конструкторов и других шпук, стала синкером три месяца назад. Человек с черными волосами — это Люциан Мак'Лонели, еще один охотник, управляющий воздушными потоками. Под землей уже пять месяцев.

— И, наконец, Кристиан Вагнер, чей трудовой стаж скоро перевалит за десять месяцев. Как и мы с тобой, прибыл из Евразийского Союза, откуда-то с территории бывшей Германии. Наш главный танк в подземельях, так как может обращать тело в подобие камня. Я тоже выступаю на защитной роли, так как могу создавать энергетические щиты. Если кратко, то вот наша команда.

— Приятно познакомиться, — стараюсь выглядеть уверенным. — Стал синкером на прошлой недели. Могу быть целителем, но вообще мои способности больше по биоконтролю.

— Привет... Добро пожаловать... — вразнобой говорят новые товарищи.

— Целитель — это хорошо, — произносит Эмбер. — Так как полкоманды мы потеряли в последнем рейде, Мирона в том числе.

— Ну, целителя у нас не было никогда, — говорит Люциан, чей голос звучит глухо из-за маски. — Мирон мог просто заштопать рану и остановить кровотечение. Волшебные лекари не особо распространены.

На мой взгляд они выглядят слишком спокойными для тех, кто недавно потерял четверых товарищей. Но скорее всего работа синкером подразумевает привыкание к постоянным смертям и стрессу. Если ты проживешь пару первых месяцев и не умрешь в драке или не покончишь жизнь самоубийством, то, значит, адаптация прошла успешно. Насилие, кровь и мрак существования уже мало будут трогать душу. Во всяком случае я так себе представляю. Как оно будет в реальности, скоро точно узнаю.

— Биоконтроль может гораздо больше, чем просто регенерация ран, — сдержанно произносит Кристиан, помогая отцу Григорию разложить консервы. — Я в начале работы синкером видел одного, он мог делать странные вещи со своим или чужим организмом. Это способность, которая легко трансформируется во что угодно.

— Тогда нам тем более повезло, что Марк теперь с нами, прошу за стол, — командир группы приглашает всех, а Люциан закончил с разрезанием хлеба на части.

В качестве вступительного подарка я получил запасной мультитул с функциями ложки, вилки, тупого ножа, открывалки для консервов и штопора. Это однозначно самое удобное приспособление в использовании, ведь по отдельности столовые приборы занимали бы больше места.

— А где синкеры хранят личные вещи? — задаю вопрос, пока расправляюсь со своей консервной банкой. Мясо холодное, перченое, но голодному организму на это все равно.

— Если снимаем комнату, то в комнате, — отец Григорий приступил позже всех, дочитав тихую молитву перед едой. — Рюкзаки свалены в том углу. В рейды таскать с собой все вещи неудобно, поэтому приходится оставлять в камере хранения. За это тоже приходится платить, но иначе никак, ведь воровство тут процветает, поэтому никогда нельзя оставлять вещи без присмотра. Даже если ты найдешь вора или украденную вещь, возвращать её придется силой или снова воровством.

— А что известно насчет следующего рейда? — спрашивает Эмбер. — Ходят слухи о том, что прорывы монстров случились и на других маршрутах. Говорят, что администрация повысит вознаграждение за зачистку областей средних уровней.

— Нас теперь только пятеро, и новичков в ближайшее время ожидать не стоит. К тому же нужно заново сработаться с Марком, поэтому пойдем завтра в верхнюю зону. Там монстров сейчас не должно быть, но это все равно настоящее подземелье. Отработаем боевые приемы и проведем слаживание. К тому же будьте внимательны с коршунами из банды Ли Дуна.

— Это понятно, — Кристиан чуть улыбается. — Весь Зеро судачит, как вчера Марк показал Кларе Кольц, где раки зимуют. Сейчас она ходит с фингалом на пол лица. Я почти уверен, что они заявятся к нам во время вылазки. И могут привести куда больше, чем пять синкеров.

— Волков бояться — в лес не ходить, — отец Григорий пожимает плечами. — А в подземельях что угодно пропадет без следа, прости меня, Господи, за всё зло, что мне придется совершить.

Чувствую себя не очень комфортно, так как могу доставить лишние неудобства группе, поэтому решаю побольше слушать и поменьше говорить. Чем быстрее я стану опытным синкером, тем быстрее смогу начать реализовывать собственный план, про который пока

никому говорить не буду.

Факт № 501 Синкеры из мест отбывания заключения привозятся намного чаще, чем откуда-либо еще. Их собирают в одном месте, но после обучения все синкеры все равно оказываются вместе. Под землей вероисповедание, пол, цвет кожи или политические взгляды ни на что не влияют, смерть и насилие могут прийти к кому угодно. И преобладание преступников совсем не делает общество синкеров чище и добрее.

Факт № 903 Нью-Йорк, Вашингтон, Индианаполис, Хьюстон: города Атлантического Содружества, где расположены подземные базы синкеров и прорыты шахты в подземелья. Есть еще один центр, но его расположение засекречено.

Я продолжаю впитывать знания об устройстве общества синкеров, стараясь не показываться на улице до момента первой вылазки в подземелья. Эмбер, Люциан и Кристиан оказались вполне порядочными людьми, если верить первому впечатлению. Вероятно, отец Григорий специально берет в команду таких, кто по его мнению впишется без особого труда. И я рад оказаться именно здесь, так как вряд ли подойду где-нибудь еще.

Не в банды же мне идти? У меня нет криминального прошлого, и я не считаю, что по жизни нужно себя вести именно так, как это делают коршуны. Но с другой стороны не могу избавиться от мыслей о той драке. Несмотря на опасность ситуации, я очутился в гуще событий и поймал кайф от причинения боли другим. Сам себе не могу этого объяснить, другим тем более говорить не хочу. Возможно, во мне всегда это было.

Тем временем Люциан показывает карту ближайшего подземелья. Неудивительно, что синкеры наносят на карты маршруты, так как заблудиться внизу очень легко. Есть основные инфраструктурные дороги, например, где проложены бронированные трубы для перекачки вапориума. Там всегда светло и есть указатели на ближайшие ориентиры. Но куда больше ходов, где лишь темнота и другие опасности.

— Когда ищут вапориум, то прокладывают шахты во все стороны, — говорит Люциан. — Нетрудно увидеть, что чаще всего это напоминает сеть тоннелей. И так как находят вапориум далеко не везде, то со временем 80 % участков становятся заброшенными и там велик риск появления монстров.

Да, в подготовительном центре об этом рассказывали. Но вот что точно пропустили, так как это маленькие хитрости при спуске в подземелья. Например, привычке считать повороты в одну сторону. Если счетчик поворотов доходит до четырех подряд, а сами повороты под прямым углом, то вполне очевидно, что ты просто прошелся по кругу. Однако это кажется очевидным только в спокойной обстановке, в подземельях новички постоянно теряются, если оказываются одни.

Или, например, бесполезность отметок на стенах, так как в подземелья приходится спускаться часто, и первое время все пробовали использовать отметки, но теперь неудивительно, что какой-то важный перекресток под землей сплошь разрисован. И даже если ты найдешь там свою отметку, то трудно понять, недавняя она или месячной давности.

Но зато каждый синкер должен уметь работать с компасом, который встроен в браслет. К счастью, это чисто аналоговое устройство, придуманное людьми очень давно, поэтому работает даже в сломанном браслете, подаренном отцом Григорием. Про ориентирование по магнитной стрелке на занятиях рассказывали, так что Люциану повторять ничего не пришлось.

— На самом деле меня интересует больше ситуация конфликта с коршунами, — говорю то, что действительно не дает покоя. В подземельях что угодно пропадет без следа, поэтому можно не ждать, что заявится Мясник для того, чтобы разнять массовую драку.

— Ну, будем действовать по обстановке, — пожимает плечами старший товарищ. — Ты быстро привыкнешь, что здесь постоянно кто-то умирает, калечится или просто начинает

болеть и перестает быть полезным из-за вапориума. Коршуны идут по пути наименьшего сопротивления, атакуя тех, кто не может оказать сопротивление. Новички, одиночки или маленькие группы: они стараются разевать рот только на тот кусок, какой могут без труда проглотить. Но и мы не лыком шиты, посмотри хотя бы на себя! Ты оказался в дерьмовой ситуации, но сумел так наподдать коршунам, что стал в некотором роде известным в Зеро.

На самом деле это не та известность, какой бы я пожелал, но тем не менее это тоже может пригодиться в будущем. Если общество синкеров — это волчья стая, то я предпочту казаться сильным и здоровым, чтобы не оказаться под чужими лапами. Хотя шансов стать вожаком или альфой у меня все равно немного. И я даже не уверен, что хочу этого.

После беседы я почувствовал в себе достаточно сил, чтобы продолжить регенерацию ран, поэтому сижу на полу в окружении алых частиц неизведанных энергий, залечивая одну травму за другой. К счастью, ничего серьезного не оказалось, но постоянно морщиться при движениях тоже не хочется.

Как раз во время сеанса самоизлечения в комнату вернулся Кристиан, а вот Люциан наоборот ушел. Похоже, они специально меняются, чтобы не оставлять меня одного. Я не знаю, может ли кто-то посторонний вломиться в комнату, так что это может иметь смысл, наверное. К тому же, это хороший повод познакомиться поближе.

— Кристиан, ты говорил, что когда-то встречал синкера с биоконтролем. Можешь рассказать что-нибудь про него? Вдруг почерпну что-то для своего развития.

Седой мужчина откладывает сапог, который проверял на наличие повреждений, и на секунду задумывается.

— Ну, так уж получилось, что оказался с ним в одной команде. Кажется, что прошло уже много времени, хотя на самом деле всего девять месяцев. Он решил специализироваться на собственных костях. Сначала делал их очень прочными и гибкими, заработать перелом ему было затруднительно. Потом научился манипулировать размерами костей и их формой. Выглядело так, словно кости выросли из тела, пробивая мышцы и кожу. Разумеется, это приводило к тому, что он сам себе наносил весомый урон, но при этом внешние кости являлись для него одновременно прочной защитой и смертоносным оружием.

— Значит, он мог из любой части скелета вырастить прочную кость?

— Скорее всего. Точно мог из рук, ног, грудной клетки и спины. Ни разу не видел, чтобы кости у него росли из живота или черепа. Выглядело довольно жутко и боль явно была адской, но с биоконтролем тот синкер был невероятно живуч и стоек по отношению к боли. Он тоже мог регенерировать раны, но предпочитал не втягивать кости обратно, пока рейд не закончится, чтобы не тратить силы на излечение. Но однажды он общался с другим членом команды на привале и сказал, что уперся в потолок развития.

— Он пояснил, что это значит?

— Если верно помню, то сказал о том, что человеческое тело просто не может реализовать все доступные возможности. Говорил, что не может мониторить большинство собственных биологических процессов сознательным усилием, поэтому и развиваться дальше не может. Это звучит логично, ведь синкеры учатся использовать суперспособности методом проб и ошибок. Но этого хватает только на начальный этап, потом нам остается лишь оттачивать мастерство в этом направлении. И только при большой удаче можно додуматься или, я бы даже сказал, постичь нечто продвинутое.

Тут я крепко задумался. Действительно не представляю, как именно развиваться дальше, не владея пониманием собственного организма на уровне выше обычного человека.

Мне нужно получить высшее медицинское образование или даже стать ученым-биологом, чтобы мысленно представлять какой-то новый эффект. Вероятно, тот синкер именно это имел в виду.

— И что с ним стало потом?

— То, что ждет каждого синкера, просто в разной форме и в разное время. Однажды ночью у него случился инсульт на ровном месте. Он больше не мог ходить и даже соображал туго. На миссии его братья, конечно, перестали. А если ты здесь не приносишь пользы, то это начало конца. Быстрого или мучительного — зависит от ситуации, но ничего хорошего в этом нет. Таких синкеров ты сможешь найти в Зеро или Миносе, им можно только посочувствовать, но не что-то изменить.

Разговор останавливается на этом месте, пока я продолжаю регенерацию тканей и размышляю над словами Кристиана. Да, в будущем меня тоже ждет незавидная участь, если я ничего не придумаю. Пока что никто не слышал о том, чтобы синкеры могли прожить больше полутора лет. Причем, это не зависит от изначального состояния здоровья или способностей. Однако у меня есть козырь, который доступен не всем. Deus Spiritus открывает доступ к интеллектуальной системе развития, где с меня снимается часть обязанностей по осознанию опыта. Мне нужно лишь долбить, пока железо горячо.

«Но как именно выйти за человеческие пределы, чтобы продвинуться по эволюционной лестнице достаточно высоко, чтобы обмануть судьбу?» — вопрос звучит красиво, а ответ мне неизвестен.

Мне бы не помешал орган чувств, который может улавливать биопроцессы в теле. Если так посудить, то человек в целом почти не имеет контроля над собственной жизнедеятельностью. Дыхание автоматическое, хотя можно задержать. Сердце автоматическое, пищеварение автоматическое, восстановление во сне, выделение гормонов, ферментов, реакция иммунитета и всё такое тоже работает произвольно, силой мысли я не могу вмешаться в эти процессы.

Похоже, в следующий раз будет лучше попробовать вложить очко развития в разум или мистические силы. В первом случае моя соображалка может улучшиться, а во втором можно надеяться на удачу. В этот момент возвращается отец Григорий и Эмбер.

— Я взял миссию на верхних уровнях. Спустимся ниже Миноса до станции «Цербер». Найдем укромное место, где поищем артефакты. В этом и заключается наша миссия. Заодно и проведем боевое слаживание. Выйдем ночью, чтобы не дать знать о своем уходе коршунам.

Вопросов у меня нет, поэтому продолжаю заниматься самолечением, а потом вызываю часы в дополненной реальности, где вижу время 19:43. Скоро стоит лечь спать, чтобы встать ночью более-менее бодрым, и придется привыкать к жизни под землей, где нет по сути дня и ночи. Я уже скучаю по солнцу, голубому небу, облакам и звездам, пусть хотя бы приснится что-либо из этого.

Дойдя до предела сил, беру перерыв и замечаю, что Эмбер наносит крем на лицо. Похоже, любит следить за собой, хотя нельзя сказать, что синкеры сплошь грязные и невымытые, как можно было бы подумать о тех, кто постоянно проводит время под землей.

— Здесь и такие товары можно купить? — спрашиваю у напарницы, намекая на крем для лица.

— Конечно, за баллы тебе могут принести почти любую вещь с поверхности. А в Миносе даже есть салон красоты, но не все могут себе позволить туда часто ходить.

— А есть ли смысл здесь тратить баллы на косметику или стильную прическу?

— Практического смысла нет, — меланхолично отвечает Эмбер. — Но не у всего должен быть важный смысл. Эмоции тоже важны, понимаешь? Мне нравится следить за собой даже без планов кому-то понравиться. Когда я причесана и в чистой одежде, мне просто спокойнее. А если я спокойна, мне легче переносить тяготы жизни здесь. Другие развлекают себя иначе. Можно покупать книги, игры, выпивку, пользоваться услугами местных проституток обоих полов, делать ставки на арене и так далее. У каждого свой наркотик. Рекомендую тоже что-то найти для себя и не жалеть свободные баллы на развлечения. Тогда меньше риск сойти с ума.

— С такой стороны об этом еще не думал. Спасибо за совет.

— Обращайся. Только старайся не увлекаться насилием или приемом настоящих наркотиков или алкоголя. Грегори это не нравится, у нас в команде есть негласное правило не заниматься такими вещами. Если нужны обезболивающие, то попробуй перетерпеть, они вызывают сильное привыкание.

— Учту. А с болью я справлюсь и без таблеток, — с «Презрением к боли» мне уже не страшен болевой синдром, который, кажется, ближе к полуночи снова напомнит о себе.

— А как здесь относятся к рассказам о своем прошлом? — задаю другой интересующий вопрос.

— Зависит от синкера. Большинство рассказывать о нем не хотят, чтобы не беречь душевные раны. Но если сработаемся, поведаю тебе свою историю. Если будет интересно.

— Будет интересно послушать, — киваю я.

Через несколько минут Эмбер идет спать на кровать, а остальные размещаются на полу в спальниках. Мне тоже отдали спальник, доставшийся в качестве «наследства» от одного из погибших членов команды. Вероятно, мне отдадут потом все необходимые вещи, чтобы заново не покупать.

Свет в комнате выключается, и я пытаюсь заснуть перед завтрашним спуском в подземелья. Когда покидал родину, рассчитывал на большие изменения в жизни, но даже подумать не мог, что они будут такими резкими и неприятными. Сейчас по сути являюсь бесправным рабом Атланты и должен рисковать жизнью за чужую страну без возможности заработать себе освобождение. А еще снова подкатывает боль, поэтому принимаюсь качать пресс, чтобы повысить температуру тела и активировать свое внутреннее обезболивающее.

Это действительно помогает, после чего удается заснуть. Во сне снова вижу гигантские механические легкие, но этому уже не удивлен и просто даю себя увлечь в бесконечном танце. Хорошо хоть, что никаких физических ощущений вращение по орбите не дает. Даже кажется, что я закрываю глаза внутри сна и там же засыпаю.

[Переход в фазу медленного сна. Консолидация полученных знаний путем формирования новых нейронных паттернов. Выдано 1 очко развития]

Когда меня посреди ночи толкнули, я с удивлением обнаружил предложение распределить полученное очко по треугольнику Фиша. Я ничего не запомнил из снов, поэтому мысленно задаю вопрос ДС об этом.

[ДС работает круглосуточно. Когда синкер спит, мозг не только восстанавливается, но и обрабатывает массивы новых данных, создавая новые нейронные структуры. В определенных ситуациях этого может быть достаточно для последовательной эволюции]

Похоже, мое развитие как синкера вообще никогда не останавливается. Возможно, все мои размышления и рассказы напарников мозг решил во сне законспектировать своими

способами. Остальная команда быстро собирается, поэтому я мысленно перевожу очко в правый нижний угол треугольника Фиша, который подписан как «Mind». Никаких дополнительных сообщений ДС не выводит, как и не чувствую себя резко поумневшим, но сейчас не до этого.

Уже через десять минут команда готова к выходу. За моей спиной рюкзак со спальником и небольшими запасами еды и воды, которые вчера принес отец Григорий. Из оружия у меня монтировка, и она мне нравится. У Кристиана никакого оружия нет, как и у Эмбер, а вот на поясе Люциана и отца Григория висит по мачете. Скорее всего против монстров человеческое оружие в целом бесполезно.

— Кристиан, Люциан и Марк, вы несете остальные вещи в камеру хранения. Заодно Марк узнает, как пользоваться ячейками. Я с Эмбер пойду к лифту, проверим обстановку и займем места.

На этом и порешили, поэтому команда разделяется. Платить аренду за комнату во время отсутствия невыгодно, поэтому её приходится освободить, а вещи отнести к ячейкам хранения. Я представлял что-то похожее на банковские ячейки или вокзальные, но выглядит как отверстие в стене с движущейся лентой как для багажа. У стены стоят сложенные коробки, в одну из которых мы складываем лишние вещи, после чего Кристиан запечатывает коробку и ставит на ленту, а Люциан прикладывает браслет к табло на стене. Появляется сообщение о списании сорока пяти баллов.

— Хранение на одни сутки стоит пятнадцать баллов, — объясняет товарищ. — У нас будет одна ночевка, но заплатил на всякий случай за трое суток, так как всегда есть риск задержаться в подземелье.

— А если не востребовать через трое суток?

— Наши вещи все равно будут хранить, но потом для возврата придется заплатить пени, которое начисляется за каждый день свыше срока хранения. Зато можно не опасаться за вещи, так как за этой стеной закрытая для синкеров зона. Попытка попасть туда закончится смертью. Ну, теперь к лифту.

Оказывается, что то самое куполообразное здание в конце главной улицы является транспортным шлюзом между Зеро и Миносом. Здесь расположен большой лифт, но он спускает не вертикально вниз, а под углом примерно в сорок пять градусов. Здесь также стоят и другие синкеры, которые тоже отправляются в Минос или в рейд. Спасибо, что за пользование лифтом платить не нужно, но он курсирует вниз-вверх строго по графику, поэтому придется ждать еще минут десять перед спуском.

Отец Григорий и Эмбер заняли место в углу, поэтому мы сразу направляемся туда. Площадка лифта пять на семь метров выровнена относительно горизонтали, и по обеим сторонам расположены стальные направляющие, по которым движется лифт. Где-то из клапанов с шипением вырывается пар, разумеется, лифт приводится в движение силой пара, которая крутит где-то лебедку или что-то похожее. Мой первый спуск в подземелье начинается.

Факт № 340 Нью-Йорский центр имеет семь станций до тридцать пятого яруса, не считая нулевой этаж (Зеро) и баррикадный этаж (Минос). Станции непосредственно подземелья: Цербер, Плутос, Флегий, Фурия, Минотавр, Герион, Коцит. Станции можно встретить примерно каждые пять километров при вертикальном движении.

Факт № 722 Артефакты находят на всех ярусах подземелья, хотя самые интересные образцы по статистике выше вероятность обнаружить на большой глубине. Неизвестно, почему такие предметы появляются, ведь иногда их находят там, где их бы уже давно обнаружили, значит, они там появились между посещениями синкерами или были кем-то принесены.

Лифт между станциями движется медленно, поэтому есть куча времени, чтобы заняться какими-то делами. Две группы синкеров, что тоже решили выйти в ночь, заняли места в других углах и многие из них спят, хотя пара синкеров все равно не смыкает глаза. Я замечаю, что Люциан и Эмбер тоже уселились в углу и прикрыли глаза, а вот мне не до сна. Снова смотрю на других синкеров и кое о чем вспоминаю.

— Отец Григорий, вы знаете Мика?

— Да, это один из кураторов, что приходил со мной. А что?

— Когда я пришел в Зеро, то спросил у него, как вас найти. Сначала он отказался, а потом вдруг позвал за собой. Именно он мне посоветовал пойти к коршунам, сказав, что они мне помогут с поисками. Он ведь нарочно меня подставил.

— Да, получается, что так, — кивает командир группы. — Синкеры, к сожалению, в большинстве своем мало заботятся о собственной душе. Мик мне известен, хотя мы с ним никогда вместе не работали. Я слышал, что он ведет какие-то дела с коршунами, хотя их членом не является. Думаю, он просто откупается от них, чтобы к его новичкам не лезли. В этом месте стоит доверять только себе и своим товарищам. Другие почти наверняка обманут. И что ты хочешь с этим делать?

— В каком смысле?

— Шанс в будущем пересечься с Миком довольно высок. Ты захочешь ему отомстить?

— Признаю, мне бы это хотелось. Он буквально отправил меня на растерзание. Это недопустимо!

— Согласен, что это не по-человечески. Но прошу тебя забыть о мести. Люди должны прощать друг друга. Это подземелье пробуждает в людях всё самое темное и гнилое, хотя в обычной жизни синкер был бы хорошим человеком. Даже если ты исполнишь возмездие, то мстить за Мика уже придут к тебе. Количество зла только увеличится.

Я молчу, так как не совсем согласен со сказанным. Я не настолько развит духовно, чтобы забыть о таком, как о пустяке.

— Но если тебя это не убедило, то подойди с точки зрения рациональности. Мика более опытный синкер, у него больше ресурсов. Пока что ты не сможешь с ним справиться. Вдобавок подставишь под удар свою команду, так как мы не сможем стоять в стороне. Следовательно вмешается команда твоего оппонента.

— Это я понимаю. Обещаю не делать необдуманных поступков. Но при этом простить Мика я пока не готов.

— Спасибо за честный ответ. И я не буду тебя за него осуждать. Человеку судья только он сам и Бог.

Скоро лифт добирается до нижней точки, и открываются решетчатые двери. Отец Григорий быстрым и уверенным шагом ведет группу за собой по коридору, который полностью покрыт металлическими листами. Потолок подпирают балки, которые плотно

соприкасаются со стенами, а также наверху есть привычная система вентиляции, освещения и подачи пара в Минос.

— На саму станцию заходить не будем, но потом мы обязательно проведем для тебе экскурсию там, — говорит лидер группы.

Что же, я не против. Сейчас меня больше интересует само подземелье, хотя с занятий в подготовительном корпусе знаю, что там многое будет похоже на Зеро или Минос. Мы обходим станцию по периметру, не проходя через большие ворота, и выходим к еще одному лифту. И вот он уже будет опускаться вертикально вниз. Точнее, тут целых двадцать больших лифтов, но больше половины, кажется, обесточены.

— Это запасные, — объясняет Эмбер. — Их могут включить при необходимости.

Хорошо, что здесь не нужно будет ждать, так как лифты начинают работу по требованию. В этот час мало команд отправляются на миссии, а три лифта из активных сейчас внизу, поэтому можно посмотреть в темноту ненормально огромной шахты и разглядывать толстенные тросы, а потом занять площадку открытого лифта, на который заходит еще одна команда синкеров из пяти человек. Лифт, к счастью, легко выдерживает такие нагрузки.

Начинается постепенное погружение в зону, где слово безопасность почти ничего не значит. Все молчат, словно разговаривать здесь не слишком принято. Об этом даже на занятиях говорили, что у многих монстров чуткий слух и привычное к темноте зрение, поэтому вести себя тихо очень важно. И это же может помочь против хищников в человеческой шкуре.

Периодически за решетчатым ограждением пролетают фонари, на мгновение освещая полумрак кабины. На потолке закреплена очень тусклая лампа, которая позволяет лишь различать силуэты стоящих людей. Скорость постепенно увеличивается, волосы развевают потоки ветра, и мне кажется, что мы уже преодолели километр, но движение не останавливается. И когда прошло еще столько же времени, лифт начал замедляться, а потом остановился.

Я понимаю, что это пересадочная зона на половине отрезка. Лифтовые шахты даже протяженностью с ярус не строят, так что оставшиеся примерно два километра придется спускаться на другом лифте. Другая команда так и поступает, шагая к лифтам на противоположной стороне ярко освещенного зала, но отец Григорий ведет в другую сторону.

— Наша миссия здесь?

— Нет, нам нужно на тридцать седьмой этаж. До станции «Коцит», это самая глубокая точка подземелья, есть шесть ярусов. В каждом по пятьдесят этажей, — подсказывает Кристиан.

Приходится идти пешком по подземному ходу, укрепленному толстыми и металлическими сваями, а вокруг стоит невероятная тишина. Кажется, что здесь мы одни на многие кубические километры. К счастью, верхние зоны почти полностью электрифицированы, поэтому тут не нужно думать о темноте, хотя дальше точно будут участки без освещения.

Мы высадились в районе двадцать пятого этажа, поэтому нужно спуститься примерно на двенадцать этажей и для этого нужен другой тип лифтов. Одни — межъярусные, у них только две точки прибытия, верхняя и нижняя соответственно, а вот межэтажные лифты имеют панель с десятками кнопок и их гораздо больше в подземельях. Как раз в один из таких мы заходим.

— Ну, с Богом, — отец Григорий жмет на кнопку «37», и лифт начинает спуск.

Сейчас движение не заняло много времени, но до пункта назначения еще долгий путь уже в горизонтальной плоскости. На каждом этаже ближе к центральной вертикальной оси курсируют вагонетки и даже поезда, но часть пути все равно придется преодолеть пешком, так как не везде было целесообразно строить железную дорогу. Кристиан говорит, что пути прокладывались только туда, где находили запасы вапориума и требовалось везти громоздкое оборудование.

— А куда девалась земля, когда рыли все эти тоннели? — я задираю голову и понимаю, что даже с прыжком до потолка не дотянусь.

— Я не шахтер, но скорее всего вывозили на поверхность. Иначе никак, — пожимает плечами Кристиан.

Через двадцать минут доходим до железной дороги, где как раз есть свободная вагонетка. Тут мне приходится пройти экзамен на умение включить паровой двигатель, снять с тормозов и переключить передачи. В подготовительном центре проводили теоретическое занятие по работе с таким оборудованием, но я все равно волновался, что что-то забуду. К счастью, нахожу в памяти всю последовательность действий, связанную с проверкой бака с вапориумом и бака с водой, зажиганием и приведением вагонетки в движение.

— Молодец, — хвалит отец Григорий, и все усаживаются на места. — Однако вести будет Люциан, тут нужна сноровка.

Я спорить не стал, поэтому уступил водительское кресло и занял пассажирское. Сама вагонетка напоминает миниавтобус на рельсах с большим котлом и двигателем. Приходится подождать, пока стационарная нагревочная станция не начнет испарять воду с вапориумом, после чего Люциан снимает стояночный тормоз и открывает основной клапан, в который устремляется пар под огромным давлением. Пар где-то под ногами приводит в движение поршень, поступательное движение которого другой механизм превращает во вращательное, и транспорт трогается с места.

Сначала медленно, а потом всё быстрее мы несемся по рельсам. Люциан на этом не останавливается и увеличивает подачу вапориума в котел, из-за чего стук поршня под ногами становится барабанным. Стены шахты пролетают на большой скорости, а водитель успевает читать железнодорожные знаки и переключать рельсы без торможения. Теперь понятно, что здесь действительно нужна сноровка, так как нужно быстро принимать решение и успевать щелкнуть тумблером на приборной панели, чтобы пустить электрический сигнал по рельсам до ближайшего стрелочного перевода, чтобы электрический переводной механизм притянул съездную рельсу в нужную сторону.

Пока что остается наслаждаться поездкой, а остальные уже расслабленно сидят на местах. К сожалению, через полчаса показалось подземное депо, где множество рельсов занято такими вагонетками. Отсюда придется идти пешком.

— Марк, подойди сюда. Это автономный торговый автомат, — объясняет отец Григорий. — Купи себе батарейки для фонаря. Дальше будет темно.

Я подхожу к стальному шкафу с кнопками, нажимаю на кнопку со словом «Batteries» и приближаю правое ухо к сенсору. Автомат считывает информацию с моего чипа даже без браслета и открывает отсек, в который только что упали какие-то предметы. Это оказываются две обычные батарейки, которые я вставляю в налобный фонарь. За каждую сняли по пять баллов. У остальных батарейки уже были, но отец Григорий не спешит

выходить из депо. Значит, сейчас будет первое занятие.

— Итак, подземелье — это место повышенной опасности. Важно соблюдать строй во время движения. Наша группа сильно уменьшилась, поэтому сейчас сделаем небольшие перестановки. Кристиан, ты теперь будешь в голове колонны в роли локомотива. Локомотивом, Марк, называют танков в авангарде. Обычно именно они принимают на себя основной урон.

Киваю, показывая, что понял.

— Далее идет Эмбер, основной дамагер. Таких на местном жаргоне называют концертмейстерами. Что-то вроде ведущего музыканта нашего небольшого оркестра. За ней в центре колонны будешь ты, Марк. Ты на позиции поддержки, таких называют саппортами. Ты лечишь отряд и в первую очередь занимаешься Эмбер. Кристиан прикрывает её от ударов спереди, а ты повышаешь выживаемость, если что-то пойдет не так.

— Я понял.

— И так как ты в центре, то сможешь обернуться и помочь Люциану, что будет позади тебя. Он запасной дамагер в общем случае и основной, если на нас нападут со спины. В последнем случае я беру на себя роль танка, и наш строй просто переворачивается без смены позиций. В бою на беготню просто нет времени. В зависимости от того, с какой стороны на нас напали, приказывает основной дамагер: Эмбер или Люциан. Бывает также, что именно саппорты регулируют отдачу приказов, так как нередко случаи, когда танку и дамагеру просто не до этого, а роль поддержки может спокойно анализировать всё. Но для этого тебе нужно будет набраться опыта.

— И это тоже понял.

— Хорошо, но на этом не всё. Нам нужно будет отработать пересечение перекрестков, так как там могут ударить в центр колонны, да и другие ситуации. Но это лучше делать на практике. Монстров здесь быть не должно, но бдительности не снижаем. По коням, — приказывает отец Григорий, и я выхожу за ворота третьим, как и было обозначено.

Меня встречает темнота, но хотя бы не холод. Температура тут вполне комфортная, но приходится включить фонарь на тусклый режим, только Кристиан впереди колонны не жалеет заряда. Налобные фонари очень мощные, их лучи подобно прожектору прорезают темноту, но только впередиидущему есть смысл смотреть далеко, остальные же и так видят спину человека перед собой.

Идти приходится долго, и я даже не стараюсь запомнить маршрут, так как уже успел сбиться после нескольких поворотов. Остается надеяться, что Кристиан не заблудится. Во всяком случае компас на руке показывает, что мы примерно идем в одну и ту же сторону, а именно на запад.

Через некоторое время чувствую на плече руку Люциана, ускоряю шаги и касаюсь плеча Эмбер. Девушка в точности повторяет мое движение и касается Кристиана. Таким образом отец Григорий без слов отправил просьбу колонне остановиться.

— Мы входим в зону миссии, — тихо говорит командир отряда. — Нужно проверить сорок три ветки на наличие артефактов. Пойдем слева направо. Как только доходим до тупика, разворачиваемся и идем обратном порядке. Ну, за дело.

Я представлял работу синкером несколько иначе, чем просто прогулку по шахтам в поисках артефактов. Понятное дело, что команда взялась за эту миссию, чтобы меня познакомить с подземельем. Где-то глубже может быть опаснее из-за монстров. А пока что честно верчу головой из стороны в сторону, чтобы не пропустить что-то интересное, но

вокруг тишина и пустота на протяжении уже четырех веток.

Как раз сейчас мы выходим из четвертой ветки и направляемся в пятую. В концах уровней тоннели расходятся подобно лучам во все стороны, и если ты замечаешь это, значит, дошел до границы этажа. Тоннели здесь могут сильно изгибаться, поэтому порой приходится буквально врезаться в тупик после резкого поворота. Так случилось и сейчас, когда Эмбер резко встала и обернулась лицом ко мне. Это значит, что нужен реверс колонны для движения обратно.

Теперь выходим из ветки, но отец Григорий тоже останавливается, так как впереди возникла стена. Пять лучей фонарей теперь на полную мощность освещают внезапный тупик и стены на случай пропуска бокового прохода. На мой взгляд происходит что-то странное, так как этой стены не было пары минут назад. Как мы могли оказаться в тоннеле с тупиками на обоих концах?

Вся надежда на товарищей, которые наверняка сталкивались с чем-то таким в прошлом. Однако протяжный «фа-ак» от Люциана впереди не слишком обнадеживает.

— Что происходит? — спрашиваю я, доставая монтировку.

— Что «майндченджер» делает на тридцать седьмом этаже? — отвечает вопросом на вопрос Люциан, хотя вряд ли обратил на меня внимание. Теперь мне хочется узнать, что означает это странное слово.

— Ну уж нет, майндченджер — это босс. Что ему делать в пустых коридорах выше станции «Минотавр»? — спрашивает Эмбер Лосс.

Отец Григорий разворачивается ко всем, прикрывая фонарь ладонью, и произносит:

— Сейчас не время обсуждать, как босс появился здесь. Приготовьтесь к атаке. Марк, этот босс проникает в разум, так что сконцентрируйся на чем-нибудь одном и постоянно думай только об этом. Так монстру будет сложн...

Договорить отец Григорий не успевает, либо я просто теряю возможность что-либо слышать. Уши не слышат, глаза не видят, а в голове возникает тупая боль. Но уже через секунду органы чувств приходят в порядок, но видят что-то невозможное.

Я стою посреди цветущего и благоухающего сада под яркими солнечными лучами. Всё выглядит невероятно чётко и реалистично: теплый ветер, проходящий по коже, запах многочисленных цветов и яркие цвета, которые в подземелье не встретить. Над головой плывут белоснежные облака по необъятной синеве.

А вот впереди прямо на лужайке стоит кресло, в котором находится писаная красавица в белом платье. Она поднимает голову и улыбается мне.

Факт № 888 Монстры подземелий бывают самых разных видов, но синкеры их делят на три основные группы: миноры, майоры и боссы. Миноры и майоры — это как касты муравьев: рабочие и солдаты. Миноры встречаются чаще, они многочисленнее, но самые слабые. Майоры появляются реже, но куда опаснее. Боссы же самые опасные создания, часто обладающие паранормальными способностями и даже интеллектом, хотя последнее учеными считается неподтвержденной информацией.

Факт № 584В мире существует множество зон, которые не стоит посещать для собственной безопасности, и подземельями список не ограничивается. Например, Гудзонов залив — новый Бермудский треугольник, где всё пропадает бесследно. Ходят слухи, что люди, транспорт и животные там переносятся в другие миры навсегда.

Я смотрю на девушку, откладываящую книгу на стоящий рядом столик с чайником и чашкой. Я не мог просто взять и переместиться на поверхность, да и в таком случае незнакомка вряд ли бы смотрела на меня так доброжелательно. Ни испуга или хотя бы удивления моему появлению.

— Приветствую тебя, герой новых эпох, — девушка с зелеными волосами говорит на родном для меня языке. Отец Григорий не успел дать план действий до конца, но я точно помню об атаке на разум. Вероятно, это очень реалистичная галлюцинация, призванная запудрить мне мозги. Ей нужно противостоять, поэтому ничего не отвечаю и закрываю глаза.

«Кажется, нужно концентрироваться на чем-то одном?» — первым в голову приходит образ механических легких Deus Spiritus. Я живо представляю себе их движение, струи пара, вращение шестерен и алый свет изнутри, где находится загадочный фонарь. Доходит до того, будто наяву слышу работу мистического механизма, а потом щёк касается бархатная кожа. Резко открываю глаза и делаю пару быстрых шагов назад, а оказавшаяся рядом девушка смущенно опускает руки.

— Извини, не хотела пугать. Мне показалось, что ты заснул стоя. Это может быть опасным.

— Видеть галлюцинации — тоже не признак психического здоровья, — не знаю, стоит ли разговаривать с глюками.

— Стоит ли считать то, что происходит в разуме обязательно галлюцинациями? Люди часто находятся в воображаемом мире: во снах, мечтая наяву, погружаясь в вымышленные события или просто фантазируя.

— Наверное. Но факт остается фактом — я здесь, а мое тело в подземелье. И сейчас от него, вероятно, ты отрываешь куски мяса, пока я не могу ничего тебе сделать.

— Мне не нужно питаться чьим-либо мясом, — девушка возвращается в кресло. При этом замечаю, что ходит она босиком. Впрочем, по сочной зеленой траве и я был бы рад пробежаться без обуви.

— Разве ты не майндченджер?

— Я не из рода демонов. Войны прошлого остались в прошлом, но люди сломали печати, трогать которые не стоило. Именно это и заставило меня очнуться. Человечество должно было развиваться, никогда больше не касаясь того, что было в прошлом, но, похоже, это изначально было неосуществимо.

Я вообще не понимаю, о чем говорит незнакомка. Это какая пьеса, спектакль? Лить столько воды в диалоге, который ты даже не понимаешь, словно не успел к началу представления. Бежать отсюда некуда, а раз вокруг ненастоящие события, то и атаковать бесполезно. Хотя у меня даже желания не возникает подбежать и врезать собеседнице.

— Ты не понимаешь, о чем я говорю. Это нормально. Через твой разум я постигаю новую историю человечества и понимаю, что заставило вас прорываться вглубь земных недр,

куда не стоило лезть. Но если вы продолжите это делать, то начнется новая война против демонов. И вы к ней не готовы.

— Ты пришла не к тому, — ухмыляюсь я. — Тебе нужно позвонить президенту Атланты и ему сказать, что нужно прекратить добывать вапориум и насильно делать из людей синкеров. Я же на положении раба и смертника, и ничего не могу изменить в мире.

Я уже хочу закончить этот странный разговор, поэтому вновь закрываю глаза и вызываю ДС. Интерфейс перед глазами не появляется, но мне теперь кажется, что у меня вместо легких миниатюрная копия Deus Spiritus, а изо рта вырывается не углекислый газ, а пар. Представляю тьму и алое свечение, чтобы изгнать из своего разума чужое присутствие. Резко становится холодно и исчезает свежесть в воздухе. Открываю глаза и вижу, что снова вернулся в подземелье, но обстановка изменилась.

Я стою в каком-то большом зале, которого никогда прежде не видел. Под ногами почва, а не камень, и вокруг торчат почерневшие деревья. Я словно пришел сюда сам как лунатик. Никого из команды не видно, а потом взгляд падает на нечто странное впереди. Только сейчас понимаю, что фонарь у меня выключен, но словно сам воздух светится, позволяя видеть окружение.

Я быстрым шагом приближаюсь к центру помещения и со смешанными чувствами смотрю на истлевший скелет, сидящий в кресле. Воспоминания о галлюцинации еще свежи, поэтому сразу узнаю кресло той девушки. Определить что-то по костям не могу, я не получал подобного образования, но могу прикинуть рост погибшего здесь человека и понимаю, что он будет примерно как у той девушки с зелеными волосами.

— Извини, что забрала у тебя свободу воли на некоторое время. Просто не хотела, чтобы ты видел меня такой. Смерть отталкивает и пугает. Я одна из учениц человека, что изобрел способ победы в последней великой войне против демонов. В тебе я увидела отсвет одного из фонарей, созданных моим учителем. Я решила, что ты один из тех, кто продолжает наше дело, — голос просто рождается у меня в голове.

— Что происходит? Ты ведь мертва?

— Да, и очень давно. Но я до последнего сохраняла свои останки и дух, ведь подозревала, что однажды ситуация повторится. Я мертва и никак не смогу помочь в войне, я могу лишь передать наследие и навсегда упокоиться. Пожалуйста, дай мне свое оружие.

Оружие? Какое оружие? Только сейчас понимаю, что правая рука до сих пор сжимает монтировку. До этого не обращал внимание на предмет в руках.

— Эм, держи, — я протягиваю «оружие», представляя, что сейчас скелет оживет и протянет руки.

— Я мертва и не могу ничего взять. Поднеси под мой подбородок. Но будь осторожнее с наследием, так как яд в малых дозах может быть лекарством, так и лекарство в слишком больших дозах может стать ядом.

Не очень понимаю, но выполняю просьбу, схватившись обеими руками и расположив монтировку под подбородком скелета горизонтально пола. Потом происходит нечто, что заставляет усомниться в том, что вернулся в реальность. Нижняя часть пустых глазниц черепа наполняется слезами, испускающими белый свет. После слезы двумя светящимися дорожками проходят по неровностям черепа, по зубам и подбородку, где срываются каплями на монтировку. Причем несколько капель попадает мне на руки. По монтировке вдруг начинают течь причудливые белые линии, а потом исчезают без следа.

— Всё получилось? — спрашиваю я, а в ответ тишина.

Зову тот голос раз за разом, но пропало само ощущение чьего-то присутствия в разуме. Вероятно, кем бы та девушка ни была, она все же нашла окончательный покой. Теперь в кресле сидит самый обычный скелет, который скоро развалится под собственным весом. А вот монтировка в руке стала сильно легче. Как интересно.

[Суммаризация полученного опыта. Готово. Выдан 1 импульс развития]

ДС очнулся и сообщением показывает, что все-таки это настоящий мир, а встреча не была галлюцинацией полностью. Что-то реально изменилось. Но что такое импульс развития? Система откликается на мысленный вопрос.

[Импульс развития — это возможность осознания большого эволюционного шага, который только что произошел]

— И его тоже нужно оформить через треугольник Фиша?

[Да]

Я попробовал получить от ДС совет или какие-нибудь конкретные метрики этого импульса, но получил отказ в ответе. Отказываться от чего-то подобного не имеет смысла, но я опять стою на развилке трех дорог. Дух той девушки (это же действительно был дух?) сказал в самом конце что-то про яд и лекарство. Стоит ожидать, что напоследок она хотела сообщить что-то важное, то есть это не было просто заумной фразой, сказанной с многозначительным видом, но совсем в неподходящем месте.

Яд и лекарство, малые и большие дозы... Думаю, только вапориум здесь хорошо подходит под такое описание. Возможно, она хотела сказать, чтобы я не использовал слепо этот импульс? Но тогда зачем его дала? Или предостерегала именно от мистических сил, понимания которых у меня нет? Вот это самый лучший ответ, до которого я могу додуматься. Я до сих пор многого не знаю относительно опыта других синкеров, а мир в целом хранит тысячи секретов, про которые вообще никто не знает. И для понимания мне нужен совершенный инструмент, а именно мозг.

— Ладно, вложим в угол с «Разумом», — говорю я и вижу, как появляется на мгновение треугольник, правый угол которого вспыхивает буквально ослепительным светом. Но на самом деле изображения дополненной реальности не имеют привычной яркости, как у мониторов, скорее вспышка произошла в зрительной коре мозга, которую я так интерпретировал.

[Формирование новой мозговой структуры завершено. Произошел качественный скачок, затронувший также физиологию. Выберите из доступных вам органов чувств тот, который будете применять для получения сигналов от нового органа]

Значит, моя эволюция оформилась новым участком в мозгу, но мне нужно выбрать только какой-то один вид чувств для сознательного получения сигналов от него? Хм, ну, очевидно, что для меня самым близким и понятным является получение по визуальному каналу. Да любой человек на зрение полагается больше всего.

[Выбор зафиксирован. Основной клапан открыт. Коэффициент давления в выпускном коллекторе достигает 7 % на 20 секунд]

Следующие двадцать секунд для меня становятся каким-то адом, ведь подземелье раскрашивается в хаотичные цвета разных форм: точки, фигуры, волны и пятна. Всё это постоянно крутится, меняет размеры, форму, положение и цвета. Словно смотрю в игрушку-калейдоскоп, но при этом теряю связь с телом и вращаюсь в этом переливающимся хаосе. А потом меня сильно тошнит, когда двадцать секунд истекают.

[Подключение завершено. Интенсивность передачи сигналов снижена. Для более

эффективной работы требуется дальнейшая эволюция с прогрессирующим развитием органов чувств]

Да, это понятно. Может, к своей коре мозга, гипоталамусу или продолговатому мозгу я вырастил какой-то новый участок, но зрительный центр, как и сами глаза, остался прежним. Он не привык или даже не приспособлен к новым обязанностям, поэтому я видел лишь причудливое мельтешение красок. Так, стоп. А почему я это понимаю?

Я останавливаю размышления и понимаю, что помню, как читал в детстве энциклопедию по внутреннему строению тела. Я даже помню сто сороковую страницу, где описывалась общая работа мозга и связанных систем. Это было очень давно, и я забыл, разумеется, что в прошлом читал такое, но сейчас вспомнил. На той странице не было ответа на интересующий меня вопрос, но я смог сформулировать его аналитически. Выходит, я стал умнее?

[Развитие вектора «Mind» не влияет на интеллект человека напрямую, так как это размытый термин, который нельзя оценить объективно. Но мозг гения и мозг дебила структурно различаются, поэтому эволюционное изменение способно повышать отдельные способности мозга, что в совокупности может помочь в решении более сложных интеллектуальных задач]

Понятное дело, что с таким развитием я не стал разбираться в том, в чем никогда и не разбирался. Даже вундеркинды не рождаются со всеми знаниями, они скорее суперобучаются и лучше анализируют. То, что я сделал сейчас, улучшило память, а также помогло создать логическую связь между ситуацией и чем-то, что прочел в детстве. Умнее я от этого не стал просто потому, что ум — такое же размытое понятие.

Мысленно концентрируясь в попытке увидеть то, чего никогда не видел, и перед глазами собираются светящиеся точки, которые при этом окружающий полумрак не рассеивают и теней не вызывают. Я их вижу не потому, что частицы испускаемого света попадает мне в глаза, так я пытаюсь получить сигналы от нового участка мозга.

И точки действительно собираются к нечеткую картину моего мозга, изнутри которого растут алые нити. Нет, это не нити, а скорее кровеносные сосуды или даже нейронные цепи до других участков мозга. Ядро между таламусом и затылочной долей распространило отростки по всему мозгу подобно корневой системе. И так как ни в одной книжке по биологии я не смогу найти описание этого органа, то мне придется самому придумать ему название.

Во многих латинских языках всё «мозговое», кажется, обозначается однокоренными словами, типа *cerebro*, и так же называли аппарат в комиксах про вымышленных супергероев и мутантов, так что пусть будет «церебро».

Я настолько погрузился в себя, что совсем забыл обо всем на свете, поэтому вздрогнул, когда услышал за собой шаги. Резко оборачиваюсь и вижу луч фонаря, бьющий прямо в лицо. Зажмуриваюсь и отворачиваюсь, а потом слышу извинение Эмбер.

— Хорошо, что я нашла тебя. Нужно вернуться к... — подошедшая напарница с интересом смотрит по сторонам, а потом замечает скелет в кресле. — Ой, ты нашел это здесь?

— Да, пришел в себя уже здесь. А где остальные?

Впрочем, на вопрос я сразу получил ответ, так как услышал шаги и тихие голоса остальной команды. Теперь все стоят вокруг останков человека, и я слушаю рассказ о том, что они все вырубались, а когда очнулись, стена перед ними исчезла вместе со мной. Но при

этом стена исчезла и сбоку, где раньше был сплошной камень. За ним оказались несколько тайных коридоров, один из которых привел сюда.

— Значит, это был не майндченджер, — произносит Люциан. — Этот монстр бы не оставил добычу.

— А кто это вообще? — спрашиваю я.

— Босс из подземелья и та еще заноза. Проникает в умы синкеров и внушает им реалистичные иллюзии. Если перед тобой просто появилась монолитная стена, которая на ощупь настоящая, но ты не можешь придумать причину её появления, то скорее всего это иллюзия. Потом монстр полностью погружает жертву в психоделические кошмары и убивает.

Я слушаю и размышляю, стоит ли им рассказывать о произошедшей встрече. Не знаю, как они отреагируют, да и поверят ли вообще?

— Ну, в подземельях порой можно попасть в аномальные зоны, где происходит разная чертовщина. Нам повезло попасть в такую и не пострадать, другого объяснения у меня нет, — произносит отец Григорий. — Давайте обследуем тут всё на предмет артефактов. А потом устроим привал. К этим костям не прикасайтесь, не думаю, что это синкер, уж больно старые.

Все начинают осматривать комнату, но кроме почвы под ногами и высохших деревьев тут ничего больше нет, поэтому все направляются к выходу. Я бросаю последний взгляд на скелет девушки, которая замолкла навсегда, и выхожу из комнаты. Через несколько минут мы возвращаемся в уже знакомый мне коридор, а потом слышу за спиной возглас Люциана. Стоило выйти в коридор, как проход в стене просто исчез, словно никогда его не было.

— Не будем отдыхать рядом с аномальной зоной, вернемся на перекресток, — распоряжается отец Григорий.

Приняли решение вернуться в предыдущую ветку, которую уже обследовали, где и устроили привал. Я ощущаю сильный голод, словно эволюционное развитие неплохо так сжигает мои калории. Пока группа отдыхает, один из синкеров стоит на страже. Мне выпало дежурить вторым, поэтому стараюсь побыстрее прикончить свои консервы и сменить Кристиана. Но сменить его мне хочется в первую очередь для того, чтобы побыть наедине и поразмышлять над произошедшими событиями.

Факт № 276 На верхних ярусах проблем с воздухом обычно не бывает, но чем ниже спускаться, тем больше зон, куда вентиляция не была проведена. Там группам приходится тратиться еще на кислородные баллоны.

Факт № 227 Как и на поверхности, нищие встречаются и под землей. Те, у кого постоянно не хватает баллов или есть долги, а также те, кто на пороге инвалидности и смерти, вынуждены выживать или подавать запрос в администрацию на увольнение. И пускай оно так зовется, на самом деле «уход в запас» производится на тот свет.

После проверки последней ветки итог миссии таков, что артефактов здесь нет. Впрочем, задание было проверить, а не найти, так что с вопросом вознаграждения проблем не будет. К тому же, у таких заданий нет особенностей выполнения работы, которые можно нарушить и получить штраф.

— А что если синкеры просто уйдут в подземелье, но на самом деле работать не будут? Где-нибудь засядут на пару дней, а потом просто вернуться и доложат о том, что ничего не нашли. В подземельях же ведь нет камер видеонаблюдения, — думаю, каждый новый синкер думал о таком, поэтому есть смысл узнать у более опытных товарищей.

Эмбер идет впереди меня, поэтому обычно с ней я разговариваю. Сейчас она говорит:

— Думаю, есть две причины, по которым так делать не стоит, в администрации не дураки сидят. Во-первых, и чип, и браслет содержат отслеживающий трек. Тебе должны были об этом рассказать на занятиях. Администрация может отслеживать перемещения не только относительно горизонтальной поверхности, но и вертикальной. Правда, я не знаю, насколько точно. Во-вторых, говорят, на службе администрации есть телепаты, которых освобождают от обязанностей других синкеров и позволяют жить относительно комфортно, но взамен нагружают другой работой. Есть телепаты, которые могут видеть отдаленные места силой разума.

Я вспоминаю Лиз, которая является одной из синкеров, работающих только на поверхности.

— Значит, от этих телепатов нельзя скрыть, что группа ничего не делала, даже если пришла в район выполнения задания?

— Можно сказать и так. Вот только никто из синкеров не знает точно, действительно ли администрация следит сразу за всеми группами. Маловероятно, что есть столько телепатов с нужными способностями. К тому же им тоже нужно отдыхать. Возможно, администрация просто пустила слух о тотальном контроле, чтобы синкеры не пытались прохладиться и получать баллы ни за что. Бывали случаи, когда вернувшуюся команду штрафовали на солидное количество баллов за попытку обмана. Причем, те ребята действительно хотели обмануть.

— Ясно. Похоже, тут вообще нет лазеек.

— Лазейки найти можно всегда, просто они не так очевидны, — уверенно произносит Эмбер.

Тем временем возвращаемся обратно. Нужно дойти до депо, сесть на вагонетку, доехать до лифта и начать подъем до Миноса. Так как задание не было сложным, то отец Григорий решил заскочить на ту станцию и показать мне, где там и почему. Чем раньше я всё узнаю, тем быстрее адаптируюсь.

Дорога назад прошла без происшествий, я даже вспомнил ключевые этапы, где, например, находятся лифты, а вот заканчивается последний отрезок пути до Миноса. Лифт быстро поднимается, и скоро мягко тормозит, открывая проход на нужную станцию. По

рассказам попутчиков в Зеро и Миносе проживают более тысячи синкеров. Гораздо меньше, чем я предполагал, но и места тут не то чтобы много.

К тому же умирают от болезней и лап монстров тут гораздо чаще, чем приходят новички. Думаю, от населения Атланты это действительно небольшое число, поэтому те, кому этот жребий не выпал, предпочитают делать вид, что кто-то не отправляется на смерть, чтобы на поверхности всегда было тихо и мирно.

— План таков: посмотрим основные улицы, их тут три. Но сначала нужно отчитаться от сдаче задания. К счастью, это можно сделать на любом из двух стартовых этажей, — отец Григорий ведет за собой, но иду не только я. Похоже, тут не стоит бродить в одиночку.

Мы идем по бетонному коридору, а после подходим к массивным стальным дверям, какие, наверное, нужно ставить в ядерные бомбоубежища. Хотя, возможно, я перегнул, так как не специалист в этой области, но толщина створок внушает почтение. Здесь нет никакого контрольно-пропускного пункта, синкеры могут свободно входить и выходить, поэтому впереди показывается одна из улиц, которая гораздо длиннее главной в Зеро.

Да и народа здесь, кажется, больше. Однако сейчас далеко от ворот уходить не нужно, так как здесь расположена дверь в помещение со множеством стоек. Как раз в этом помещении с электрическими лампами и монитором на всю стену синкеры берут и сдают задания.

— Нужно подойти к любой свободной стойке, — отец Григорий ведет за собой, а вот остальные остались у настенного экрана, что-то изучая.

Я послушно иду следом и вижу, что стойка по сути является прозрачной кабинкой, где стоят камеры и небольшой монитор. Двум людям там тесно, но мы все же размещаемся. Командир отряда подносит браслет к сенсору, и на мониторе высвечивается информация о нашей миссии.

— Задание выполнено. Указанный район проверен на наличие артефактов. Обнаружить ничего не удалось, однако, попали в аномальную зону. К сожалению, она исчезла, поэтому никакой другой информации по ней нет, — отец Григорий просто отчитывается вслух. Разумеется, в кабинку встроены микрофоны и, вероятно, что где-то далеко отсюда сидит диспетчер, смотря и слушая нас.

Проходит некоторое время, после чего на мониторе появляется сообщение об успешном выполнении задания и начислении ста баллов. Я уже понимаю, что сто баллов — это очень мало, всего-то хватит на четыре консервы. Лидер группы снова подносит браслет, получая вознаграждение.

— Ну, вот и вся наука. Обычно получением и сдачей задания занимаюсь я, как командир. Но если со мной что-то случится, отчитаться может любой член команды. Это твоя доля, — сказав это, отец Григорий передает мне двадцать баллов. — И проверь свои данные.

[Статус: 1–1

Общая оценка: ★★★★★

Баллы: 60]

— Мне повысили статус с 1–0 до 1–1. А что значит пять звезд?

— Новички быстро продвигаются по статусам, но чем статус выше, тем дольше нужно идти до следующего. Звездами обозначается общая оценка синкера. Их обычно бывает не больше пяти, хотя я слышал о шестизвездочных синкерах. По сути за работу тебе выставляется оценка, и если всё сделано в полной мере и в срок, то дают максимальную

оценку. Если есть штрафы, то меньше. Среднее арифметическое всех полученных оценок всегда округляется в меньшую сторону и влияет на быстроту продвижения в статусах. Сразу скажу, что неизвестно, сколько оценок максимального ранга нужно для получения следующего уровня. Администрация настроила рандом, чтобы синкеры не пытались прогибать под себя правила.

Мы уже вышли из кабинки и подходим к остальной группе. Мне теперь объясняют, что показывается на настенном экране. Это по сути цифровая доска объявлений, где списком выводятся задания, ранжированные по ярусу и сложности. Также присутствует интерактивная карта всего подземелья в вертикальном разрезе, хотя не могу ручаться за её достоверность. Также в режиме реального времени показывается курсирование лифтов и поездов.

— Ну, тут ты всё сам видишь, сводка по всему подземелью. Стоит всегда изучать её после получения задания, чтобы составить маршрут, а также проверить наличие опасных мест. Запомни эти треугольные значки. Если изображен значок с падающими камнями, значит, на участке произошел обвал, и может появиться задание на расчистку. Если нарисована зубастая пасть, то это про появление монстров. Если восклицательный знак на красном фоне — утечка вапориума. Два восклицательных знака — прорыв огромного количества монстров. Если изображена пульсация, то зафиксировано подземное землетрясение. Это самые распространенные. А теперь пойдём посмотрим город.

Конечно, городом это назвать язык не поворачивается, но здесь есть интересные места, на которые стоит взглянуть. Как и в Зеро, сразу за входом большая площадь с расходящимися во все стороны тремя главными улицами. Здесь расположены киоски с мониторами. В одном месте продается еда, в другом — одежда, в третьем висят изображения различного оружия. Вижу как холодное, так и пневмопаровое и классическое огнестрельное. Причем, не только пистолеты, но и штурмовые и снайперские винтовки, дробовики, гранаты и так далее. Разве что боевую технику не продают, так как не смогут доставить.

— Ну и цены, конечно, — мне на них даже смотреть страшно.

— Да, относительно дешево здесь можно купить только еду, так как она всем нужна в больших количествах. Но вместе с ростом статуса тебе будут открываться не только новые магазины и ассортимент в них, но и будут подключаться скидки на все товары. Говорят, что у синкеров со статусом выше 2–5 скидка 100 % почти на все обыденные товары. А вон в том киоске нам нужно было сдать артефакты в течение сорока восьми часов, если бы мы что-то нашли. На входе в Минос и Зеро установлены датчики, которые регистрируют все артефакты вместе с синкерами. Если ты законно купил или украл, отобрали, снял с трупа врага артефакт, то его идентификационный номер присутствует в базе. Но если ты случайно нашел в подземелье новый артефакт, то услышишь звуковой сигнал при пересечении ворот и начнется отсчет 48 часов на его сдачу администрации, после чего огромный штраф.

— То есть всем пофиг, если я убил в подземелье синкера и забрал его артефакт? Платить администрации заново не нужно будет?

— Верно, сначала артефакты сдаются, после этого появляются в продаже и базе данных. Дальнейший путь вещи администрацию не волнует. Зачем именно так делают, я точно не знаю.

Что же, я никакого сигнала не услышал при прохождении ворот, значит, моя монтировка артефактом не является. Да и вообще, никаких особенных изменений в предмете заметить не могу, кроме изменения веса. Сейчас сунул монтировку в пояс, чтобы успеть

быстро достать в случае опасности.

Смотрю дальше и вижу у стены сидящих синкеров, которые выглядят не то чтобы очень хорошо. Грязные, с пустым взглядом и явными проблемами со здоровьем: у кого-то нет ноги или повязка на глазах. Некоторые лежат пластом и, кажется, что уже очень давно. Большинство явно попрошайничает, чтобы просто купить себе еды.

— Да, большинство из них самые старые синкеры, у которых начались серьезные проблемы со здоровьем. Они больше не могут ходить в подземелье, значит, баллы им больше никак не заработать. Остается только просить у других синкеров или выполнять для них какие-либо услуги.

— Например?

— Ничего хорошего. Девушки чаще всего занимаются проституцией. Женщин тут в целом процентов тридцать от всех синкеров. Пожалуй, продажа тела — это самое прибыльное дело, но есть вещи и похуже. Некоторые соглашаются становиться рабами для издевательств и подпольных боев, чтобы всегда иметь еду и крышу над головой. Когда человек подходит к черте смерти, то в нем пробуждается невероятная тяга в жизни, даже если придется отринуть для этого свое «Я» и стать вещью. Другие же сразу ломаются и кончают жизнь самоубийством, что неменьший грех. Или подают заявление на увольнение.

— В смысле?

— Это так в шутку называется просьба избавить от страданий. Приходят служащие и просто убивают просителя, после чего забирают труп. Администрации невыгодно тратить бесплатные ресурсы по типу воздуха или воды на иждивенцев, но при этом без поданного прошения ничего с тобой делать не будут, живи пока не умрешь.

И отца Григория, и меня в будущем ждет это. Да вообще любой синкер закончит инвалидом, который будет просить о смерти. Когда ты вдохнул вапориум, бомба замедленного действия начала обратный отсчет внутри тела.

Где-то в стороне раздаются громкие крики, почти что истошные вопли. Что бы там ни происходило, кого-то пытаются или убивают. И я не могу не повернуть голову, чтобы заметить, как по улице ползет мужчина без задних ног, оставляя кровавую дорожку за собой. А за ним с абсолютно безумным выражением лица идет тощий человек со странным серым цветом кожи. В руке преследователь держит острое лезвие, с которого капает кровь.

— Так вот почему задание прошло очень спокойно, — тихо произносит отец Григорий. — Банда Ли Дуна просто была занята другой целью. А это он сам, который с ножом. Один из самых жестоких синкеров высокого ранга. Может превращать свое тело в сталь и создавать холодное оружие. Нам стоит уйти отсюда.

Я же не могу оторваться от зрелища убийства человека, хотя мне не по себе, и это мягко сказано. Да, я в первый день чуть не стал добычей коршунов, но здесь человек даже не может оказать сопротивление, быстро теряя кровь и жизнь. Но Ли Дуну, который оказался худощавым азиатом с обнаженным торсом, все равно, он легко догоняет и вонзает нож в спину бедолаги и явно пытается разделать как тушу пойманного животного.

Отец Григорий выводит из ступора, хлопнув по плечу, поэтому я вздрагиваю и направляюсь следом, где нас ждет остальная команда. Думаю, решение убраться прямо сейчас очень разумное.

— Этот парень ведь Блэк, — говорит Люциан.

— Да, он самый, — кивает Кристиан.

— Вы знали его? — спрашиваю я.

— Его все знали, — Эмбер тоже вступает в диалог, пока все направляются к выходу из Миноса. — Блэк был садистом и убийцей, и творил не менее ужасные дела. Он был старым синкером и, вероятно, резко ослаб в последние дни, чем воспользовался Ли Дун, чтобы расправиться с ним. Как только старый вожак теряет хватку, его сразу уничтожают более молодые. Однажды и Ли Дуна грохнет новый криминальный авторитет. Из-за бандитских разборок они забыли о нас, и это хорошо.

Но, к сожалению, спокойно уйти не вышло, так как мы на повороте буквально врезаемся в очень знакомую группу синкеров, которая идет смотреть на зрелище. И ведет группу Клара Кольц, на лице которой я оставил след от кулака.

— Это, лять, они! — конечно, Клара даже с заплывшим правым глазом узнает меня.

— Не советую, — сразу повышает голос отец Григорий. — Нападете на Марка, мы заступимся. Если начнется массовая драка, вмешается администрация.

— Ублюдок-священник, отпусти мои грехи, — девушка будто на голову отбитая, смеясь над нашим командиром. — Можешь даже отшлепать меня по попке.

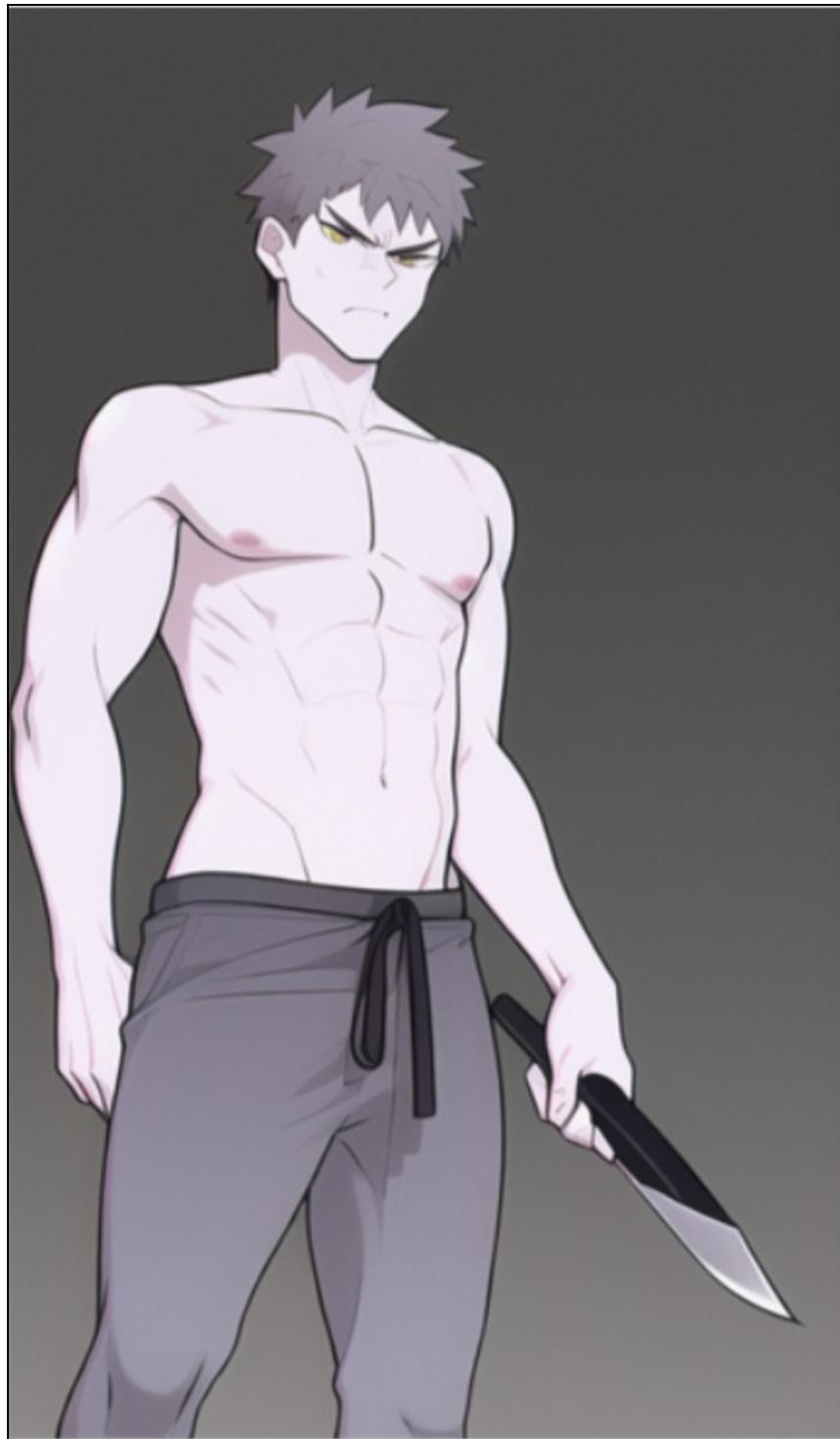
Но отец Григорий кажется в этот момент великим человеком, просто улыбнувшись на провокацию и сказав:

— Прощение за грехи выдает не священник, а Господь наш. Ты тоже окажешься на небесном суде однажды, и тогда я буду вступаться за каждую душу, включая твою, прося милосердия. Ведь ты и тебе подобные живете как звери, так как вас заставляют быть зверьем.

Такой ответ явно смутил Клару, но, конечно, она не из тех, кто возьмет и отступится. Набрав в грудь побольше воздуха, девушка пронзительно выкрикивает:

— Ли Дун, здесь твои враги!

На этот крик обращают внимание все, включая самого криминального авторитета, стоящего над бездыханным телом врага. Тут я понимаю, что без драки отсюда не уйти, но банда намного превосходит нас числом. Остается надежда на то, что администрации невыгодно терять сразу много синкеров.

— Ну и ну, чего орешь? — кожа подошедшего человека вновь напоминает нормальную, но нож убирать он не спешит.

— Это те самые, про которых я говорила. Вон тот новичок напал на нас в Зеро, — Клара бесстыже делает меня виновником, но все присутствующие и так знают, что это брехня. Этой банде не нужен повод для того, чтобы вступить в конфликт, скорее просто играют таким образом.

— Гоните пять тысяч баллов, и я забуду о вас, — Ли Дун играет с ножом, подкидывая и ловя. Завораживающе искусные движения.

— У нас нет таких денег, Ли Дун, и платить мы тебе не собираемся, — произносит отец Григорий. — Повторю, что мы готовы к неприятностям и будем защищаться изо всех сил. Массовую драку разнимут, посмотри туда.

Все поворачивают голову и видят Мясника, который лениво привалился к стенке на противоположной стороне улицы. Сейчас все камеры в районе обращены в это место, и

администрация действительно готова вмешаться.

— А, ты типа из умных, ясно-ясно, — парень в спортивных штанах не выглядит успокоившимся. Напротив, мне кажется, что сейчас что-то произойдет.

— Тогда я покупаю жизни пяти синкеров перед собой за десять тысяч баллов, — говоря это, Ли Дун поднимает лицо и смотрит в одну из камер, а потом на браслет, который ему передает один из шестерок. — Смотрите.

На балансе Ли Дуна сумасшедшее для меня количество баллов — около сорока тысяч, и количество резко уменьшается ровно на десять тысяч.

— Теперь вас ничто не спасет, ха, — главарь во всю веселится, а вот Мясник отталкивается от стены и просто уходит!

— Всем приготовиться, — мрачно произносит отец Григорий.

Факт № 3053а баллы синкеры могут покупать и более экзотические товары, услуги и возможности. Но чаще всего это требует высокого статуса и большого количества баллов. Можно приобрести возможность выйти на поверхность на пару дней, купить еду из лучших ресторанов Атланты, провести себе телевидение и интернет, обмениваться письмами с родными и даже встречаться с ними, а также получить право забрать жизни сразу нескольких синкеров в черте города без вмешательства администрации.

Факт № 838 Среди синкеров ходят упорные слухи, что администрация не только позволяет, но и поощряет насилие. Словно только в такой обстановке человек может стать таким же эффективным хищником, что и монстры в подземелье. Одни звери выращиваются против других.

Я оказался самым последним, кто приготовился к бою, мои товарищи куда привычнее к таким схваткам, если судить по каменным лицам. Мы стояли около стены, так что это нам даже помогает, ведь за спину зайти нам не смогут. Вся группа стоит передо мной полукругом, где на внешней стороне наши танки в лице Кристиана и отца Григория, а на внутренней — Люциан и Эмбер. У меня же роль поддержки, и на самом деле бой насмерть не различается в зависимости от места: построение важно и в городе, и в подземелье.

Но пока что активная фаза боя не думает наступать, так как подтягиваются другие члены банды Ли Дуна. Их тут человек тридцать, значит, наши дела реально плохи. Мы, возможно, сможем забрать кого с собой в могилу, но нас в любом случае задавят числом. И учитывая ушедшего Мясника, администрация вмешиваться не будет. Не знаю, что именно сделал Ли Дун, но скорее всего выкупил возможность массового убийства за бешеные деньги.

Сейчас главный противник вновь покрывается сталью, хотя я не думаю, что это настоящая сталь, ведь металл не особо помогает в свободе движений. Скорее оболочка из похожего материала. При этом глазные яблоки у него металлическими не становятся, значит, являются уязвимым местом. Но больше всего волнует то, что этот ублюдок буквально наслаждается произведенным эффектом, молча играясь с ножом и улыбаясь. Сбежать вряд ли получится, как и договориться. Этот человек точно испытывает кайф от причинения боли и убийств.

Чем я могу на это ответить? В такой ситуации только лютым бешенством. Если мне суждено здесь умереть, то отдам всего себя и постараюсь забрать Ли Дуна с собой в ад, чтобы и там измываться над его душой. Сердце быстро стучит, ладони потеют, но я лишь крепче сжимаю монтировку. Если ситуация к такому придет, я использую «Презрение к боли» и «Ва-банк», чтобы ничего не оставить про запас.

Тем временем на безопасном удалении собираются другие жители Миноса, смотря на редкий массовый бой. Ли Дун словно ждет, пока соберется больше людей. Он будто хочет всем показать, что теперь его авторитет на улицах города сильно вырос, и это ждет тех, кто не будет его слушаться. Во всяком случае это мои предположения, а потом словно невзначай этот урод швыряет нож прямо через наш строй в меня. Да, пять человек не могут выстроиться монолитной защитой, поэтому всегда есть линия атаки вглубь строя. Но нож со звоном ударяет в возникший барьер и отскакивает к ногам главаря.

— Ты думаешь, что нас здесь только пятеро, но за нашими плечами незримо стоят наши ангелы-хранители, — чересчур спокойно произносит отец Григорий. — С небесной опорой никакие земные проблемы не страшны.

— Ну и ну, пастор решил прочитать мне проповедь. Не существует никаких богов, а религия лишь еще один вид наркотика, — Ли Дун нагибается и поднимает нож с пола. — По моей команде убейте их всех, а новичка возьмите живым, его мы запытаем на главной площади.

— Я тебя сам запытаю, узкоглазый! — слова сами вырываются изо рта.

— Да? Повторишь мне это, когда я буду отрезать от тебя кусочек за кусочком. У меня есть целитель, который будет поддерживать в тебе жизнь, чтобы ты наслаждался казнью в течение многих часов.

Он меня запугать собирается? Думает, что я сдамся и попрошу пощады? Он неправильно действует, пытаюсь напугать углом того, кто уже в него загнан. Если ты хочешь принудить и сломать человека, нужно дать ему какую-то альтернативу. И вообще странно, что я спокойно об этом думаю сейчас, чувствуя, что сердцебиение успокаивается. Возможно, церебро делает мозговую активность более совершенной. Слова сейчас ничего не решат, но ничего и не испортят, поэтому с комичным китайским акцентом быстро говорю:

— Сунь хуйнь в чай, вынь, сам пей.

Тест на знание русского языка прошел здесь только отец Григорий, издав смешок, но выпад все равно достиг Ли Дуна, так как все поняли, что это было одновременно оскорбление и глумление над родным языком врага. Во всяком случае я надеюсь, что он реально китаец, по статистике их больше всего, да и имя подсказывает.

— Sha! — зло выкрикивает Ли Дун. Как переводится это слово, я не знаю, но смысл тоже понимаю сквозь языковой барьер.

И члены банды моментально срываются с места, пытаюсь окружить каждого из нас и проникнуть вглубь строя. Но первые сразу отшатываются из-за вспыхнувшего на мгновение полупрозрачного барьера, отец Григорий точно является сильным синкером. Но проблема в том, что враги тоже синкеры.

Вот только мои новые товарищи моментально переходят в контратаку, не собираясь просто принимать на себя удары. И я понимаю, что это самое верное решение, так как бегство недоступно. Нужно перехватить инициативу, чтобы опрокинуть даже более сильного или многочисленного врага.

Кожа Кристиана будто обрастает каменной оболочкой, увеличивая размер и без того мощного тела. Теперь понятно, почему он носит отлично растягивающуюся синтетику. Под ногами проносятся порывы ветра, поднимающие песок с пола, это явно проявление способностей Люциана, а самым ярким оказывается зрелище, когда вокруг Эмбер растекаются волны расплавленного янтаря, напоминающего мед. Вот только этот «мед» моментально застывает в формах разнообразного оружия.

— Вперед! — кричит отец Григорий, и его слова подхватывает сильный ветер, бросающий сор в глаза врагов.

Я продолжаю держаться позади, так как моя задача поднимать на ноги раненых из нашей команды. Пока остальные в порядке, мне не стоит лезть вперед и тратить силы. К тому же мой атакующий потенциал просто смешон по сравнению с официальными дамагерами группы. Люциан заставил всех затормозить и прикрывать глаза руками, и это дало Эмбер время для нанесения мощного удара. То, что раньше было жидким янтарем, теперь в воздухе собирается в четыре больших лезвия размером с человека, а потом они все соединяются тыльной стороной в гигантский сюрикен, летящий за свежей кровью.

Не представляю, насколько прочный этот янтарь, но плоть и даже кости он режет будь здоров. Двум синкерам очень не повезло: одному вращающиеся лезвия перерубили руки, а другому рассекло горло. Оружие должно было пролететь через весь строй врагов, но тут вперед вырывается Ли Дун, голой рукой ловит оружие и раскалывает на части. Хотя, с голой рукой я преувеличил, ведь она покрыта сталью. И пускай так это называю, способности от

вапориума явно помогают создавать необычные материалы, только похожие на что-то существующее.

После этого Ли Дун первым летит в атаку, а нож в его руке увеличивается сантиметров на десять. Резкий замах направлен на отца Григория, но дорогу перегораживает Кристиан Вагнер, попросту грудью ловя острие кинжала. И выглядит так, что камень его тела тоже является отличной защитой, так как удар лишь оставил царапину. У этих двоих похожие способности, и пока можно лишь догадываться, кто окажется крепче и выносливее.

Вот только рывок Кристиана открыл левый бок нашего построения, чем тут же решили воспользоваться враги. Один из синкеров вытягивает руки в сторону Люциана, который тоже стоит левее меня. Между пальцев противника собираются пучки красной энергии, которые кометами выстреливают вперед. С гудением прорезая воздух, они бессильно разбиваются о появившийся энергетический щит. Барьер действительно похож на рыцарский щит из какого-нибудь фэнтези. Мигнув напоследок, щит пропадает, а я с еще большим уважением думаю об отце Григории, который успевает реагировать на атаки даже в стороне от себя.

Да, в такой ситуации именно я должен руководить боем, так как единственный вижу всё поле боя, но при этом сам не атакую и не защищаюсь. Люциан, кажется, даже не пытался защищаться от атаки, что говорит о большой сработанности с членами команды. Вместо этого он потратил время на то, чтобы произвести более сложную атаку. Ближайшие к нему враги вдруг начинают задыхаться, словно рыбы оказались на берегу и усиленно открывают рот. Не знаю, что это за атака, но догадываюсь, что напарник как-то взаимодействовал с воздушными массами, создав зону с низким содержанием кислорода. То, что трое синкеров просто грохнулись в обморок, мою догадку доказывает.

С другой стороны Эмбер бомбардирует врагов со своей стороны янтарными копьями. Эти острые предметы уже пригвоздили к месту пятерых человек, чьи вопли эхом разносятся по Миносу, но никто из чужих спасти их не придет. Да и своим явно не до этого.

Отец Григорий тоже работает, не покладая рук, его щиты постоянно вспыхивают в пространстве, перехватывая атаки по нам и позволяя атаковать, не думая о защите. Молнии, кислота, энергия разных форм: по нам лупят всем сразу, но еще никто не смог обойти защиту нашего лидера. К тому же мы сражаемся не заботясь о будущем, на кону наши жизни. А вот враги напротив хотят сегодня вернуться к себе на базу, выпить пивка и обсуждать новости, поэтому нехотя лезут в пекло и скоро дрогнут перед бешеным напором.

И переломный момент случается, когда Кристиан мощным ударом ноги отбрасывает от себя Ли Дуна. Азиат катится по земле аж до домов на другой стороне улицы. В ближнем бою Кристиан кажется более сильным, благодаря большому весу, худощавый Ли Дун не может ни пробить камень, ни опрокинуть врага.

Зрелище отброшенного главаря подействовало на его сторонников не самым лучшим образом, а когда каменные кулаки принялись разбивать лица, то все отпрянули в сторону от сплоченного и сильного отряда. Да, теперь я понимаю, что мой отряд состоит из сильных и опытных синкеров, так что мне повезло очутиться среди них.

Над улицей пульсирует янтарное облако, где большие капли вытягиваются в сотни лезвий, обрушивающихся вообще на всех вокруг нас. Зеваки стремятся отойти еще дальше, не имея желаний быть задетыми разбушевавшимися синкерами. Янтарные лезвия дождем сыпятся на улицу и многие противники оказываются ими утыканы, но большинство перехватываются ледяным панцирем, что куполом появился над Ли Дуном и его сообщниками.

— Где ты был, Фрэнк?! — орет Ли Дун, который не имеет видимых последствий от удара Кристиана. Вероятно, его уговорить будет трудной задачей.

Я замечаю человека, которого не было среди тех, кто атаковал нас в первый раз. Он отличается от других подпевал Ли Дуна, щеголяя в красивом белом плаще и дорогой одежде. Скорее всего ледяной купол — его рук дело. Сейчас он стряхивает с рукава большой кусок льда, но тот словно живая гусеница перебирается по руке на плечи.

— Я просто ел в кафе, а потом ко мне прибежали и сказали, что ты решил не только Блэка грохнуть, — незнакомец ведет себя уверенно, словно не считает Ли Дуна таким уж большим авторитетом.

— Я тебе плачу не за то, чтобы ты прохлаждался хрен знает где!

— Но ты ведь сам сказал, что моя помощь с Блэком не понадобится. Как я мог знать, что ты устроишь еще одну драку? И вообще, у тебя много убитых и раненых. Кто будет собирать для тебя баллы и ходить в подземелье, если еще больше низкоранговых тут сляжет?

Ли Дун в ответ лишь плюет на землю и приказывает всем убираться отсюда.

— Я сам тут разберусь, а ты мне поможешь, — азиат злобно смотрит на нас, явно не ожидал, что мы окажемся такими крепкими. — От шавок действительно проку немного.

Другие бандиты даже рады, что можно больше не участвовать, но тем, кто ранен или уже на грани смерти, от этого не сильно лучше, ведь никто не спешит им помогать. Кожа Ли Дуна покрывается черными полосами, кажется, что сейчас он станет в несколько раз серьезнее.

Так и происходит, когда он совершает молниеносный рывок на шесть метров. Обычный человек на такую скорость неспособен, а вот синкеры вполне могут развить. Из правой руки Ли Дуна вырастает черный металлический шип, который нацелен прямо в сердце Кристиана. Острие пронзает и щит отца Григория, и руку Кристиана, после чего вонзается в тело. Со спины я вижу, как красный кончик вышел из спины. Теперь очевидно, что Ли Дун на самом деле может быть куда сильнее.

— Р-ра! — почти что с львиным рыком Кристиан отбрасывает Ли Дуна, а я уже несусь вперед и прикладываю руки к спине товарища. «Регенерация тканей» окружает рану алым туманом, и я надеюсь, что успею залечить до наступления серьезных последствий.

С обоих боков проносятся ветра и янтарные копья, но стальному телу врага словно не могут нанести никакого урона, только заставляют отступить на пару шагов. Следом сверху падает настоящий ледяной дракон, но разбивается на куски о возникший барьер. Мне кажется, что отец Григорий специально не держит щиты постоянно, а создает буквально на полсекунды, чтобы не тратить много сил.

Ледяное крошево падает на головы и землю, а потом начинается схватка льда и янтаря, способности незнакомца и Эмбер очень похожи друг на друга. Различные конструкты пытаются друг друга задушить, разбить или заковать. Кристиан говорит, что всё ок, но сейчас вообще не ок, так как теперь очевидно, что ни каменная броня, ни энергетические щиты отца Григория не смогут защитить от проникающих ударов врага, который при этом неуязвим для атак.

Ли Дун продолжает атаки, теперь у него два шипа на каждой руке. Кристиан старается не принимать на себя удары, а уклоняться, но получается не всегда. К счастью, возникающие щиты спасают, отводя опасные выпады по касательной.

Я отступаю на пару шагов и размышляю над тем, что делать дальше. Есть риск, что силы у нас закончатся раньше, значит, нужно что-то придумать. Именно мне нужно придумать, так как я меньше всех участвую в бою. Мне кажется, что я вижу, как по cerebro в мозгу скачут электрические импульсы, возбуждая нейронные связи в мозгу. Если грубая сила не может помочь, то нужно отыскать или синтезировать из своих знаний такое решение, которое поможет справиться с таким врагом. И озарение внезапно приходит!

Я выкрикиваю команду для Эмбер и Люциана, и, к счастью, они без промедления слушаются, меняясь местами. Кричу Люциану отвлечь синкера со льдом, а Эмбер атаковать Ли Дуна, но не конструктами, а начальной формой материала. Мне плевать, что враги могут меня слышать, главное — сделать всё быстро. Девушка явно поняла задумку, после чего потоки жидкого янтаря возникают перед лицом Ли Дуна в момент его очередного броска на Кристиана. Получается так, что он буквально налетает лицом на сгусток янтаря.

Эмбер делает так, что янтарь сразу залепляет глаза, но противник успеет их закрыть стальными веками, так что атака была не в этом. Янтарь проникает в ноздри и сковывает рот, и если Ли Дун не научится дышать как ежик из дурацкого анекдота про пенек, то просто задохнется. А синкерам все равно дышать нужно, если их способность не в том, что

они могут не дышать.

Моя ставка выигрывает, так как такой подлянки враг не ожидал. Сейчас пытается отодрать от лица янтарь, но это вещество как клей-момент должно забить все выходы и намертво закупорить. От такого стальное тело никак не спасет. Но чего я не ожидал, так как это действий Ли Дуна, который убрал стальную броню с небольшого пространства щек и просто пробил их себе стальными когтями. Создание искусственных проходов для воздуха мой план не предусматривал, поэтому кричу Эмбер сделать больше янтаря и закрыть вообще все лицо, но слышу в ответ лишь дикий крик.

Напарница падает на колени, держась за голову, и где-то я такое уже видел. Нет, не видел, я был на месте Эмбер, когда меня пытали с помощью суперспособности. Ищу взглядом Клару Кольц и вижу её в двадцати метрах с довольной улыбкой и светящимся фиолетовым глазом. Вот ведь сука! Я просто не успею до нее добежать, но могу попробовать успокоить боль. К сожалению, не успеваю, так как в меня врезается Кристиан, которого толкнули с нечеловеческой силой. Почти одновременно на земле оказывается Люциан, которому достался неудобный противник. Чаша весов снова наклоняется не в нашу пользу.

Факт № 279 Синкеры пассивно сильнее, быстрее и крепче обычного человека, но есть и те, кто выходят за грань реального, если способности позволяют совершать невозможную физическую работу и при этом не наносить вред телу.

Факт № 668 Артефакты — это не просто диковинки из подземелья, которые нужно сдавать администрации, а потом отдельно покупать. Такие предметы часто имеют необычные свойства, а некоторые образцы так и вовсе могут переломить ход любого сражения, и даже поражение сделать громкой победой.

Я пытаюсь как можно скорее встать, но сделать это с Кристианом на себе почти невозможно, это аналогично падению большого камня. К счастью, в отличии от камня, напарник и сам понимает, что нельзя терять ни секунды, поэтому пытается встать как можно скорее. Люциан справа одним прыжком снова на ногах, но драгоценное время все равно потрачено, так как Ли Дун может уже завершать атаку. Но ничего такого не происходит, так как вокруг нас вращается сферический барьер, похожий на полупрозрачное стекло.

Это очевидно дело рук отца Григория, который стоит, раскинув руки. Не знаю, сколько сил потребляет такое действие, но наверняка немало. Лидер группы тут же снимает барьер, как только понял, что все снова на ногах. Даже боль Эмбер утихла под защитой барьера. Однако снятие купола произошло скорее всего без участия отца Григория, так как правая рука Ли Дуна полностью превратилась в длинное черное лезвие в окружении странных росчерков того же цвета.

При этом янтарь на лице врага промерз насквозь, а потом развалился кусками, это уже работа того ледяного синкера. Я вижу, как Ли Дун широко замахивается и разрезает барьер, полностью последний уничтожая. Мне очевидно, что это какое-то ультимативное проявление суперспособностей Ли Дуна, такой удар скорее всего прорежет даже створки ворот в Минос.

— Он использует артефакт, — выкрикивает Люциан, но я не вижу никакого артефакта у главаря банды. Вот только напарник смотрит в другую сторону, а именно в сторону очкарика, управляющего льдом.

Я не сразу обратил внимание на то, что на пальце незнакомца чуть сияет перстень, а вытянутая рука указывает на Ли Дуна. Похоже, это какой-то усиливающий артефакт, который делает главного врага в неизвестное количество раз сильнее. Я ничего не успеваю с этим поделать, так как Ли Дун насаждает на нас, зная, что может убить с одного удара. Отец Григорий концентрирует щиты на маленьких зонах тела Кристиана, и таким образом они пока что выдерживают вражеский напор, но вся группа постоянно отступает к стене.

Но проблемы не заканчиваются, так как со всех сторон появляются ледяные мечи, а Эмбер вновь теряет равновесие, когда Клара Кольц опять взялась бить исподтишка. Этот «Пыточный взгляд» очень неприятная штука не только из-за оказываемого эффекта, но еще потому, что действует даже на большом расстоянии. Вероятно, нужно лишь видеть цель для активации способности.

Воздух над нами приходит в движение, но Люциан не может создать по-настоящему штормовой ветер, но способен чуть изменить траекторию летящих снарядов. Я же вообще на это не обращаю внимание, так как держу Эмбер за плечи и пытаюсь подействовать на неё «Презрением к боли».

Снова перед глазами появляются огоньки, показывая какие-то процессы в моем организме, но я не могу посмотреть на происходящее в теле Эмбер, так как у нее нет такого

биомонитора, да даже если бы был, доступа у меня к нему не было бы. Кажется, что девушке становится лучше, так как перестает держаться за голову. Сейчас её помощь очень нужна, но тут боль накатывает на нее еще сильнее, я поднимаю взгляд на Клару, что отошла еще дальше и смотрит из-за спин дружков по банде. Она явно усиливает напор, выводя из строя нашего главного дамагера, а сама при этом вне моей досягаемости. Очевидно, что прошлый урок она усвоила.

Слышу возглас Кристина, который падает на одно колено, сжимая кровотокающий бок. Ли Дун напоминает бешеного пса, бросающегося на незваных гостей. Руки-мечи черными взмахами подбираются ближе к телу отца Григория, который за бой, наверное, ни разу не обернулся, чтобы не потерять концентрацию. Люциан справа кричит о том, что ему тоже нужна помощь из-за льда, который заковал нижнюю часть его туловища. Я даже дернуться куда-либо не успеваю, так как энергетический щит отца Григория разбивается сверкающими частицами, а сам он падает на спину. Теперь Ли Дун вполне может перейти к добивающим ударам.

Мне не остается ничего другого, кроме как самому броситься в атаку, вновь достав монтировку. И пускай враг может разрезать её одним ударом, никакого другого оружия у меня нет. Сейчас я единственный, кто стоит на ногах, и если потерять драгоценные секунды, то Ли Дун убьет наших танков. «Ва-банк» активизируется, повинуюсь мысли, а телу вновь жарко и одновременно легко.

Кажется, противник не ожидал, что я ринусь в ближний бой против него. При этом целюсь концом оружия в глаз противника, надеясь, что он рефлекторно попробует его защитить и потратит немного времени. Так и происходит, когда Ли Дун чуть тормозит и отклоняет голову, из-за чего конец монтировки проходит по левой щеке, не оставив на стальной коже даже следа от удара. Но это позволило мне влететь в него и оттолкнуть на несколько шагов, чтобы у моих товарищей появилось время на то, чтобы встать.

Вы когда-нибудь пытались с разбега влететь в бетонный столб? Если нет, то вы точно не поймете, что я почувствовал, врезавшись в Ли Дуна. Кажется, что его тело до мозга костей пропитано несуществующей сталью, делая его невероятным танком, если мерить рамками ролей в командах синкеров. Его долбить придется бесконечное количество времени.

— Паршивец, я ведь могу передумать, — произносит противник.

Не сразу понимаю, что он имеет в виду, а потом вспоминаю, что меня он хотел оставить в живых для издевательств и пыток.

— Можешь передумать и валить отсюда на хрен.

Кристиан и отец Григорий уже стоят рядом, значит, мое вмешательство было не напрасным, но Ли Дун не возобновляет атаку, а нагло поворачивается к нам спиной и что-то кричит тому самому Фрэнку со способностями к созданию и управлению льдом. Ли Дун потребовал кинуть ему какую-то вещь, но её название я не понял. Но тот ледяной сверхчеловек перестал лениво смотреть на ситуацию и из рюкзака под ногами вытащил какой-то темный округлый предмет и кинул главарю.

Ли Дун подкидывает предмет в руке, а потом разворачивает лицом к нам в буквальном смысле, так как в руке у него мумифицированный человеческий череп. Я не представляю, как на такое реагировать, а потом меня словно накрывает темной волной. Запоздало понимаю, что это тоже был артефакт, хотя не знал, что такие тоже бывают. Гораздо больше сейчас волнует то, что это наше поражение, так как я полностью теряю контроль над своим

телом.

Я осознаю, что у меня есть руки и ноги, а грудь дышит, но на приказы мышцы не отзываются. Хорошо хоть, что биоконтроль по-прежнему работает, поэтому я начинаю концентрироваться на сигналах от cerebro, которые постоянно генерируются, но если не обращать на это внимание, как на периодический шум в ушах, то жить не мешает. Сейчас вижу проекцию собственного тела, которое словно опутано каким-то черными червями или лианами. Это очевидно какая-то паранормальная сила, объяснить которую невозможно.

Но в окружающей тьме появляется фиолетовый свет, очерчивающий человеческую фигуру в вихре непонятных линий. Темнота при этом превращается в звездное небо, и теперь можно увидеть просторные черные одеяния и даже длинные волосы. Лица разглядеть никак не могу, лишь непонятный фиолетовый узор, но зато слышу тихий голос, словно говорят два человека одновременно:

— Почему у тебя частицы духа Лакримозы? Мы тебя спутали с ней.

— Мы? А с кем я говорю? Что вообще происходит? — сначала в подземельях я столкнулся с какой-то чертовщиной, но там можно было списать на аномальную зону. Но появление такого в центре Миноса маловероятно.

— Звезды-и-Отражение есть мы. Когда-то были братом и сестрой, и одними из лучших учеников известного человека, как и Лакримоза. На тебе след её слез.

Слез? Подождите...

— Девушка с зелеными волосами? Это Лакримоза? Я действительно встретил её не так давно. Точнее, её останки. Она передала мне что-то. Слушай, а ты не можешь тоже мне помочь? Не думаю, что тебе приятно, что твоя голова в руках Ли Дуна.

— Мы давно мертвы, нам все равно, что происходит с нашими останками. Память о нас все равно не должна была остаться в будущем. К тому же мы уже передали свой дух другому твоему современнику, поэтому тебе дать нечего. Но нам не хочется, чтобы силу, оставшуюся в наших костях, использовали против кого-то, кто несет в себе частицы духа кого-то для нас близкого. Мы поможем пробудить силы Лакримозы, но мы больше не несем ответственность за чужие жизни. Ты правильно поступаешь, не полагаясь на свет фонаря, но есть препятствия, которые нельзя пройти обычными силами.

Вокруг снова наступает тьма, а я вдруг вижу улицу и себя на ней, товарищей и врагов. Такое ощущение, что время застыло, так никто не двигается и даже не дышит. Если это действительно так, то очень даже кстати, ведь за время разговора Ли Дун мог успеть нашинковать наши тела в мелкую стружку.

[Суммаризация полученного опыта. Готово. Выдан 1 импульс развития]

Что-то знакомое. Звезды-и-Отражение действительно что-то сделали, что Deus Spiritus зарегистрировал как быстрое продвижение по эволюционной лестнице. Сейчас очевидно, что ситуация перед моими глазами одна из тех, где спасет только чудо. А если ставить на чудо, то это в треугольнике Фиша это вершина с надписью Mystic. Именно туда я отправляю импульс развития.

Принятое решение вызывает шум ветра, летнее тепло и запах свежей травы. У меня нет никаких предположений, во что выльется развитие мистических сил, поэтому остается смотреть на то, как по монтировке в моей руке ползут белоснежные линии, оставляющие загадочный рисунок от одного конца до другого. А потом я распахиваю глаза уже в реальном мире, где Ли Дун опускает руку с черепом и недоверчиво смотрит на меня, того, кто смог противиться влиянию жуткого на вид артефакта. Мои товарищи с глухим стуком падают на землю.

Опускаю взгляд на монтировку, но не узнаю её. На железе распускаются цветы и растут зеленые корни, которые полностью поглощают под собой металл. Вокруг сияет аура, где золотые солнечные лучи смешиваются с зелеными, а я понимаю, что это мой последний шанс для того, чтобы победить сегодня. Вместо монтировки теперь сжимаю диковинный деревянный меч.

Множество свидетелей изумленно смотрят на метаморфозу, включая Ли Дуна, и я пользуюсь моментом, чтобы сократить дистанцию и ударить мечом. Противник не стал уклоняться, привыкнув к преимуществам бронированного тела, но потом кричит от боли, когда меч пробивает стальную кожу!

Подобное словно выключает все предохранители в голове Ли Дуна, который превращается в вихрь стали. Вместе с мечом мне не перепало умение им пользоваться, поэтому со стороны всё должно выглядеть не так эпично, как могло бы показаться. Я оруду мечом больше как дубинкой, стараясь огреть врага по голове. Просто ору и наношу рубящие удары с разных позиций, пока силы полностью не покинут меня. Увы, но в ближнем бою противник разбирается намного больше, поэтому я скоро пропускаю несколько очень болезненных ударов.

Я выставляю меч перед собой, направив в грудь Ли Дуна, но это не мешает ему приблизиться с нырком и замахнуть для удара, который просто перерубит мое туловище на

две половинки. У меня не выходит даже двинуться по непонятной причине, но необъяснимым образом замирает и враг. Вокруг этого места на улице теперь толпы синкеров, не сводящих взгляда с нас, а мы просто замерли на месте, не в силах пошевелиться.

Только после звукового сигнала из динамиков под потолком я замечаю нити, удерживающие каждый участок моего тела, Ли Дун тоже ими опутан. Кажется, я знаю, кто вмешался, и моя догадка оказывается верной. Толпа моментально расступается перед Мясником, который неспешно возвращается к месту событий.

— Ты что творишь? Я оплатил жизни этих синкеров. Администрация не имеет права вмешиваться! — орет Ли Дун.

— На этом всё, — глубоким голосом произносит синкер, возвышаясь над нами. Вблизи понятно, что в нем больше двух метров роста.

Мясник делает жест рукой, после чего нити меня и Ли Дуна раскидывают в разные стороны улицы, а потом исчезают.

— Как это понимать? — противник быстро шагает к Мяснику. — У администрации нет права мне мешать!

— Ты кое-чего не понимаешь, хотя давно уже не новичок, — статный мужчина напоминает статую античного героя, взирающего на всех свысока. — Прав здесь нет у тебя и других синкеров. А администрация наоборот обладает правом устанавливать и менять правила в любом количестве, при любых обстоятельствах, в любой момент и в любых пределах. На этом всё.

— Тогда возвращайте мне баллы! — лицо Ли Дуна перекошено, а я вот наоборот веду себя очень спокойно. Прекращение боя мне очень выгодно, так как мое поражение гарантировано.

— Если ты не успел забрать их жизни, то это твои проблемы. Баллы возврату не подлежат.

Главарь банды сплевывает под ноги Мяснику и втягивает лезвия в руки. После этого оборачивается, словно хочет уйти восвояси, но через пару шагов резко оборачивается с вытянутой рукой. На молниеносный бросок ножа, выращенного Ли Дуном из собственного тела, я никак среагировать не успеваю, но предмет замирает в воздухе перед моим лицом, опутанный нитями, я лишь запоздало вздрагиваю. Но схвачен не только нож, но и рука Ли Дуна.

— За это я тебе выписываю штраф, — кажется, Мясник вообще не удивился. — Но возьму не баллами.

После этого улица оглашается воплями Ли Дуна, которому нити отрезали правую руку по локоть, несмотря на стальную кожу. Потом сотрудничающий с администрацией синкер идет ко мне.

— Ты с незарегистрированным артефактом идешь со мной.

— Могу ли я привести в чувство товарищей? Боюсь, им угрожает опасность здесь.

— Хорошо.

Влияние целительной энергии на каждого члена команды, мне удастся заставить очнуться всех, но на объяснения времени нет. Мясник продолжает стоять с каменным лицом, он явно никуда не торопится, хотя вряд ли позволит тратить еще больше времени.

— Нам нужно идти за ним, причин не знаю, — быстро говорю отцу Григорию.

— Раз надо, то идем. С администрацией спорить не нужно, — кивает командир группы,

смотря на то, как мой меч снова превращается в обычную монтировку.

Уходя отсюда, я подхватываю лежащий череп и забираю в качестве трофея. Ли Дун сейчас занят тем, что покрикивает на своих целителей, пытающихся приделать руку обратно. И даже если кто-то обратит внимание на кражу, мешать не посмеет. Уходя я также бросаю злой взгляд на Клару Кольц, но тут уже я не рискну ей мстить, так как получать штраф от Мясника не хочу. Судя по маршруту, мы идем прочь из Миноса и поднимемся в Зеро.

Факт № 200 Доминион Види, находящийся сейчас на территории бывшей Аргентины, Чили, части Бразилии, Парагвая и Боливии, пожалуй, одна из двух стран, где религия стала основной общества, а возглавляет страну не президент, а понтифик.

Лифт медленно поднимает нас к Зеро, и в нем, кроме нас и Мясника, никого нет. Другие команды, которые тоже собирались подниматься, решили не заходить вместе с нами и поехать во время следующей отправки.

Из-за присутствия синкера, работающего на администрацию, я молчу, как и мои товарищи. При этом, кажется, Мяснику на нас плевать: стоит спиной и просто смотрит перед собой. Пытаюсь представить, зачем я ему сдался и могу придумать только одну причину: дело в том, что Звезды-и-Отражение помогли пробудить силу в предмете, и тот трансформировался во что-то странное.

Либо дело в том, что я не зарегистрировал артефакт как положено? Нет, там ведь дается двое суток на это, так что штрафных санкций быть не должно. Вызываю экран со своими данными и вижу, что все баллы на месте. Лифт замедляется, а потом срабатывают тормоза и поднимается решетка. Мы вернулись в Зеро, где ничего не изменилось за время нашего ухода.

— Дальше со мной только ты, — произносит Мясник. Понятное дело, что обращается ко мне.

— Мы снимем ту же комнату, — говорит отец Григорий. — За твоими вещами присмотрим.

— Да, понял, — говорю я и направляюсь за проводником.

Мы проходим через весь Зеро, на нас обращают внимание, а потом оказываемся в лифте, на котором я спустился с поверхности. Меня хотят вернуть назад? Ну, скоро узнаю. Лифт уже ждет нас с тремя военными в бронежилетах и с автоматами. Не во всех случаях это спасет против синкеров, но с другой стороны не у всех способности позволят пережить автоматную очередь или обогнать пули. Один из военных жестом приказывает отдать монтировку, поэтому приходится с ней расстаться. Теперь впятером поднимаемся, пока не оказываемся в знакомом фойе, где Мясник ведет меня в одну из дверей, где я раньше никогда не был.

Над головой целое многоэтажное здание, я помню это, так как смотрел в окна в подготовительном центре, но я не знаю точно, что именно там находится. Возможно, офисы администрации и жилые квартиры для привилегированных синкеров, которым можно подниматься на поверхность. Наш путь по коридорам заканчивается рядом с дверью, на которую показывает Мясник. Задача ясна, и я захожу внутрь темной комнаты, где стоит лишь стул и стол, а на последнем компьютер, но монитор обращен лицом к собеседнику напротив.

Я подхожу и сажусь за стол, разглядывая обычного служащего администрации в одежде лаборанта. Последний даже не посмотрел на меня, что-то рассматривая на экране монитора.

— Что именно вы сделали в Миносе? — человек без долгих предисловий начинает допрос. Во всяком случае это очень похоже.

— О чем речь? — на самом деле догадываюсь.

— Трансформация оружия. Это не вписывается в способности, указанные в вашей

карточке. Датчики же не регистрируют предмет как артефакт. Что именно вы сделали?

Как я и предполагал, администрация вцепилась в то, что не может объяснить существующими правилами. А я не считаю нужным рассказывать правду, так как мы вообще не союзники. Скорее враги, хотя говорить о ведении прямых боевых действий не приходится.

— Я сам не знаю. На меня Ли Дун хотел подействовать каким-то артефактом. Почувствовал, что вырубаюсь, но потом это прошло, а монтировка превратилась в меч. Во время миссии мы попали в аномальную зону. Возможно, дело именно в ней.

Не буду я рассказывать ничего о Лакримозе, Звездах-и-Отражении и беседах с ними. Либо это были лишь галлюцинации, либо вещи, которые я объяснить никак не смогу.

— Оружие будет изъято для изучения. Теперь расскажите о том, как продвигается использование Deus Spiritus.

Значит, меня могли спасти еще потому, что нужно собирать данные по эксперименту с ДС. Я не могу точно сказать, может ли администрация проверить мои ответы относительно этого. Это ведь их система, значит, они и без опросов должны видеть каждый мой шаг или вопрос, заданный ДС. Здесь я не рискну сильно врать, поэтому рассказываю о том, как общаюсь с ДС и как распределяю очки и импульсы по треугольнику Фиша. Чтобы всё звучало правдоподобно, признаюсь, что моя способность именно биоконтроль, а не просто излечение.

Сотрудник за компьютером никак не реагирует на рассказ, но при этом быстро стучит по клавишам, словно просто пишет отчет под мою диктовку. Нельзя исключать, что меня периодически будут сюда водить, чтобы опрашивать. Вряд ли они сделали участником эксперимента, чтобы просто обо мне забыть.

— На этом всё, свободен.

С радостью встаю и направляюсь к выходу. Мясник, оказывается, продолжает стоять рядом, листая что-то на смартфоне. Заметив меня, он убирает гаджет в карман и головой показывает следовать за собой. Я догадываюсь, что мое посещение поверхности завершено и теперь нужно возвращаться под землю. Жаль, что здесь вообще нет окон, я бы многое отдал за возможность очутиться под лучами солнца.

Снова фойе и лифт, в который я захожу один. Но перед отправкой я решаюсь спросить:

— Раз я участвую в эксперименте, то может ли администрация мне выдать какую-нибудь помощь? Чем больше я смогу попробовать, тем больше принесу пользы.

— Не справишься ты — найдут другого, и так до бесконечности. Не считай себя особенным, — говорит напоследок Мясник, и лифт начинает спуск.

Отказ был ожидаем, но попробовать стоило. Скоро вновь показывается Зеро, и я выхожу из лифта. Однако в отличие от первого раза, я уже не новичок, поэтому уверенно шагаю в сторону главной улицы. Оружие у меня отобрали, я так и не успел разобраться с его новыми возможностями, а ДС ничего нового проанализировать не смог или не успел. Найти прежнюю комнату в общем блоке труда не составило, меня отпустили очень быстро, так что моя команда только-только заселилась обратно.

Как я понимаю, большинство комнат тут обычно пустует, так как самые сильные и опытные команды предпочитают жить в более просторном Миносе, а Зеро больше для новичков и тех, кто не хочет появляться в городе ниже.

— О, Марк, ты быстро, — улыбается Эмбер. — Скоро вернутся остальные, они пошли за вещами в ячейке хранения и едой.

— Ладно, — я плюхаюсь на стул и понимаю, что сильно вымотался. Сама миссия не была сложной, но происшествие в Миносе выпило почти все силы, словно я до конца использовал «Ва-банк».

— Можно считать, что ты прошел боевое крещение, — Эмбер сидит напротив и расчесывает волосы. — Осталось только в первый раз встретиться с монстрами, и тебя уже ничто не сможет удивить.

— Да уж, впечатления на всю недолгую оставшуюся жизнь... Вот скажи, у тебя будущее какие чувства вызывает?

— Сложный вопрос. Когда сюда попала, была готова биться в истерике. Становиться синкером я не хотела, умирать под землей вдали от родных тоже. Этот выбор сделали за меня. Потом стало легче, поэтому сейчас мне все равно.

— Вот прям все равно? — я не особо в это поверил.

— Вот прям, — пожимает плечами собеседница. — Не знаю, как это объяснить. Просто однажды после изматывающей миссии я проснулась посреди ночи и поняла, что так жить больше не могу. Это случилось примерно через три недели после прихода в Зеро. К тому моменту я уже повстречалась и с монстрами, и с людской жестокостью, спасибо хоть отцу Григорию, что стал для меня куратором. И вот я лежу в темноте и мне трудно дышать, но сил плакать больше нет. И тогда я поняла, что стою перед развилкой двух дорог: пойти и броситься головой вниз в «черный колодец» или просто забыть о прежней жизни и не думать больше о том, что было потеряно. Как ты можешь догадаться, самоубийству я предпочла равнодушие. И сразу полегчало, и сон стал крепче.

Мне, наверное, еще только предстоит пройти через этот этап. Сначала график движения человека напоминает почти прямую линию от рождения до смерти. Потом его хватают и насильно делают синкером, из-за чего линия графика резко уходит вниз. Потом обучение, адаптация, новые сложности и экстремальные ситуации сменяют друг друга, а график, как синусоида, то вверх, то вниз.

Где-то я слышал, что любые системы стремятся к точке равновесия, к состоянию покоя. Думаю, к психике это тоже относится. Если синкер больше не может выдержать прыгающего вниз-вверх графика, он сходит с ума или кончает жизнь самоубийством. Другие же гасят в себе эти волны, становясь равнодушными ко всему и тем самым вновь выходят на плато, где график продолжает двигаться ровно. Правда, он уже никогда больше не поднимется выше нуля по оси ординат.

Пока что только так я могу объяснить часто ненормально спокойствие и презрение к будущим проблемам. Эмбер продолжает расчесывать волосы, оставаясь спокойной. Я не телепат, поэтому не могу прочитать её мысли, но делать этого не стал бы в любом случае.

— А черный колодец — это какое-то особенное место?

— Да, это местная достопримечательность, но слава у нее своеобразная. Есть одна шахта, которая больше не используется. Точная глубина неизвестна, но там очень глубоко. Те, кто прыгают в «черный колодец», никогда больше не возвращаются. Один из способов самоубийства, если ты не хочешь умирать от рук монстров или администрации. Последняя, как мне кажется, специально не стала закрывать шахту, чтобы синкеры использовали её в таком ключе. Колодец доступен прямо из Зеро.

Эмбер откладывает расческу и смотрит на меня очень пристально.

— Если тебя начнет одолевать искушение броситься туда или еще что-то в таком роде, не держи в себе. Поговори с Грегори, он сумел отговорить не одного самоубийцу. Пускай

наш конец predetermined в времени, не стоит приближать этот момент. Во всяком случае, пока не останется ничего другого, когда синкер становится калеккой.

— Да, обязательно. Пока что я о таком не думаю. В одной старой книжке в детстве я читал, что если тебя хотят повесить, то попроси стакан воды. Кто знает, что случится, пока тебе его несут. Вдруг ученые найдут способ повысить срок жизни синкера.

— Это возможно, — кивает собеседница. — Правительству невыгодно каждый раз обучать новых синкеров. Им бы хотелось иметь отряды суперсолдат, которые становятся лишь сильнее и опытнее с течением времени. Слухи о разработке особого лекарства на самом деле постоянно ходят в подземелье. Но слухи застали даже те, кто был здесь почти полтора года назад, и они говорят, что такое рассказывали даже те, кто для них были «стариками» в момент появления в Зеро. Сейчас это напоминает рождественскую сказку, о которой мечтают синкеры темными ночами. Теоретически это может произойти, но шансы весьма малы.

— А во что еще здесь верят?

— Ну, на самом деле тут встретить можно всякое. Общество синкеров все-таки общество, поэтому есть разные группы по интересам, есть богатые и властные, есть рабы и изгои. Кто-то верит в бога, кто-то в оккультизм. Причем, последнее на полном серьезе. Собираются в культы и секты, устанавливают правила для своих членов. Но как по мне, это просто другая форма бандитских группировок. Люди хотят во что-то верить и быть частью какой-то группы, ведь это важно для выживания. И чем глубже спускаться в подземелье, тем выше вероятность натолкнуться на что-то странное. Синкеры живут не только в Зеро и Миносе, на глубинных станциях тоже есть жители, правда их становится меньше с каждым ярусом. Вообще глубоко почти одни сумасшедшие.

— Значит, тут можно встретить даже коммунистов и нацистов?

— Про коммунистов ничего не скажу, но нацисты... В каком роде такое есть. Многие объединяются в диаспоры по национальному признаку, и среди них есть те, кто ни во что не ставит тех, кто не является частью их народа. Но это не самые распространенные варианты, обычные банды головорезов встречаются куда чаще. Шайка Ли Дуна — яркий пример.

В этот момент открывается дверь, и входит остальная часть группы в рюкзаками.

— О, Марк, а ты быстро, — улыбается отец Григорий. — Что от тебя хотели?

Я быстро рассказываю всем, что именно произошло. При этом прихожу к выводу, что хочу рассказать товарищам о том, что являюсь участником эксперимента по работе с Deus Spiritus, а также о странных разговорах с Лакримозой и Звездами-и-Отражением. Они здесь дольше, поэтому могут что-то о таком знать, прошу лишь сохранить это в секрете от администрации и других синкеров.

— Да, здесь лучше не показывать, что ты чем-то выгодно отличаешься от других, — замечает Люциан после моего рассказа. — Но я никогда не слышал о такой вещи, как ДС.

— Я тоже впервые слышу. Возможно, это что-то новое, что после эксперимента будут давать всем новым синкерам, чтобы они быстрее развивались, — говорит отец Григорий. — Не исключено, что твой быстрый рост как раз связан с этим. Образ паровых механических легких и алого фонаря мне ни о чем не говорит.

— А что насчет моих галлюцинаций, где я беседую в душами умерших людей?

— Я не знаю, Марк, прости. Мне трудно в это поверить, так как души после смерти отправляются на мытарства и суд, после чего их ждет рай или ад. Так устроен мир согласно моим взглядам. Но подземелья таят в себе огромное количество тайн, которые мы можем

вообще не понимать. Возможно, ты столкнулся с чем-то таким.

— На самом деле я уже слышал нечто подобное, — вдруг говорит Кристиан, открывая консервы. — Это было на станции «Фурия», где проживают Очевидцы Апокалипсиса. Это, грубо говоря, религиозно-окультурная община синкеров, которая вообще не поднимается сюда. Они считают, что наш мир однажды был на грани великого разрушения, но опасность миновала, так как её источник замуровали в недра земли, а теперь были сняты печати и что-то в этом духе. При этом они поклоняются Леонардо да Винчи, считая, что он был величайшим магом древности, но скрывал это, оставаясь на страже мира.

— Ну и бред, — отвечает Люциан.

— Ты только культистам такое в лицо не говори, — шутит Эмбер.

— Так вот они говорят, что в подземелье по-прежнему живут духи последних защитников, что тоже оказались здесь в те древние времена, — продолжает Кристиан. — Также разыскивают останки тех, кого считают святыми, поклоняются им и делают другие странные вещи. Среди них много фанатиков, которые намного опаснее Ли Дуна.

— И если говорить о Ли Дуне, то стоит обсудить дальнейшие шаги, — слово берет отец Григорий. — Очевидно, что от нас он теперь не отстанет. Это человек, ослепленный ненавистью и гордыней, он не успокоится, пока не закончит дело. И даже в городах мы не можем чувствовать себя в безопасности, а в подземельях администрация в целом ни во что не вмешивается.

— При этом отсиживаться где-то у нас не получится, так как большого запаса баллов нет. Придется ходить на задания, — продолжает Кристиан.

— Вот именно. Общий фонд баллов нашей группы уже показывает дно, значит, придется взяться за настоящую работу на нижних ярусах. По пути сюда я поговорил с несколькими хорошими знакомыми среди других командиров. С одним из них мы договорились сходить вместе. Сейчас есть сразу несколько прорывов монстров, где не хватает бойцов, поэтому администрация увеличила вознаграждение за такие миссии почти в пять раз. В опасной зоне Ли Дун вряд ли будет устраивать разборки, а баллы нам очень нужны. У нас сутки на отдых, а потом отправимся на пятый ярус до станции «Минотавр». Марк, тебе придется остальное доучивать уже в боевых условиях.

— Я готов, — на самом деле я предпочту сражаться с монстрами, чем сидеть здесь, ожидая внезапного удара от Ли Дуна и его шайки.

— Но что им помешает напасть на нас по возвращению, когда мы будем уставшими и ранеными? — Люциан задает закономерный вопрос.

— Ничего, — отец Григорий лишь пожимает плечами. — Но жить в страхе мы все равно не будем. Ничего другого для нас не остается.

— А мне в любом случае нужны стимулы для развития. Думаю, на глубоких ярусах я буду развиваться быстрее, следовательно, буду более полезным, — во всяком случае на это надеюсь.

— И то верно, давайте есть, — лидер группы начинает негромко читать молитву перед едой.

Факт № 436Из всех опасностей в подземелье нашествие монстров считается самым критичным. Всегда есть риск того, что однажды подземные твари вновь найдут дорогу на поверхность и после этого больше не вернуться под землю, и продолжат терроризировать человечество там, где не получится прикрыться синкерами.

Очередной лифт спускает нас всё глубже в подземелья, где я еще не был. Разумеется, там будет намного опаснее, чем искать артефакты где-то ближе к поверхности. А толпы монстров, которые прорвались с нижних ярусов и повредили трубопровод вапориума, сильно легче миссию не делают. Скорее даже наоборот. Но хотя бы сейчас нас не пятеро.

Я оглядываю в полумраке фигуры стоящих синкеров. В команде хорошего знакомого отца Григория состоит семеро синкеров, так что нас в итоге двенадцать человек. Как я уже знаю, большие рейдовые отряды могут быть намного больше, и надеюсь, что текущего количества участников будет достаточно.

И, как понимаю, синкеры в целом не особо часто собираются в большие группы. Есть так называемая элита синкеров, которая берется только за самые сложные задания, купаясь при этом в баллах и других плюшках от администрации. Есть всякие банды, гильдии и культы, которые числом давят в городах и станциях. И есть все остальные, вроде нашей группы. Управлять большой группой сложно, и к тому же больше группа — меньше доход каждого члена. Разумеется, если внутри команды принято делиться поровну на всех.

В нашей группе все получают равные доли, но есть общий фонд, на который группа закупается всем необходимым. И туда мы все скидываемся перед закупом. А сразу скидываться отцу Григорию не стоит, так как подземелья опасны, и смерть всегда может наступить внезапно. Если один человек будет хранить все баллы группы у себя, а потом пропадет без вести или браслет украдут, то и с баллами можно будет попрощаться. Только высокоранговые синкеры имеют открытый «банковский счет», откуда администрация автоматически списывает баллы за все покупки. И вот оттуда уже никто не сможет украсть деньги.

Я не успел толком познакомиться с новыми товарищами, даже имена не все запомнил, так как мы спешили спуститься в глубже, опасаясь повторного нападения Ли Дуна. К счастью, первая половина пути прошла без происшествий, но самым волнительным будет именно возвращение. Банда Ли Дуна может круглосуточно дежурить у лифтов и засечь наше возвращение.

Ну и что мне с этим делать? Да ничего я сделать не могу. Это место, где выживает сильнейший. Я не могу купить благосклонность администрации или найти себе непобедимого телохранителя, вроде Мясника, поэтому мне просто нужно самому стать сильным и беспощадным, чтобы Ли Дун даже не думал о нападении на меня или моих товарищей. Цель понятна.

И даже способ её достижения кажется очевидным. Мне нужно повышать свой статус синкера, и тогда я могу без труда отбиваться от рядовых членов банд. Здесь тот, кто имеет больший статус, может приказывать тем, кто его не имеет. Я вспоминаю, как Клара Кольц приказала мне изобразить собачку, а после отказа подняла глаза к камере видеонаблюдения и сказала, что это нарушение правил. Теперь мне понятно, что за тем инцидентом действительно следили, а Клара получила формальное право делать со мной всё, что угодно.

Кристиан в день отдыха поведал, что администрация придумала эту фишку для того, чтобы синкеры стремились поднимать свой статус. А делать это можно только при выполнении миссий. За баллы покупать уровни статуса можно, но суммы там астрономические. Получается так, что администрация делает всё, чтобы лично под землей не появляться, но при этом заставлять синкеров работать. Проголодался? Тебе нужны баллы на покупку еды. Велком в подземелье убивать монстров или еще что. Ну, или можешь попробовать отобрать в бою у других синкеров.

Или не нравится, что тебя могут принудить выполнить какой-то приказ? Например, прикажут отдать все честно заработанные баллы просто потому, что твой статус ниже. Можешь, конечно, не подчиниться, но тогда требующий получит формальное право затеять драку и принудить силой. И администрация не вмешается, даже если тебя будут в переулке в кровавый понос затаптывать. Или ты можешь выполнить приказ, и тогда тебя тронуть не смогут, а если все же нападут, прозвучит звуковой сигнал. Если его проигнорировать, явится Мясник или кто-то из его коллег.

Но фишка в том, что если тебя хотят убить, то способ всегда найдут. Например, прикажут подпрыгнуть на пять метров в воздух. Ты чисто физически не сможешь выполнить такой приказ, но это тоже будет считаться нарушением статусной политики. Да тебя могут просто зажать на улице и без каких-либо разговоров нанести несколько быстрых ножевых ранений или всадить пулю в затылок. Практика показала, что администрация на такое закрывает глаза, если сделано быстро.

Выходит, что каждый стремится подниматься в статусе, и для этого приходится работать. И все боятся стать изгоями, так как нахождение в группе тебя защищает от таких нападков. Лидеры группы обычно имеют высокий статус и могут вмешаться. А если ситуация накаляется, то вся команда вступит в бой, который точно разнимет администрация, так как массовые сражения под запретом. Конечно, есть исключения, как, например, выходка Ли Дуна.

Но на пятом ярусе, куда мы сейчас спускаемся, статусы и баллы не имеют никакого значения. Монстры стремятся убивать людей, и их нельзя остановить приказом или своими привилегиями. Там все синкеры в одной лодке. Сейчас мы спускаемся на лифте к станции «Минотавр». Кристиан оказался большим знатоком художественной литературы, хотя по внешнему виду и не скажешь. Я удивился, когда узнал, что начальник этого добывающего центра назвал станции не от балды.

Минос, Цербер, Плутос, Флегий, Фурия, Минотавр, Герион, Коцит — это стражи этажей ада из «Божественной комедии» Данте. Только самая глубокая станция названа в честь ледяного озера, в котором, кажется, был замурован сам Люцифер. Когда я спросил, почему первый город назвали Зеро, а не Лимбом, Кристиан ответил, что Зеро — лишь конец Лимба, а начинается он в подготовительном корпусе.

Размышления прерываются остановкой лифта, значит, мы спустились почти на двадцать пять километров под землю. На поверхности это не считается огромным расстоянием, но вглубь даже представить страшно. По факту мы сейчас находимся на глубине более двух Марианских впадин, с той лишь разницей, что вокруг нет давящих масс океана. Но с другой стороны тут жарко, я чувствую, как вспотела спина. Под землей ветра не бывает, и только система вентиляции спасает спускающихся сюда синкеров.

«Ну, и еще охлаждающие установки», — думаю я, когда до слуха доносится равномерный гул вентиляторов, распространяющих не только свежий воздух с поверхности, но и еще и

холод. Без этого глубокие ярусы действительно стали бы Гееной огненной. Понятно, почему глубже подземелья не копают, так можно дойти до мантии Земли. И у меня есть большие сомнения относительно того, что там есть вапориум или есть возможность его добывать.

Мы молча идем в две колонны по коридору, укрепленному огромными стальными столбами. Тут всё построено прям основательно, что может говорить о другой серьезной проблеме, связанной с землетрясениями. Постепенно коридор приводит к большому залу, настоящей железнодорожной станции. Прямо передо мной стоит внушающий трепет локомотив, который легко может тащить за собой десятки вагонов с горными породами на вывоз.

Колеса локомотива с меня ростом, поэтому вблизи приходится задирать голову, чтобы увидеть его целиком. Сейчас состав стоит на месте, но из труб постоянно вырывается пар, значит, двигатель внутри работает, просто поршень не передает на ведущее дышло тяговый момент. На занятиях в подготовительном корпусе рассказывали устройство паровозов и подземной железной дороги, но именно управлять паровозом не учили. Я лишь знаю, что вождением составов, строительством шахт и добычей вапориума занимаются обычные шахтеры. Основная задача синкеров — сдерживать монстров, ведь обычные люди с ними не справятся.

Также я в курсе, что шахтеры здесь работают вахтовым методом, получают отличные зарплаты, но работа здесь весьма опасна и тяжела. Обычные люди и синкеры вообще не пересекаются, у шахтеров свои места отдыха и подъема на поверхность, туда синкеров не пускают. Даже сейчас я могу лишь догадываться, что происходит в кабине машиниста, так как окна и двери задраены стальными люками.

А вот в стороне можно заметить огороженное стеной сооружение, где переплетается множество труб, входящих в каменную коробку. Это уже насосная станция, которая нагнетает давление в трубах, чтобы поднимать баррели чистого вапориума на поверхность, где его будут очищать. Нынешний баррель равен 128 литрам, такова вместимость стандартных укрепленных цистерн.

— Нравится? — спрашивает отец Григорий. — Здесь работа всегда кипит.

Мне остается кивнуть, смотря на еще один прибывающий из тоннеля состав. У него вместо думпкаров, вагонов для сыпучих материалов, вагоны-цистерны. Возможно, там вода, масло или еще что-то, необходимое для добычи вапориума. Или даже сам вапориум, если железная дорога может спиралью подняться до поверхности. На цистернах куча обозначений и кодовых чисел, я их не знаю.

После того, как оба состава покинули ж/д-станцию, открылся мост на другую сторону, куда мы и направляемся. Там очередной недолгий спуск на лифте, и мы оказываемся рядом со станцией «Минотавр». Внутрь, правда, заходят только отец Григорий вместе с командиром другой команды. В сам Минотавр нам сейчас заходить не нужно, только узнать последние новости.

Я присаживаюсь у стены, смотря на новенькую винтовку в руках. Она паропневматическая, баллон с паром отвечает за то, чтобы отправлять снаряд в полет на огромной скорости. Скорость снаряда подчас превышает обычное огнестрельное оружие, а сам снаряд тяжелее, поэтому это более эффективное оружие против монстров. Так как мне не нужно в бою быть на передовой, то буду стрелять, хотя огневую подготовку я проходил только теоретически.

Краем глаза замечаю, что пара человек из второй команды вдруг встает и достает

коврики. Потом они сверяются с компасом на браслетах и начинают намаз, если я правильно понимаю, смотря при этом в одну сторону. Халифат Алвар — крупнейшая исламская страна мира, откуда многие приезжают, поэтому даже на родине мне доводилось встречать такое. Ну, мне на самом деле все равно. Отцу Григорию вера явно помогает жить здесь, эти двое тоже не исключение.

Снова смотрю на оружие, за которое пришлось отдать все свои проценты и часть общих. Однако получилось приобрести очень дешево только потому, что покупали с рук. У отца Григория на самом деле много полезных связей. Он не может их позвать на помощь в схватке против Ли Дуна, но в других ситуациях способен договориться о многом.

Заботливо глажу удлиненный ствол ружья, напоминающего снайперскую винтовку. У нее даже есть ночной прицел, но пока что выключен, чтобы не тратить батарейки. Но основная конструкция отличается от обычного оружия. Серый баллон внизу ствольной коробки занимает больше всего места. Пневмопаровому оружию не требуется отстреливать гильзы, а обойма вмещает двадцать пуль. Последние напоминают завинчивающиеся саморезы ромбовидной формы. Наверное, для пробивания шкуры противников, стрелять дробью малоэффективно.

В этот момент возвращаются ушедшие командиры с большим ящиком. Оказывается, ситуация на участке прорыва монстров стала серьезнее, так как поврежден трубопровод, и вапориум выливается в тоннели. Закачку на участке остановили, но ремонтные бригады не могут туда выдвинуться из-за монстров, поэтому нашему сборному отряду нужно отбить место разгерметизации трубы и заделать дырку.

Я вспоминаю лекции в подготовительном центре, поэтому узнаю принесенный ящик. Там находится шахтерское оборудование для поставленной задачи: защитные комбинезоны, стальные заплатки, сварочный аппарат и другие вещи. Когда дело касается заделывания дырок в трубах, администрация всё необходимое выдает бесплатно, правда, потом придется возвращать. Теперь нам нужно будет тащить еще это.

Отряд поднимается, и первые двое носильщиков берутся за тяжелый на вид ящик. Теперь начинается последний рывок до места выполнения задания, поэтому я чувствую приближающееся волнение, так как до этого монстров видел только из фото-хроник прорывов на поверхность. Конечно, еще изображения показывали во время подготовки, и понятно, что просто не будет, если монстров очень много.

Путь до участка теперь замеряется дистанциями от одних гермоворот до других. Нижние ярусы сплошь ими застроены, иначе монстры могли бы очень быстро достичь поверхности. Сам трубопровод я не вижу: либо он где-то в стороне, либо просто вмурован в земные породы, что на самом деле логично. Но не стоит ждать, что трубы будут прокладывать очень глубоко относительно поверхности тоннелей, так что утечки возможны.

— Меняемся, — раздается позади. А вот и моя очередь подошла.

Вместе с Кристианом поднимаем за ручки ящик. Он действительно тяжелый, с таким шарахаться по подземелью то еще удовольствие. Тут бы пригодилась суперспособность уменьшения веса предметов, если такая вообще существует. Я понимаю, что не в курсе способностей членов другой команды, поэтому узнавать придется в бою.

— Дальше развилка, — говорит синкер из союзной команды. — Если пойти налево, то придем к прорыву к трубе. Там много монстров. Но того же места можно достичь и по правому пути. Туда можно будет завлечь монстров и закрыть ворота.

— Там есть место для сражения? — спрашивает отец Григорий.

— Да, там старый транспортный узел, места много.

Я удивляюсь памяти этого синкера, но потом Люциан шепчет, что у него такая суперспособность — он может смотреть сквозь стены и видеть маршруты. Очень полезное умение в подземелье, и я не могу не согласиться.

— Я предлагаю разделиться. Прорыв в трубе большой, но защитных костюмов только пять. Мы собаку съели на ремонте труб, поэтому сможем сделать всё очень быстро. Двое наших пойдут с вами, и вы зайдёте справа, после чего сагрите монстров и уведёте от трубы, а мы зайдём слева и приступим к ремонту.

— Добро, — кивает отец Григорий. — Только дайте нам самых полезных в бою.

— Жак и Мелисса вам помогут. Дамагер и саппорт.

Два незнакомых синкера, мужчина и женщина, переходят в нашу команду, которая направляется направо.

— Ты тоже саппорт? Я Мелисса, приятно познакомиться, — произносит незнакомка в странном свободном одеянии. Но я могу догадаться, что плащ и туника нечеловеческого производства, а артефакт.

— Да, целитель. А ты?

— О, круто. Я усиливаю союзников. Жак управляет огнем.

На мой взгляд это может быть полезными способностями, но неизвестно, как всё пройдет. Освещение в этой части подземелья тусклое, но фонарики пока не включаем, пока не доходим до старой транспортной развязки. Люциан матерится, так как здесь всё

обесточено.

— Ничего, разберемся, — уверенно произносит отец Григорий. — Люц, твой выход, примани тварей к нам. Они пойдут из того прохода. В нем и встретим их.

— Лучше забраться туда, — говорит Кристиан, показывая на каменное возвышение, где раньше стояли поездные погрузчики. — Будем на высоте, и к тому же со спины на нас напасть не смогут.

— Хорошая идея. Я и Кристиан будем танками. Люц, Эмбер, Жак: на вас уничтожение монстров. Марк и Мелисса: поддержка. Кстати, Марк, потренируйся в стрельбе, но не расходуй больше половины боекомплекта. Итак, с богом.

Когда мы заняли позиции, в шахте появляется сильный ветер, который уносится в шахту. Люциан и другие начинают громко кричать, а ветер точно донесет звуки до ушей монстров. И скоро я действительно слышу топот множества ног и хриплый рыки. Вот-вот всё начнется.

Факт № 3 Происхождение подземных монстров — одна из самых цитируемых загадок современности. С точки зрения биологии и других наук не получается дать однозначный ответ на вопрос о том, как монстры там появились. Под землей нет подходящих условий для развитых животных: им нечего есть, кроме друг друга, нечего пить, но большинство при этом имеют организм высших млекопитающих. Но это не единственная загадка. Например, до сих пор неясно, почему трупы монстров на поверхности разлагаются до биомассы в течение получаса, но живые от этого не страдают.

Пальцем нажимаю на кнопку, чтобы начал работать нагревательный элемент. Он тесно соприкасается с днищем баллона и нагревает среду в нем, приводя газы внутри в состояние пара. Правда, не до конца, так как стенки баллона не особо толстые, а винтовка может взорваться в руках, если переборщить. Причем, взорвется скорее всего с моей головой и руками.

К счастью, нагревательный элемент конструктивно не может нагреть сильнее определенного предела, поэтому следить за этим не нужно. Мои глаза сейчас не отрываются от прохода, в который были брошены осветительные фэйеры. Клубы красного дыма также разрезают лучи налобных фонарей, сражаться в полной темноте было бы глупо.

Звуки приближающихся монстров становятся громче, а потом первые вылетают из поворота и несутся к выходу в транспортный узел. Как-то еще привлечь внимание к себе не потребовалось, жители подземелья сразу находят нас и бросаются навстречу гурьбой. Теперь я могу рассмотреть их получше.

К счастью, в летящей на нас волне присутствуют одни лишь миноры, то есть самые слабые и многочисленные монстры. Они напоминают крупных обезьян, только с прочной шкурой и острыми клыками. На четырех лапах они несутся к нам, а игра разных цветов создает на их телах причудливые узоры. Так уж получается, что мой первый выстрел становится первой атакой за сегодня.

Сильная отдача бьет в плечо, но на таком расстоянии и по такой толпе промахнуться затруднительно. Конечно, полет пули я рассмотреть не смогу даже при хорошем освещении, но смог заметить, как одного монстра швырнуло назад с большой силой, и по нему теперь топчутся его сородичи. Я засел на бетонной коробке, где место только для одного, и с этой позиции вижу всё поле боя и не боюсь случайно попасть по своим.

Монстры, как и ожидалось, пытаются окружить, и это было бы опасно, если не присутствие отца Григория. Наш лидер вполне может прикрыть отряд энергетическими щитами с обоих боков, а в центре дорогу перегораживает Кристиан с каменной кожей. Остается радоваться, что враги не обладают развитым интеллектом и атакуют первого оказавшегося в поле зрения, а именно нашего танка, которому после боя придется переодеться из лохмотьев, но само тело играюще выдерживает когти и клыки чудовищ.

Я продолжаю аккуратно стрелять, а потом в игру вступают наши основные дамагеры. Из земли вокруг вырываются янтарные столбы, убивающие нескольких монстров, но я догадываюсь, что основная задача была не в этом. Эмбер постепенно создает вокруг бастион, чтобы отцу Григорию не приходилось поддерживать щиты постоянно. Я и глазом моргнуть не успел, как теперь с боков нас прикрывают стены из странного светящегося янтара, а спереди выросший «лес» заставляет монстров петлять между «деревьев», теряя

разбег и мешая друг другу.

Опускаю взгляд и вижу, как Мелисса кладет руку на спину Жака, после чего вокруг последнего образуется слабо светящееся поле или даже аура. Нетрудно догадаться, что она усиливает союзника, хотя я не представляю, как это работает с паранормальными возможностями. Жак вскидывает руки, и впереди вспыхивает облако яркого огня. Мне приходится зажмуриться на пару секунд, так как в темноте подземелья это куда ярче смотрится, чем где-нибудь на поверхности.

А вот монстрам можно лишь посочувствовать, так как обугливаются ребята до хрустящей корочки. Сверхъестественный огонь не имеет видимого источника, но жарит куда сильнее любого огнемета. Подземный зал теперь наполнен воплями и визгами существ, которые при этом не убегают. Да, это может показаться странным, но «обезьяны» не отступают. Даже неразумное животное, даже лев или тигр отступят, если их напугать огнем, не говоря уже о том, чтобы сильно подпалить. Но у монстров впереди инстинкт самосохранения словно выключен на генетическом уровне. Или они как роботы, прущие напролом. Я не помню, говорили ли об этом на занятиях.

При этом монстры продолжают прибывать, поэтому Эмбер и Люциан тоже подключаются в атаку. С потолка падают янтарные кинжалы, а Люциан накачивает кислород в пламя Жака, заставляя последнее пылать еще жарче и ярче. В этом большая польза дамагеров, ведь обычными средствами с такой оравой быстро не получилось бы справиться. Я не позволяю себе стоять с открытым ртом, но при этом помню, что нужно оставить больше половины БК на непредвиденный случай.

Проходит несколько минут, но, кажется, что их пролетели десятки. Поток монстров, наконец, заканчивается, и можно немного выдохнуть. Правда, дышать тут теперь затруднительно из-за вони паленой плоти и недавнего пожара. От этого даже немного тошнит, а также здесь потолочные системы кондиционирования словно работают в полсилы.

Сейчас в воздухе парят факелы, правда, без самих факелов, Жак просто зажег источники света, чтобы не тратить батарейки. Всё вокруг завалено обугленными и растерзанными трупами монстров, и больше никто не прибывает.

— Ну, кажется, это всё. Остальные уже должны работать над заплаткой трубы, нам туда лезть не стоит, — произносит отец Григорий.

— С минорами редко бывает сложно, если отряд подготовился и занял лучшее место для обороны, — говорит Жак, носящий бандану на голове. — Но все же хотелось бы проверить, что там всё под контролем.

— У нас нет защитных костюмов, — заявляет Кристиан. — Окажемся в токсичной зоне — тут же все поляжем.

Я участия в обсуждении не принимаю, так как опыт проходца у меня пока мизерный. Но в голову приходит мысль, которая до этого никогда не посещала голову. А почему синкеры не используют радиосвязь? Администрация продает множество вещей с поверхности, но я не видел в киосках ничего похожего на рации. Тихо спрашиваю Люциана об этом.

— А, так рации в подземелье не работают, — сразу получаю ответ. — Я не знаю, почему именно. Говорят, залежи железной руды блокируют сигналы. Другие все валят на магнитные аномалии близ мантии планеты. Или еще какие-то причины придумывают, вплоть до влияния вапориума. Так что в магазине нет таких товаров, а связь с ярусами есть только стационарная, по проводу.

Ничего не понял, но Люциан и сам не в курсе. Похоже, придется принять как данность. В это время все же было решено немного пройти по коридору до места прорыва на тот случай, если какие-то монстры остались там. Выстраиваемся в правильном порядке и отправляемся, а я стараюсь не наступать на трупы монстров, но это довольно трудно из-за их количества.

Тоннель ведет нас вперед, а потом поворачивает налево. Мы снова включили фонари, так как открытый огонь может создать взрывоопасную ситуацию при контакте с добытым вапориумом, хотя это не похоже на реакции контакта огня и бензина или огня и природного газа. Точнее, взорваться может, а может и не взорваться. Например, начнет бесконечно тлеть, прожигая даже толстенную сталь. Или выбросит клубы сверхядовитых газов, полностью став газообразным.

По пути ничего опасного не встречается. Ни монстров, ни разлитого вапориума, хотя я даже не знаю, как он выглядит во свежедобытом виде. Не могу даже вспомнить из лекций, что именно происходит при добыче. Похоже, пора снова поднимать вопрос о продолжении движения, но тут становится светлее. Это не свет фонарей, источник равномерно светит во все стороны и имеет фиолетовый оттенок. Даже не представляю, что может так светить, но мои товарищи о чем-то догадываются.

Отец Григорий приказывает всем отступить, но путь к бегству неожиданно перегораживают потоки слизи, стекающей с потолка длинными соплями. Только сейчас я замечаю, что на потолке расположены какие-то прозрачные мешки с этой субстанцией.

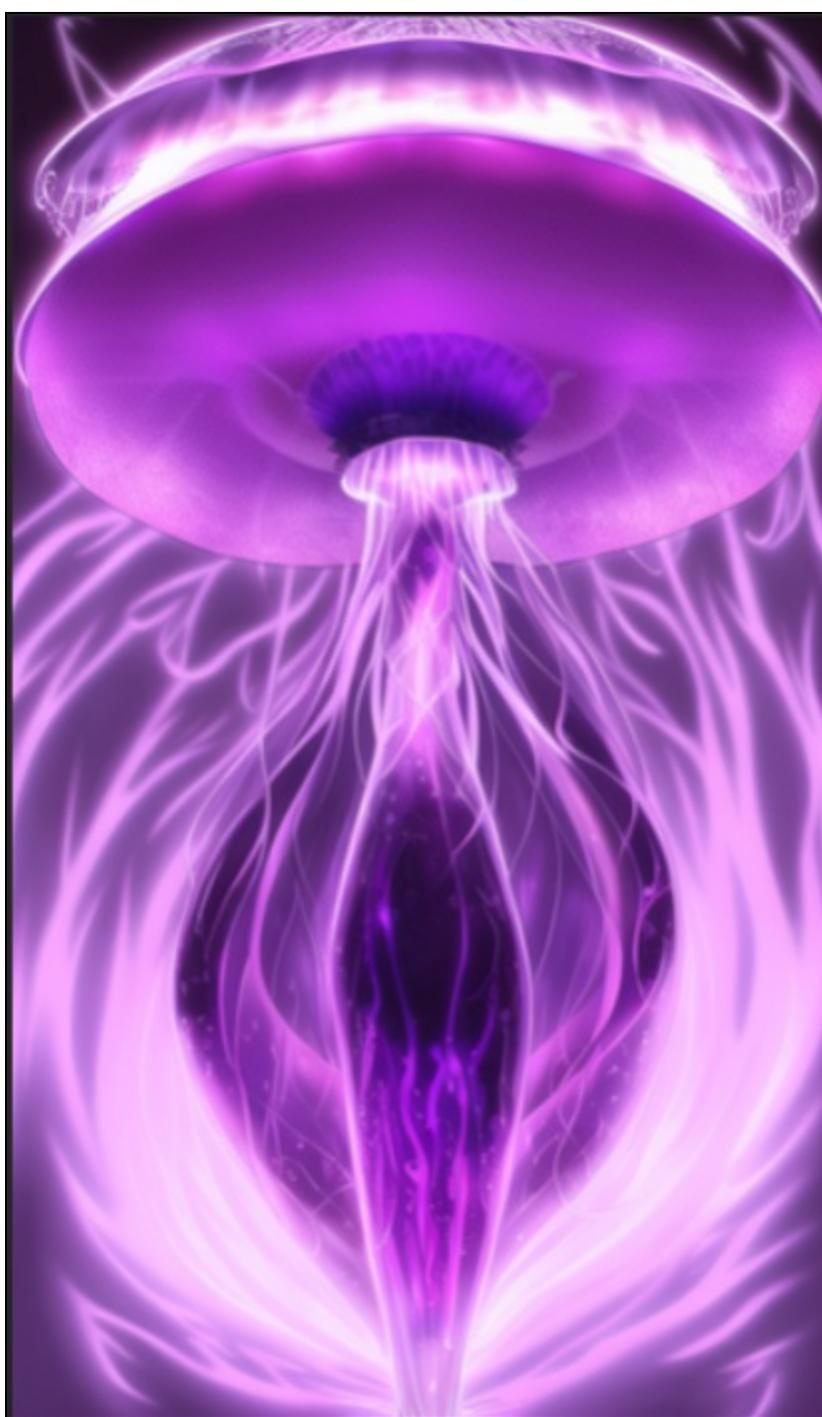
— Фак, это пойзонер! — произносит Мелисса рядом.

— Пойзонер? Какой-то босс? — я помню, что синкеры уникальным противникам дают свои прозвища.

— Да, это очень опасный монстр из класса боссов. Генерирует просто сумасшедшие токсины и яды из своего тела. Ближний бой с ним чрезвычайно опасен.

— Эмбер, сделай нам проход, — распоряжается отец Григорий, а я смотрю на усиливающийся фиолетовый свет, пока из-за угла не показывается босс, который заставил всех всполошиться.

Пойзонер похож на гриб или скорее на медузу. Монстр просто левитирует над землей, и вниз постоянно капает жидкости его тела. Очень похоже на субстанцию, которая сейчас перекрыла нам путь для отступления. В условиях подземелья новый противник похож на летающий фонарик фиолетового цвета, тянущий тонкие хвосты во всех стороны. Глаз у создания не видно, так что именно так оно и ориентируется в пространстве. Других догадок у меня нет. Студенистая шляпка мерно покачивается во время перемещения, а особо большая сопля, тянущаяся вниз, постоянно пульсирует рисунком вен.

«Интересно, а какой именно орган жизненно важен для пойзонера?» — интерес у меня чисто практический, винтовку уже направил на врага, который не выглядит таким уж опасным. Боссов я представлял как многотонных рогатых чудовищ с ненормально огромной мускулатурой и злодейским хохотом. Но волнение товарищей передается и мне.

— Всё, ходу-ходу-ходу, — приказывает отец Григорий, и все бегут обратно, проходя под аркой из застывшего янтаря, созданной Эмбер.

Однако наше бегство привлекло внимание пойзонера, который неожиданно ускоряется. Это теперь ни разу не медуза, которая плывет себе потихоньку в океане при помощи ритмичных движений. Теперь это больше осьминог, который при необходимости может рвануть стрелой от опасности или за добычей. А за собой пойзонер оставляет не чернила, а дорожку из жидкости, на которую, наверное, даже смотреть не стоит.

— Черт, у нас проблема! — кричит Кристиан, находясь впереди всех.

Когда я добегаю к выходу из тоннеля, то вижу, что трупы убитых нами чудовищ быстро разлагаются в лужах темно-фиолетовой жижи. В голове возникает закономерный вопрос о

том, как пойзонер сумел это повернуть, находясь за нами, но задавать его времени нет, так как получаю приказ задержать босса, пока Эмбер создает мост над разлитым ядом.

А пойзонер уже рядом и получает пулю прямо в отросток, растущий из шляпки. Но кажется, что такому телу подобные проникающие раны вообще не страшны. Атака Люциана и Жака становится результативнее, отбрасывая монстра назад и оставляя на теле ожоги. Правда, это приводит к тому, что монстр выделяет еще больше слизи, которую словно невозможно толком поджечь.

Основным танком сейчас становится отец Григорий, значит, каменная кожа не защитит Кристиана от яда. Мелисса усиливает нашего лидера, который воздвигает целую стену, переливающуюся белым светом, а в центре имеет рисунок креста. Пойзонер бьется о барьер, но пробить его не может, лишь отпрыгивает как мячик.

Я оглядываюсь и смотрю на работу Эмбер, которая уже наполовину построила мост через отравленную область. Эта работа явно сложнее создания арки, ведь мост должен выдержать несколько человек. Пойзонер не оставляет попытки пробиться через мощный барьер, и выигранного времени хватает на завершение строительства моста.

По одному все забегают на узкий мост без перил, где стоит следить за равновесием, чтобы не упасть. К счастью, удалось перебежать без происшествий, но отцу Григорию пришлось перестать поддерживать барьер, поэтому босс тоже вылетает в зал, освещая его тусклым светом. Не знаю, как я умудрился это заметить и среагировать, но моя правая рука перехватывает еле заметное щупальце, которое вот-вот должно было обвить шею уставшей Эмбер.

Остальные заторможено смотрят на то, что один из них только что чуть не распрощался с жизнью, но теперь судьба другого, то есть меня, под большим вопросом. Резкая боль разливается по руке, но я достаточно разогрет, поэтому активирую «Презрение к боли» и откидываю щупальце монстра.

— Ну что смотрите? Бежим или сражаемся? — я предпочту первый вариант.

— Бежим, — подхватывает отец Григорий, а все дамагеры группы наносят общий удар по врагу, заставляя отлететь в другую часть зала. Потом дружно бежим отсюда на всех парах до первых гермоворот, которые сразу закрываем за собой. Только сейчас можно отдышаться, хотя мои проблемы, кажется, только начинаются.

— Марк, ты как себя чувствуешь? Яд пойзонера должен жечь сильнее огня, — Эмбер встревоженно смотрит на мою посиневшую руку, но трогать, конечно, не будет.

— Болит, но я себе могу сделать анестезию, так что терпимо.

Полностью избавиться от боли не удалось, но теперь словно сунул руку в крапиву: неприятно, но и не то чтобы терять сознание от боли. Но это временное решение, полностью понимаю, так что точно потребуется медицинская помощь.

— Антидота от яда пойзонера нет, либо выживешь, либо нет, — говорит отец Григорий. — Многим удавалось выжить, хотя состояние отравления было жутким. У тебя есть способности к исцелению, так что шансы у тебя очень высоки, но будет непросто.

— Проблема не только в этом, — говорит Жак, снимая бандану, за которой оказываются красные волосы.

— Да, проблема не только в этом.

В чем именно она, я так и не понял, ведь во время «Регенерации тканей» в глазах у меня померкло, а тело упало на землю уже без сознания. Мне кажется, что мир вокруг перестает существовать, или вообще был сном. Да, это был странный сон, где я зачем-то прибыл в

Атлантическое Содружество (кстати, где это?), а потом меня насильно завербовали в авантюристы, чтобы бороться с монстрами в подземельях.

Я открываю глаза и смотрю на рабочий стол, заваленный справочниками и исписанными листами, на которых толпятся различные формулы. А прямо передо мной открыта книга, где художник изобразил строение внутренних органов дракона. Там сделано множество моих пометок о том, как лучше доставить яд таким образом, чтобы даже такой могущественный организм с ним не справился.

— Мне нужен яд, который убьет даже бога, — говорю я себе, но что-то во всем этом не дает мне покоя. Такое ощущение, что я теряю связь с реальностью. Может, я всё еще сплю?

— Господин, вам не стоит столько работать, — раздается мужской голос за спиной. — Нужно отдыхать, чтобы работа была эффективной.

Мне не нужно оборачиваться, чтобы узнать говорящего. Я знаю, что это слуга моей семьи по имени Никром, который помогает нашей семье долгие годы, а меня так и вовсе растил с младенчества. Он хороший слуга, но всего лишь слуга.

— Отдохну, когда с драконом будет покончено. Эта тварь имеет непробиваемую шкуру и иммунитет к магии, значит, нам нужно такое оружие, где его преимущества ему не помогут. И кто, если не я, величайший алхимик континента, Амодей Литферрел, сможет создать такой яд? Отдых отложим на потом, а сейчас мне нужно испытать новую формулу. Просто принеси еду в сюда, как обычно.

— Как прикажете, господин.

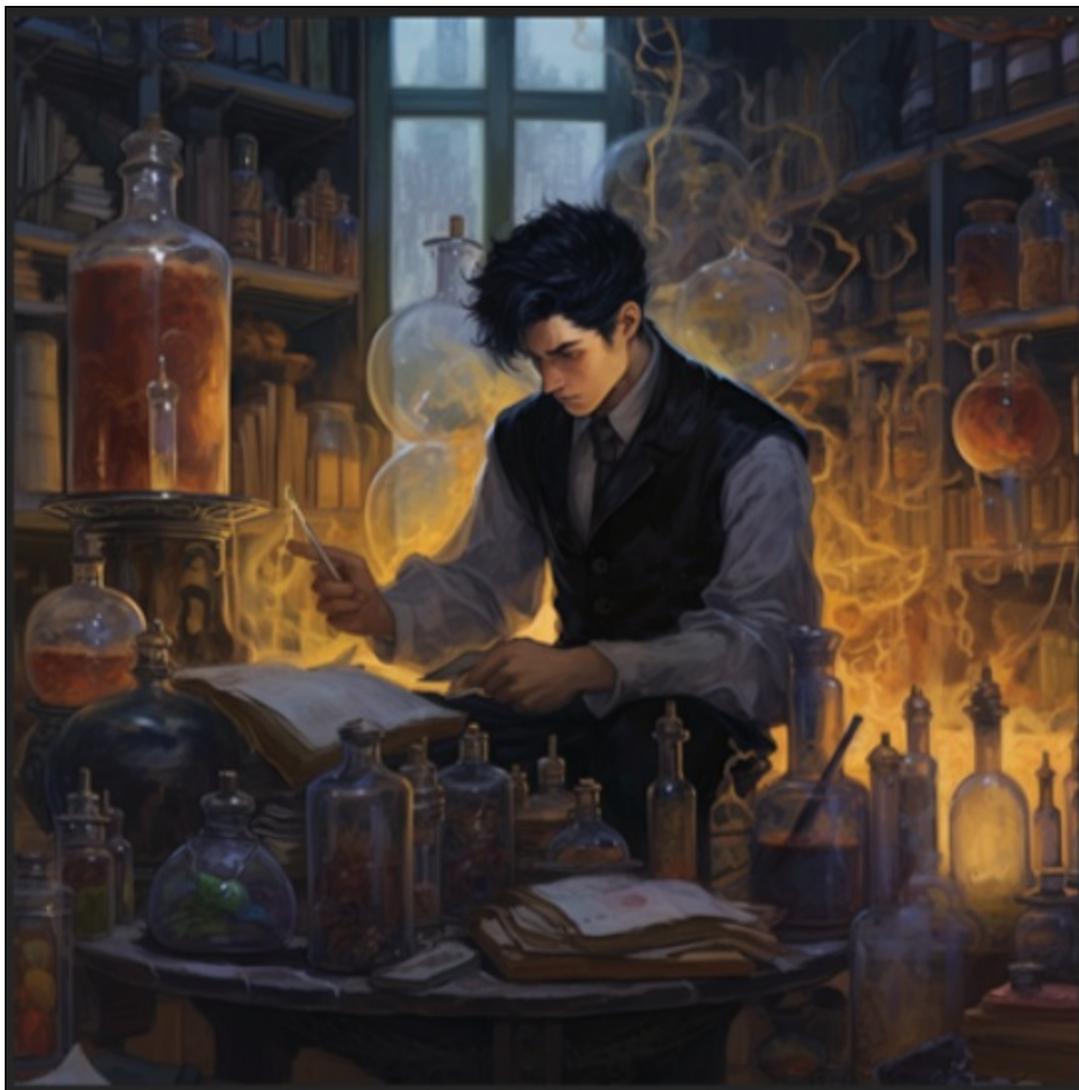
Я слышу, как за спиной закрывается дверь, но потом забываю об этом, так как меня ждет очередной день труда над оружием, которое нельзя выковать или зачаровать, но по разящим свойствам оно переплюнет любые артефакты и подарки богов. И все ради того, чтобы Клоака закрылась навсегда...

Глава 21

Факт № 332 Драконы — в этом слове сплетаются????? и уважение. Только драконы и люди????? быть благородными и????????? в зависимости от конкретного?????????. А Клоака — ходячий????? который????????? всё подряд, но не может успокоиться. По легендам, если не останется во??????????? ничего другого, Клоака????????? сама себя, положив начало взрыву новой??????????????????.

Я продолжаю работать над формулой, а в окнах уже светит солнце. Бессонная ночь осталась позади, и я стал на шаг ближе к успеху. Даже не на шаг, а на целую милю. И пусть болит спина и слипаются глаза, формула готова.

Отложив записи, я оглядываю лабораторию с столами и стульями. На одном столе у меня множество алхимических приборов, из которых я составляю циклы реакций. Это сложная наука, требующая внимательности и способности представлять схемы взаимодействия веществ. Один талант дается от природы, другой приобретается на практике.

Один из столов завален книгами, которые я доставал с полок или приносил из библиотеки замка. Другой заставлен результатами прошлых опытов. Содержимое большинства банок и пробирок отправится в Ядовитую Могилу, которая есть у любого уважающего себя алхимика. Чем Могилы глубже, тем выше опыт того или иного мастера, это как зримый показатель количества проб и ошибок на пути к совершенству. На еще одном

столе стоит поднос с остывшей едой, к которой я совсем немного прикоснулся. Да, телу нужно питаться, но я просто не мог надолго отвлечься от работы.

За спиной сейчас в котле бурлит последняя проба придуманного яда, который сможет убить дракона, отсвет золотого барьера падает на исписанные страницы, пока я проверяю формулу в тысячный раз. Разумеется, яд, который может убить дракона, для человека тем более опасен, поэтому чары сдерживают возможное распространение вещества в комнате. По моим расчетам свое губительное действие яд раскрывает именно при соприкосновении с живой плотью, поэтому будет достаточно унести в зачарованных пробирках.

Одновременно сложно и легко сделать так, чтобы яд оказался в Клоаке. Эта драконица и так поглощает что не попадая, но яд не окажет должного эффекта, если будет просто проглочен и окажется в пищеварительной системе. Там слишком агрессивная среда, которая нивелирует действие яда. Нет, нужно попасть в кровеносную систему, где яд начнет видоизменять саму структуру тела, разрушая и перестраивая таким образом, что даже драконий организм развалится на части в течение некоторого количества времени.

Но как Клоаке нанести рану? Нет такого оружия или магии, что пробьют шкуру и кожу безумной драконицы. Даже бить в пасть или глаза бесполезно. Но вот если нанести удар изнутри... За спиной раздаётся шипение, и я оборачиваюсь, смотря на результат бессонной ночи. Получилось изготовить всего один флакон, в котором переливается фиолетовая светящаяся жидкость.

Обычно самые страшные яды выглядят невзрачно, но конкретно эта полученная субстанция, которая еще не имеет названия, даже выглядит зловеще. Я намертво вкручиваю пробку и заливаю сургучом, на котором перстень оставляет фамильный герб Литферрелов: капля яда в окружении цветов и плюща. Отпечаток герба тут же наполняется магией, которая делает выход из флакона непроходимым для жидкостей, паров и тем более твердых тел. Только я смогу снять эту печать, когда придет время.

Но даже сейчас отдыхать нельзя, ведь толку от моих усилий, если яд не применить по назначению? Именно поэтому следующие часы я занимаюсь сбором в дорогу, не слушая мнений семьи. Судьба распорядилась таким образом, что я родился в богатой семье, всегда был сыт и получил первоклассное образование. Другим так не повезло, и это без учета Клоаки, что терроризирует наше королевство. Если я не доведу дело до победного конца, то моя жизнь не будет иметь смысла и никогда не останется в общечеловеческой истории.

Путь до границы государства занял порядка недели, и чем ближе ты к местам нападения драконицы, тем более печальным выглядит зрелище. Вооруженные кордоны, изнуренные воины, вытопанные города, выпитые озера и даже от гор кто-то откусил большие куски. Очевидно, что это дело Клоаки, драконицы, что потеряла одновременно и разум, и гордость. Даже тело у нее раздулось под напором незнакомых мутаций, а пасть получила возможность раскрываться до невероятных пределов. Желудок Клоаки сейчас может глотать и переваривать что угодно, но ничто не способно утолить страшный голод.

В пути получил письмо от старого друга, который помог с поиском ингредиентов и проклятых металлов для приготовления яда. Он сообщил, что нашел способ нанести дракону рану, причем удар будет нанесен изнутри, где нет прочной шкуры. План постепенно исполняется, и это не может не радовать.

Таким образом скоро я оказываюсь на границе, где раньше был лес, а теперь буквально пустыня. Клоака больше не может изрыгать огонь, но вместо этого её часто тошнит желудочным соком, что подобно великим кислотам растворяет всё вокруг. И в случае этого

монстра изрыгание сока может напоминать небольшое наводнение.

— Рад тебя видеть, Амодей, — произносит мой старый друг по учебе в столице. — Как прошла поездка?

— Привет, Крец. Всё нормально, наше последнее оружие доставлено в целости, — я хлопаю по футляру, в котором меж мягких подушек покоится флакон.

Крец ныне занимает пост одного из верховных судей, поэтому носит темно-красные одеяния, что символизируют работу с чернотой людских помыслов, а красный цвет — это кровь в качестве наказания за нарушение грехов. И выглядит старый друг таким же уставшим, как и я, ведь у него тоже много работы, которую он не может спихнуть на других.

— Рад слышать. Ты прибыл вовремя, разведчики докладывают, что Клоака зашевелилась и скоро вновь может отправиться на поиски пропитания.

— Отлично. Но что за способ ты придумал для нанесения раны? Это должен был гарантированный способ, ведь второй попытки не будет.

— Не переживай, всё предусмотрено. Если не хочешь отдохнуть после дороги, то идем за мной.

— Какой отдых? Я просто не усую на месте, — уверен, что моя улыбка выглядит уставшей, но разум действительно не найдет покоя.

Вместе мы отправляемся в лагерь королевских войск, которые призваны сдерживать драконицу, если она попробует пройти вглубь страны. Вот только мечи, копья и стрелы бесполезны, как и великая магия. Собранное ополчение сгодится только на закуску монстру, и по атмосфере в лагере легко догадаться о тяжести дум солдат.

Крец подводит к огороженному участку, где между шатров расположен узник в кандалах. Тяжелые цепи свисают с голого мускулистого тела и оканчиваются на вкопанных в землю столбах. Взгляд узника абсолютно пуст, но я больше обращаю внимание на цепочки рун, которые подобно вторым цепям обвивают всё тело: от головы до пят. Это отличительный признак Духовных Клинков из Аматии.

— Это подсудимый? — спрашиваю я.

— Уже осужденный за преступление. Его ждет смертная казнь, но она будет исполнена необычным путем. Мы околдовали его разум, стерли почти всю память и оставили всего одну установку: нанести самый мощный удар и вылить яд в рану, как только этот человек окажется проглоченным Клоакой.

Я могу оценить задумку как оригинальную, ведь приговоренный однозначно не выживет. Но члены Духовных Клинков являются одними из лучших воинов, которые могут вытворять удивительные вещи своими мечами. Этот человек в глотке Клоаки действительно сможет поразить драконицу ядом, а потом все равно окажется в желудке, где и будет исполнена казнь. А околдованный разум не позволит послушаться приказа.

— Тогда как насчет того, чтобы не ждать нападения Клоаки, а самим нанести удар? — предлагаю я. Ждать прихода драконицы можно целую неделю, а то и больше.

— А ты сильно уверен в силе своего яда?

— Абсолютно уверен! Ошибки быть не может.

— И как быстро Клоака сдохнет?

Тут я не могу сказать точно. Может занять час, день или агония растянется на месяц. Крец верно понимает причину моего молчания и пожимает плечами.

— Сколько бы времени это ни заняло, чем быстрее начнем, тем быстрее всё закончится. Ты же имеешь тут определенную власть и влияние? Так помоги закончить всё как можно

скорее. От этого выиграют все.

— Хорошо, я попробую.

И Крец действительно помог, хотя на это ушел целый день. Принято не провоцировать драконицу лишней раз, но нужные слова, аргументы и люди найдены, поэтому рано утром я отдаю флакон, который будет доставлен к месту появления Клоака. При этом понимаю, что хочу присутствовать, чтобы хотя бы издалека увидеть смерть монстра.

Вместе с Крецем мы отправляемся к месту, куда выманили чудовище. Это первый раз, когда я лично вижу Клоаку, и от увиденного дух захватывает. Такая туша больше не может летать, ни какие крылья не поднимут в небеса, поэтому драконица научилась рыть подземные ходы, в которых проводит большую часть времени, переваривая всё проглоченное. Сейчас впереди в земле появляется яма, куда оседают пласты земли и исчезают в гигантской пасти, которой плевать, что именно глотать.

Конь подо мной сильно нервничает и пытается сбежать, а до носа доходит вонь из ямы, откуда поднимается Клоака, закрывшая пасть. Она медленно выползает, уже напоминая большой холм по сравнению с людьми. Пускай шкура гниет, прочность в ней все равно невероятная. А вот лапы и туловище в куда более плачевном состоянии: всё раздутое и малоподвижное. Это совсем не похоже на стройную драконицу, что сто лет назад рассекала небеса вместе с ветрами и тучами.

Прямо перед Клоакой вдруг открываются порталные врата, из которых сыпятся коровы, которых было решено пожертвовать для нанесения удара. Чудовищная пасть неожиданно резко открывается до таких размеров, и все падающие животные окажутся в ней, но там же находится один человек, который должен нанести удар.

Приговоренный к смерти Духовный Клинок оправдывает название своей школы, создав из магической энергии сияющее оружие огромных размеров. Но каким бы большим ни было оружие, драконица все равно проглотит целиком, что в целом и нужно. Я не знаю, что происходит сейчас в глотке монстра, но представляю, как мощный взмах меча разрубает плоть чудовища изнутри, как льется кровь, а приговоренный засовывает руку в рану до плеча, где и выливает из флакона яд, а потом срывается вниз, исполнив предназначение.

Первое время ничего не происходит, но никакой яд не сможет убить Клоаку так быстро. Нужно время, чтобы яд начал оставлять следы в организме, а потом запускать алхимическую реакцию проклятых металлов в алхимическом балансе крови драконицы. Моя формула гениальна тем, что яд является по большей части катализатором неизбежного процесса отравления, а ресурсами для реакции служит сама кровь дракона. Продукты слияния и распада будут перезапускать реакцию, пока вся кровь не станет слишком густой, а также неспособной переносить полезные вещества. Для любого живого существа с кровеносной системой — это смерть.

Похоже, какое-то недомогание Клоака все же чувствует, так как замерла на месте и не пытается вылезти из ямы до конца. Моя надежда на лучший исход постепенно превращается в уверенность в победе, когда монстр вдруг начинает забираться обратно, наплевав на голод. Только более сильное негативное состояние могло переплюнуть необходимость пожирать.

Крец говорит что-то радостно, но я не вслушиваюсь, наслаждаясь предвкушением чувства победы. Триумф мысленно возвышает меня над всеми, и свет этой победы мог бы ослепить, не будь я рад его видеть. Даже кажется, что во мне что-то меняется, словно я получаю дар богов, который сразу проглатываю. В течение всего дня Клоака не подавала признаков активности, а через неделю разведчики никакими способами не смогли

расторгнуть монстра. Через две недели отряды спустились в яму и подтвердили, что Клоака мертва, тело холодно, биения сердца нет.

Великий праздник пришел в королевство, которое не было готово к противостоянию с таким чудовищем. А я стал народным героем, которого чествовали куда бы я ни пришел. Подарки лично из рук короля, внимание богатых незамужних дам из аристократии, приглашения от ученых и академий: я оказался в центре внимания, и это поначалу мне это нравилось.

Но каплей яда во всем этом было то, что я просыпался посреди ночи со страхом из-за того, что мог все же допустить ошибку в расчетах. Не в силах успокоиться, я вставал и шел в лабораторию, где продолжал перепроверять формулу и основные шаги синтеза яда. За рецепт последнего один орден ассасинов предложил мне сумму, на которую можно купить пять замков с прилегающими землями и рабами, но я отказался. В очередной раз я проверяю формулу, а потом спускаюсь в подвал, где лежат тела людей, на которых ставлю эксперименты.

Я хочу остаться в мировой истории как творец величайшего яда, но постоянные сомнения отравляют мою жизнь. А вдруг формула несовершенна? А вдруг я что-то не учел? Что если однажды другой ученый найдет мои ошибки и всем про них расскажет? Это главная причина, по которой я не хочу раскрывать рецепт приготовления яда.

Забота о жителях королевства уже отошла на второй план, поэтому я просто купил рабов, которым ввожу заново приготовленный яд. Эффект всегда один: отравление крови, загустение, смерть. Яд исправно выполняет свою роль, но почему один из рабов еще дышит? Это человек с диких земель словно борется с моим ядом и побеждает! Да, я влил ему в жилы всего пять капель, но этого точно должно было хватить!

Скованный раб в клетке поднимает на меня глаза и смотрит противным взглядом. Это не взор больного или сошедшего с ума человека. Нет, в глазах читается понимание и даже какое-то злорадство. И если этот человек смог выжить после яда, то что говорить о Клоаке? В отражении глаз раба я вижу самого себя: нервного, с растрепанной прической и в грязной одежде.

А потом понимаю, что на самом деле это я сижу в клетке в цепях и смотрю на своего мучителя по имени Амодей Литферрел. Или это сон? Сознание не может дать ответ на этот вопрос, так как постоянно находится в бреду. Кто такой Амодей Литферрел? И что значит Клоака? Да и не в клетке я, а в какой-то пещере.

Я открываю глаза, осознавая последние события лишь как галлюцинацию на фоне действия яда пойзонера. Да, точно, я — Марк Богов, синкер в глубокой заднице во всех смыслах. Вот только связан я был не только в глюках, но и в реальности. Рядом сидит отец Григорий, внимательно на меня смотря.

— Скажите мне, что связали только потому, что я как лунатик ходил.

— Увы, не поэтому, хотя ты был в бреду и общался с несуществующими людьми. Яд пойзонера может вызывать очень реалистичные галлюцинации, но проблема в не этом. Ты неосознанно лечил себя и, похоже, смог выкарабкаться, но опасность не миновала. На самом деле ты только подходишь к ней, ведь скоро можешь стать зомби.

Факт № 221 Статистика по причинам гибели синкеров: 1. 34 % от рук других синкеров 2. 21 % из-за болезней вследствие приема вапориума 3. 25 % из-за несчастных случаев 4. 20 % из-за нападения монстров

Я продолжаю лежать связанным, пытаюсь понять, что значит зомби. Я, конечно, правильно услышал и понял слово, но не совсем понимаю, как это относится ко мне. В подготовительном центре ни о каких зомби не рассказывали.

— Отец Григорий, что это значит? Нас ожидает зомби-апокалипсис?

— Слава Богу, нет, — улыбается командир группы. — Апокалипсис у человечества будет только один, как это описано в «Откровении святого Иоанна Богослова», когда явится антихрист и случится второе пришествие Иисуса Христа. Но легче тебе от этого не будет, если твой ангел-хранитель не будет сейчас с тобой.

— Тогда что значит зомби?

— На самом деле это весьма меткое название для такого состояния. Яд пойзонера многих просто убивает, но те, кто справляются с ним, сталкиваются с другой проблемой, а именно с поражением мозга. В течение двух суток пострадавший может обезуметь и начать бросаться на любое живое существо, которое увидит. Именно поэтому ты связан, так как если твой разум будет поражен, ты станешь опасным для окружающих. Твоя личность сотрется, и останется только желание убивать и поедать плоть. Лекарства от такого тоже не существует.

Ну и дела. И что мне делать? На самом деле выход у меня только один — справиться и с этой проблемой. Буду и дальше использовать биоконтроль, чтобы исцелять себя. Ничего другого мне не остается.

— Ты ведь помнишь, что те миноры бросались на нас, не отступая перед смертью и болью? Монстры же тоже могут чувствовать боль, что доказывает, что они живые существа.

— Да, это я помню. А когда мы вернулись к залу, сбегая от пойзонера, их трупы разлагались ядом.

— В точку. На самом деле именно пойзонер руководил той оравой. Все миноры уже были зомби, их мозги были пропитаны выделениями босса. И как только жизнедеятельность в организме прекратилась, яд начал продуцироваться и вступать в реакции с мертвой плотью. Напавшие на нас монстры уже были сосудами с ядом.

— И я могу стать таким?

— Да. Среди синкеров по слухам такое уже случалось, хотя большинство пострадавших все же просто умирало из-за яда.

— Понятно, — странно, но чувствую себя невероятно спокойно. Если ничего изменить нельзя, то зачем лишний раз волноваться? Похоже, я выхожу на новый уровень пофигизма и превращаюсь в настоящего синкера.

— Однако остаться с тобой я сейчас не могу. Из-за пойзонера другая группа так и не смогла до конца заделать дырку в трубопроводе. Нам придется туда вернуться и закончить работу. Придется снова отвлекать босса, но ты останешься в этом месте. Это старое подсобное помещение, которым пользовались шахтеры, когда рядом были залежи вапориума. Оно закрывается снаружи. Я молю Господа о том, что по истечению вторых суток ты выйдешь отсюда прежним человеком. Как только мы закончим, сразу вернемся за

тобой.

— А можете меня развязать? Я с ума сойду просто лежать тут без возможности пошевелиться. А если стану зомби, то убить меня не составит труда даже свободного.

— Хорошо, Марк, — отец Григорий распутывает узлы на моей спине. — Теперь мне пора. Молись, если хочешь, а за тебя точно попрошу милости у Бога. Ты был в бреду примерно сутки, так что вторые сутки станут решающими. Я также оставлю тебе консервы и бутылку с водой.

— Удачи там. С пойзонером вам может быть опаснее, чем мне здесь.

— И то верно, — улыбается собеседник и выходит из комнаты.

Я слышу, как задвигается засов, после чего оказываюсь один в темноте. Точнее, тут не совсем темно, на одном из столов стоит старый светильник, где вместе керосина используется выпаренный вапориум, осадок которого смешивают с каким-то реагентом. Светит слабо, но долго. На верхних станциях такое не используют, так как они полностью электрифицированы, а в подземелье это слишком тусклый свет, лучше брать электрические фонарики.

Глаза постепенно адаптируются к мраку, поэтому я понимаю, что тут есть и другие предметы, по типу кирок, касок, шлангов и прочего. Всё старое, пыльное и сломанное. Вероятно, здесь и нашли этот старый светильник. Тут было бы очень скучно, не играй я сейчас в русскую рулетку с ядом в организме.

Местные боссы напоминают синкеров, владея странными способностями, только еще страшнее, так как ход их мыслей понять невозможно, если он вообще есть. Это непонятные создания словно пришельцы с других планет, и я бы многое отдал за возможность никогда больше с ними не видеться. И если яд меня доконает, то в каком-то роде желание исполнится.

Я принимаюсь за еду и сразу опустошаю консервную банку с чем-то похожим на тушенку. Не отказался бы сейчас от куска белого хлеба, но такой продукт в рейд не берут, вместо него есть хлебцы. Утолив жажду и голод, чувствую себя намного лучше, хотя поднялась температура тела без видимых на то причин. Хотя кого я обманываю? Я отравлен, и организм сейчас борется. Не исключено, что дальше будет хуже.

Мысленно активирую церебро, и в глазах появляется картинка моего же тела с очагами заражения, которые новая часть мозга даже подсвечивает фиолетовым цветом. Интересно, специально или случайно получилось, что очень похоже на слизь, которая стекала с пойзонера? При этом церебро также подсвечивает поступление сигналов откуда-то из района печени. Мне кажется, что она чуть увеличилась, словно я эволюционировал во время борьбы с ядом.

— ДС, дай краткую сводку по развитию.

[Основной клапан открыт. Суммаризация полученного опыта. Нет доступных очков или импульсов развития. Вывод непрочитанных сообщений]

[17:01 (8 часов назад).

Суммаризация полученного опыта. Получено 1 очко развития. Вложено в тело по треугольнику Фиша]

— Подожди, ты сам вложил очко в тело?

[Нет, это может делать только пользователь. Во время лихорадки вы самостоятельно распределили очки таким образом]

Что-то странное, ведь я не помню этого. С другой стороны я находился в полностью

неадекватном состоянии ума, перестав воспринимать объективную реальность. Возможно, я распределил очки сам того не осознавая.

[Подсознание в таких случаях имеет приоритет принятия решений. Полученное очко развития закрепило эволюционное развитие тела. Открылась новая возможность «Очистка ядов»]

[«Очистка ядов» — структурное изменение в печени создало отдел, способный генерировать в кровотоке хелаты, молекулы особых веществ, захватывающие тяжелые металлы и абсорбирующие токсичные соединения. После всё собранное выводится из организма естественным путем. Хелатирование не может производиться постоянно, требуется активация]

Что же, минус одна загадка. Теперь понятно, как я справился с ядом в организме. Моя печень мутировала и получила возможность выделять вещества, мешающие тем, что угрожают жизни. Встаю и подхожу к светильнику, чтобы рассмотреть свои руки. Я до этого ощущал, что полностью покрыт засохшим потом, но списывал это на лихорадку, а теперь с трудом, но замечаю, что кожа стала бурой от пота. Вероятно, яд просто выходил через поры. Следом я ощущаю зов природы, поэтому отхожу в дальний угол, где справляю нужду. Выяснять цвет мочи не собираюсь, но догадываюсь, что она будет очень темной.

— Итак, раз я могу справляться с ядами, то зомбификация мне не грозит, ведь так? — вполголоса рассуждаю сам с собой, активируя одновременно «Регенерацию тканей» и «Очистку ядов». Над телом поднимается алая дымка, но дать ответ на нее она не может. Deus Spiritus тоже ничего не скажет на этот счет. Остается только лечить себя и молиться, что к концу вторых суток я не захочу свежих чужих мозгов.

Началось томительное ожидание, так как больше заняться нечем. Интересно, как там дела у остальных ребят? Я желаю им только победы и надеюсь, что пойзонер больше ни до кого не дотянется. Вот бы ракетой шмальнуть по этой фиолетовой медузе, но такое оружие, во-первых, надо купить, а во-вторых, мне не кажется хорошей идеей устраивать взрывы под землей. Я знаю, что шахтеры часто пользуются динамитом, но делают точечные удары.

Через некоторое время силы заканчиваются, поэтому прекращаю поддерживать способности и выпиваю остаток воды. Все остатки ядов еще нужно вывести из организма. По часам чипа вижу, что прошло больше трех часов с момента ухода отца Григория. Время тянется невероятно медленно и тоскливо, поэтому вспоминаю галлюцинации, которые на меня накатили сегодня.

Кажется, что я словно переживал чью-то жизнь, но это точно было бредовой фантазией, так как там присутствовала магия и настоящий дракон весьма отвратного вида. Но это было очень реалистично, словно кино полного погружения с тактильными ощущениями, запахами и эмоциями того алхимика, который изобрел супер-яд против дракона. Почему-то тот человек много переживал за правильность формулы и даже мучал рабов, чтобы удостовериться в своей правоте. Мне этого не понять. Раз дракон мертв, то дело сделано. И даже если что-то не так, то это лишь повод учесть ошибки и попробовать снова.

И так как в глюках я большую часть времени ощущал себя от лица того алхимика, то могу вспомнить, что меня, то есть его, больше волновало то, что о нем останется в истории, запомнят ли его блестящим ученым и экспериментатором, а также победителем дракона. Что же, у всех свои приоритеты. Я вот хочу прожить долгую и полноценную жизнь. Слава мне не нужна, богатство тоже. Больше всего я жажду свободы, в том числе от последствий становления синкером.

— Ох, что-то мне дурно, — говорю себе вслух, чтобы развеять гнетущую тишину комнаты в подземелье.

Очень надеюсь, что это не яд проник глубоко в мозги и скоро сделает из меня зомби. Церебро показывает, что количество яда в организме теперь очень мало, но тогда почему мне становится плохо? Через минут двадцать уже колотит мелкая дрожь и начинается ломота в суставах. С этим даже биоконтроль справиться не может.

[Достигнута критическая точка эволюционных изменений. Параметр Ле-Морьона превышает восемь пунктов]

— Что, прости?

[Эволюция — есть изменения, то есть приобретение полезных мутаций и избавление от вредных. У каждого человека есть предел мутаций, с которыми тело может справиться. В числовых значениях можно выразить через параметр Ле-Морьона. В идеальной ситуации эволюция закрепляется на протяжении тысяч и миллионов лет, проходя через множество поколений живых существ одного вида]

— И что это значит для меня?

[Сама суть происходящего эксперимента при помощи Deus Spiritus заключается в проверке возможностей синкеров пройти качественную эволюцию в пределах не просто одного поколения, а еще очень короткого жизненного цикла. Если считать импульс как пять очков развития, то суммарно у вас уже более восьми использованных очков. Если ничего не изменится, организм начнет разрушаться намного быстрее, чем у обычных синкеров]

Читая это, я вскакиваю, так как подобное меня совершенно не устраивает. Похоже, администрация заранее знала, что первые «добровольцы» их новой программы обречены на еще более быструю смерть просто потому, что слишком быстро эволюционируют! И что хуже всего, я не вижу решения этой проблемы, а с дыханием начинаются сложности, просто непонятно, от самоуничтожения организма или от паники.

— И что ты предлагаешь? Останови это.

[Deus Spiritus не влияет напрямую на пользователя. Он лишь обобщает и помогает визуализировать эволюционные изменения в теле синкера...]

— Хватит пиздеть! — рявкнул я. — Это, может, и выглядит таким образом, но ты очевидно паранормальная штука. Почему именно печень у меня видоизменилась, а не что-то другое? Я считаю, что именно ты своими очками и импульсами влияешь на меня, хотя отрицаешь это. И если это правда, то просто дай мне больше этих бонусов. Я просто разовьюсь до такой степени, что лимиты на меня действовать больше не будут. А ты и твои создатели останутся в плюсе, ведь у них будут данные сногшибательного эксперимента со мной в главной роли.

Я хватаюсь за соломинку, но ничего другого не остается. В памяти встает Мясник, который равнодушно говорит, что если не справлюсь я, то администрация приведет новых синкеров, которые тоже будут развиваться быстро, пока неожиданно не подойдут к обрыву и не свалятся в бездну.

[На этом пути тебя ждет лишь разочарование. Нет никакой загадочной системы, что даст тебе силы просто так. Если ты хочешь вырваться за любые лимиты, то тебе постоянно придется за них выходить. Можешь попробовать, но вероятность скорой смерти почти 96 %]

— Ну, значит, я воспользуюсь оставшимися четырьмя процентами, — быстро отвечаю я, отмечая про себя, что последнее сообщение по стилю отличается от других реплик ДС. Кажется, что это первый раз, когда ДС словно лично ко мне обращается, а не просто выдает какую-то информацию подобно компьютеру.

— Что именно мне нужно сделать?

[Эволюция в первую очередь — борьба за выживание. Чем экстремальнее условия, тем выше награда и быстрее адаптация. Это единственный совет, какой природа может тебе дать]

— И этого будет достаточно! — чувствую в себе мрачную решимость. Теперь ни лень, ни боль или еще что-то меня не смогут остановить. Никакие отговорки не сработают, если смерть дышит тебе в затылок. Убегая от разъяренной собаки, ты будешь нестись подобно ветру, наплевав на возможный вред здоровью. Вися на обрыве, ты не скажешь, что намертво держаться за край ниже твоего достоинства или у тебя сегодня выходной. ДС в первую очередь прав в том, что вся история эволюции человечества и других существ заключена в борьбе за выживание. И умирать я сейчас не хочу.

На мои глаза попадается дверь, которая не позволяет мне отсюда выйти. Я уже знаю, что не стану зомби, но тратить время на просиживание штанов не могу. Нужен экстрим? Хорошо, я буду ломать эту дверь, и телу придется стать достаточно сильным и крепким, чтобы это у меня получилось, иначе будет очень плохо.

Набираю разбег и врезаюсь правым плечом в дверь. Как и ожидалось, она даже не шелохнулась. Выломать железную дверь будет очень сложно, но это возможно. Особенно для синкера, которому надо выйти отсюда как можно скорее. Удар за ударом я наношу двери, издавая громкие звуки, подключаю ноги и руки, становлюсь тараном и не обращаю внимание на боль. Даже если получу травму, то залечу её, а боль можно приглушить.

Потом притаскиваю кирку и начинаю работать с её помощью, но деревянная ручка вдруг переламывается. Отбрасываю бесполезный инструмент, и притаскиваю ближе вообще всё, что может пригодиться. Обычный человек физической силой не сможет сломать эту дверь, но мне-то нужно выйти за пределы. Во тьме подземелья мне не нужно никому что-то доказывать или заботиться о чем-то другом. Я просто должен отсюда выйти просто потому, что поставил для себя такую цель.

Когда я справлюсь с задачей, мои проблемы не исчезнут на самом деле. Я лишь выбрал для дверь в качестве первого испытания. ДС считает, что мои шансы на благополучный исход очень малы, почти невозможны. Значит, если я справлюсь с одной невозможной ситуацией, то справлюсь и с другими такими. Враг номер один — это железная дверь, которая начинает чуть шататься в петлях, хотя мне это лишь кажется скорее всего.

— Дай мне пару часов, и я сломаю эту штуку, — не знаю на самом деле, кому я это говорю. Может, себе, Deus Spiritus, богу или судьбе. На самом деле мне все равно, кто именно мне в этом поможет, даже если придется пожать руку дьяволу. Хотя последнее отец Григорий не одобрит, конечно.

Очередной удар обрушивается на дверь, отдаваясь болью в теле, а вот недомогание отступает, словно хочет посмотреть на мои потуги. Надеюсь, что я выйду отсюда уже другим человеком.

Факт № 756 Человек сказал, что воображение сильнее, чем знания. Знания ограничены, в то время как воображение охватывает собой весь мир, стимулируя прогресс и порождая эволюцию. Этим человеком был Альберт Эйнштейн.

На двери остаются кровавые полосы — следы моего упорного труда. Без объявления войны я оказался на пороге скорой гибели. Надеяться на спасение здесь не приходится, бездействием тоже никак делу не помочь. Остается лишь борьба, и раз уж ставки так высоки, то я готов рискнуть вообще всем, ведь в случае проигрыша я все равно лишусь всего.

В каком-то мрачном иступлении я пробиваю себе выход наружу, сделав железную дверь впереди врагом номер один. Подключаю тело, использую подручные инструменты и продолжаю долбить. «Презрение к боли» помогает справиться с неприятными ощущениями, но я не могу тратить свои силы на постоянное поддержание этой способности, поэтому активирую только в момент особо сильных ударов, а в остальном просто терплю. Благо тело разогрето и давать ему остыть я не буду.

Особо тревожащие травмы я исцеляю в моменты короткого отдыха, а потом снова налегаю на дверь. Единственное, что я пока не хочу использовать, так это «Ва-банк». Как только его действие закончится, я почти что упаду без сил, а моя задача на самом деле вовсе не в том, чтобы сломать чертову дверь. За ней нет ничего особо важного для меня, мне нужно лишь препятствие, которое можно преодолеть на пределе возможностей.

Deus Spiritus сказал, что эволюции без борьбы не будет, а мое единственное спасение, которое я могу придумать, заключается в том, чтобы обогнать смерть тела из-за мутаций более прогрессивными мутациями, которые сдержат внутренний распад. У меня нет ни лекарств, ни суперспособностей, которые сейчас помогут. Мне нужны очки развития, а лучше даже импульсы, чтобы попытаться стать сильнее. И пускай ДС продолжает утверждать, что очки и импульсы лишь отражают процесс эволюции, а не запускают его, мне легче считать, что именно от них зависит мое будущее.

Я смотрю на дверь и почти не концентрируюсь на каких-либо посторонних мыслях. Словно буддийский монах достигаю просветления, сидя у ствола дерева, правда, у меня свой способ выйти за пределы. Мне не нужно стать единым с Дао, вселенной, нирваной (или чем там увлекаются?), мне нужно повалить дерево. Это несложная задача, если у тебя есть бензопила или хотя бы топор, но у меня в наличии только я сам. И эволюция заключается в том, чтобы сделать свои руки подобно топору или пиле.

Мозг при этом постоянно продолжает искать способы поставленной задачи, не отвлекаясь на размышления о том, что сама задача некорректна. Разумеется, она тупа до безобразия, но одновременно очень понятна, у нее очевидные процессы и оценка по завершению труда. Из окружающих предметов мне могут помочь только кирки, вот только дверь до сих пор не имеет достаточного зазора, чтобы вставить сплюснутый конец кирки между дверью и косяком, а потом использовать свойство рычага. И скорее всего ручка кирки просто сломается из-за усилия, как и шесть раз до этого, когда я просто молотил ими по двери.

Понимаю, что сейчас мне пригодилась бы монтировка даже без тех загадочных сил, что пробудились с помощью Звезд-и-Отражения. Возможно, администрация что-то сможет понять, изучив предмет, но мне это никак не поможет, даже если я справлюсь с текущим

кризисом. И отсутствие заметного результата потихоньку выводит меня из себя, ведь время у меня ограничено, хоть и не знаю, сколько на таймере обратного отсчета. ДС ничего по этому поводу не скажет, а я скоро останусь лишь в отчетах администрации как провалившийся эксперимент, который при этом помог многое понять.

— Да хрен вам! — разбегаюсь и снова врезаюсь в дверь.

Я прибыл в Атлантическое Содружество, мечтая о новой более благополучной жизни, но получил даже хуже, чем ничего. Каким бы прогрессивным ни считалось общество, плохих вещей в нем обычно куда больше, чем в каких-нибудь неблагополучных местах. Там, где очевидно всё плохо, есть определенные правила, которые местные знают и адаптируются, продолжая нормально жить. Но вот там, где всё на первый взгляд прекрасно, нельзя расслабляться, так как плохо на самом деле в любой точке Земли. Просто эталоны цивилизованности и законности среди стран предпочитают творить злые и несправедливые дела скрытно, а в лицо будут лицемерно говорить о том, как здесь прекрасно и какое будущее всех ждет.

Насчет своего будущего я уверен, как и ДС, что пророчит мне скорую гибель. Да, скорее всего так и произойдет, но я чувствую, что если просто сдамся, то свихнусь. Отказ от борьбы окажется равным самоубийству, и человеку, который никогда не подходил к грани, не понять того, кто сам пришел к петле или обрыву. То, что кажется здравым или нелепым, зависит от состояния ума и духа. И у двух людей одно и то же может вызвать даже полностью противоположные реакции.

Полумрак помещения продолжает освещаться тусклым светильником, а во все стороны разносится звук ударов. Я намеренно заглушаю посторонние мысли, настраивая и убеждая себя на то, что могу победить. Не допускаю мыслей о самообмане, больше концентрируюсь на извлечении дополнительных сил из решимости и ненависти. Да, последнее помогает очень сильно. Просто представляю вместо двери подонков и подлецов с родины, того следователя, что отправил меня сюда, Клару Кольц и Ли Дуна.

Их тела сминаются под моими ударами, разлетаются осколками, но потом снова собираются, чтобы еще один раз получить по роже. Усталость с каждой минутой всё сильнее накапливается в теле, даже синкер не может бесконечно заниматься тяжелой работой. Но я просто запрещаю себе останавливаться, пока не ощущаю, что петли двери или засов за ней начинают чуть шататься. Да, люфт совсем крохотный, но я сразу его замечаю, так как до этого сотни попыток не принесли даже такого результата.

В сложной ситуации успех окрыляет сильнее всего, мне хочется смеяться и сдерживаться не буду. Но передышку оставляю совсем небольшую, продолжая выламывать дверь. Я не справлюсь ни за час, ни за два, возможно, не справлюсь вовсе, но тогда меня ничего тревожить не будет, я просто лягу и засну навсегда с чистой совестью.

Вот только первый успех оказался последним, так как расшатать еще сильнее крепеж не получилось, сколько бы я ни бил. Бью в сочленения, пытаюсь отогнуть уголки двери, но ничего из этого не помогает. Внутренний противный голосок сначала был почти неслышимым, но теперь громко убеждает прекратить, на самом деле поставленная задача абсурдна и не имеет никакого смысла. Что стоит дожидаться возвращения отца Григория и попытаться вместе придумать план действий.

— Нет! — кричу сам себе. — Не будет тут никакого плана. Синкеры не могут справиться даже с ядом пойзонера. Не могут остановить деградацию собственных тел с течением времени. Мне скорее заботой помешают эволюционировать дальше. Ставлю всё на

кон.

«Ва-банк» срывается с цепи, я больше не могу сдерживаться, а алый туман возникает вокруг тела и даже конденсируется странными каплями на коже. Они ледяные, словно из глубин айсбергов, но при этом жгут как раскаленный металл. Зрение тоже чуть изменяется, наполняя пространство красными полосами. И узор построен таким образом, чтобы сформировать сложный прицел на двери. Я понимаю, что просто не отрываюсь от двери, будто в мироздании кроме меня и этого прочного предмета больше ничего нет и не будет.

Мышцы в теле наливаются новой силой, сжигая все запасы, дыхание учащается, а боль исчезает полностью. В таком состоянии мне совсем не до саморефлексии, остается только работа на пределе сил, чтобы стать достаточно сильным для уничтожения главного врага перед собой. Налегаю всем телом, бью руками, ногами, коленями, использую любые приемы и хитрости, чтобы деформировать прочный барьер. Физическая сила сейчас повышена, поэтому грохот от каждого удара становится громче, но мне абсолютно на это плевать.

Сознание входит в странное состояние, напоминающее головокружение, но при этом не влияющее вестибулярный аппарат. Головокружение затрагивает мысли, а не сам организм, в голове сплетаются все мысли и мотивы, чтобы сжаться в одну точку, сконцентрировать давление несуществующего пара настолько сильно, чтобы просто разнести всё, на что упадет мой взгляд.

[Суммаризация полученного опыта. Готово. Выдано 1 очко развития]

Вот оно! Я спрашиваю ДС, знает ли он, что мне сейчас нужно? Конечно, эта бездушная система, если ей на самом деле не управляет какой-то человек, говорит, что не дает таких рекомендаций.

— Мне сейчас нужно чудо, волшебство, называй как хочешь, — я останавливаюсь, а изо рта звуки выходят вместе со хрипами. — Однажды в тесте я вложил всё в мистические силы, так как считал, что терять мне нечего. Сейчас ситуация аналогична. Понимаешь теперь?

[Основной клапан открыт. Коэффициент давления в выпускном коллекторе не превышает 4,5 %. Активация новой способности]

[«Взалкавшие силы Бездны» — так назывался отряд проклятых рыцарей, что спустились в самую Бездну, чтобы отыскать там средство для победы над божеством-тираном. Они спустились очень глубоко, прошли бесчисленное количество испытаний и потеряли многих товарищей, пока вокруг них не оказалось пространство, где не просто невозможно существование света, даже никакой материи почувствовать было нельзя, кроме тропы под ногами. Последняя троица, оставшаяся в живых, встретила страшнейшего противника, а когда вернулась, уничтожила великого врага только для того, чтобы занять его место и обернуть силы Бездны против тех, кого поклялась защищать...]

[Бриарей — так звали одного из них. Могучий воитель, на чьих плечах поднялись двое других...]

У меня не получается сконцентрироваться на тексте перед глазами, всё плывет от усталости и нервного возбуждения. Но за буквами дополненной реальности я вижу видение, где напротив меня действительно стоит человек в тяжелых черных доспехах. Незнакомец под три метра ростом, с могучими руками и ногами и огромной булавой.

Воспаленному сознанию кажется, что это я спустился в Бездну очень глубоко и теперь встретился с главным врагом. Это никак нельзя понять, но я просто знаю, что Бриарей с

двумя товарищами встретил в темноте собственное отражение, которое поглотило их прежних. Но на самом деле это был лишь финал их истории, во время которой Бездна с каждым уровнем пожирала всё светлое из их душ и умов.

Я это понимаю, так как осознаю себя Бриареем, а моя правая рука вдруг начинает расти. Рукав джемпера трещит по швам и превращается в лохмотья под напором растущей плоти. Мышцы растут экстремально быстро вместе с костями правой руки. Через череп я анализирую происходящую метаморфозу. Рука принадлежит Бриарее, и, кажется, может даже алмазы превращать в порошок силой всего лишь пальцев, а в толщину стало намного больше бедра.

Но я использую эту возможность для разрушения другого объекта. Тело сильно заваливается на правый бок, словно я тащу в правой руке мешок цемента. Остальное тело осталось прежним, и спина стреляет болью, когда толкаю себя вперед, ведь поддерживать «Ва-банк» я больше не могу. Понимаю, что время сейчас очень ценно, поэтому меняю подход, используя силу руки для передвижения. Это получается очень легко, и вот пальцы руки просто вонзаются в бетонный пол, как в мягкую почву, а потом рука сгибается, швыряя всё тело в двери.

В полете я успеваю совершить полный оборот и с размаху ударить правой рукой по двери. Плечевой сустав изменился только наполовину, поэтому кричит вместе со мной от боли, а сердце с трудом качает кровь в увеличившейся конечности. Но плевать на мне это, так как результат получен: железная дверь сминается под ударом, словно сделана из обычной бумаги. Штыри крепления засова выдирает из стены к чертям собачьим, после чего дверь улетает в темноту подземелья с грохотом и переворотами, пока не ударилась, судя по звуку, в стену.

Я же бесконечно рад, отменяя способность и смотря на возвращение моей прежней руки, кожа которой горит и сильно чешется. Даже не представляю, как именно это всё получилось, но Deus Spiritus оказался прав, когда говорил, что есть эволюция и как её достигать. А я оказался прав, когда нашел такой способ и успешно реализовал его. Правда, ДС говорил еще о том, что меня на это пути будет ждать разочарование, и это я сейчас понимаю, так как мелко дрожу, стоя на четвереньках. Все мышцы свело судорогой, не считая боли от растяжений и вывихов.

Да, я добился своего, получил дополнительные возможности, но это лишь новая мутация, которая меня еще быстрее сведет в могилу. Для окончательной победы мне нужно не просто развиваться, а получить такие свойства организма, которые остановят неизбежную расплату. Вот только выбирать я могу только распределение в треугольнике Фиша, а не конкретные способности. Усиливать тело? Вроде самое логичное, но нет гарантий, что усилие будет нужным мне. Разум? Тоже есть смысл, ведь чем совершеннее мозг, тем быстрее я придумаю выход из ситуации. Мистика? Вообще никаких гарантий и даже понимания работы. Может решить все проблемы за раз или лишь добавить новых.

— Ну, значит, нужно лишь продолжать действовать, — тихо шепчу себе. — В следующий раз повезет. Задача не изменилась, как и обстоятельства.

Разрешаю себе упасть, чтобы немного перевести дух, и одновременно размышляю над тем, что делать дальше. Дверь побеждена, но это был всего первый шаг. Если потребуется, я буду крутить слот-машину эволюции до тех пор, пока больше не смогу двигаться или пока не получу нужный для себя результат.

— Мне нужно повысить собственную выживаемость? Если следовать эволюционной

теории ДС, то адаптация произойдет, когда я буду выживать. И что же в текущих условиях подойдет лучше всего?

Ответ приходит моментально. Конечно, это монстры, которые и виновны в появлении синкеров. Я один, без запасов еды и воды, без толкового оружия и не представляю, где нахожусь. Это идеальные условия для прохождения следующего этапа эволюции. Мне лишь нужно перевести дух и отправиться на поиски монстров. И когда я их найду, то атакую без каких-либо колебаний. В одиночку, не являсь ни танком, ни дамагером. Идея, граничащая с сумасшествием, но только такая идея вызывает огненный отклик.

Да, мне кажется, что внутри меня сердце не просто бьется на пределе возможностей, а буквально горит. Подземелье меня сейчас не пугает, словно присутствие Бриаррея незримо со мной. Не представляю, откуда ДС вытащил такое описание способностей, но мне сейчас совершенно не до этого. Я собираюсь встать и продолжить искать место для нового испытания.

— Давай, Марк. Перекатывайся на бок, потом упор ногами и руками. И поднимайся, — разговариваю сам с собой, и это будто помогает собраться и начать вставать. Подземелье наполнено тишиной, людей и монстров не слышно, так что нужно не только встать, но и найти «инструменты» для эволюции. Собираюсь с силами и духом, после чего поднимаюсь и встаю в полный рост, но резко открываю глаза и понимаю, что на какую-то минуту отрубился и мне лишь приснилось, как я встаю. Черт, лежать больше нельзя, иначе провалюсь в глубокий сон!

Буквально на одной лишь силе воли, количеством которой я не выделялся среди других людей, поднимаюсь на ноги и перевожу дыхание. Меня сильно шатает, хочется пить, есть и спать одновременно, но отдых бессмысленен, так как становясь сильнее, я становлюсь слабее из-за мутаций. Если сейчас засну, то потеряю драгоценное время и могу больше не проснуться. Теперь вопрос лишь в том, кто сломается быстрее: я или я?

Факт № 67 Если с глубиной подземелья всё понятно, то общая площадь намного больше. Разные ярусы по-разному расширялись, но протяженность может достигать даже пятидесяти-шестидесяти километров во все стороны. Именно поэтому в подземелье легко затеряться, потеряться и что-то спрятать.

Шаги даются с трудом, но я продолжаю идти куда глаза глядят. Неизвестно, куда именно меня принесла команда, никаких обозначений на стенах не вижу. Подземные ходы обработаны очень грубо, а также нет освещения, поэтому я могу догадаться, что оказался где-то далеко от центральной оси спуска по ярусам. Не исключено, что меня не только тащили, но еще отвезли на вагонетке или поезде. Единственное, что могу предположить, что продолжаю находиться в районе пятого яруса и станции «Минотавр», так как миссия не завершена и далеко уходить от нее не стали бы только для того, чтобы где-нибудь спрятать меня.

У меня нет способностей, чтобы увидеть в темноте следы, тепловые отпечатки или запах отца Григория. Потенциально мой биоконтроль может так изменить тело, но мне не нужна бесконтрольная эволюция. Я пытался пробиться через прочную дверь, и тело эволюционировало таким образом, чтобы позволить мне с этим справиться, я лишь по сути выбрал форму для этого. Но как достичь бессмертия?

— Да никак, — я останавливаюсь и возвращаюсь в пещеру, чтобы забрать светильник и одну кирку. Свет мне пригодится, как и оружие, хотя последнее им не является.

Мне кажется, что способности синкеров все же имеют пределы разумного. Возникновение супермена или бессмертного проходца очень маловероятно. Хотя, я не ученый и в вопросе не разбираюсь. Понимаю лишь то, что мне нужно нагружать себя выживанием. Стойкость и выносливость сейчас гораздо важнее силы или скорости. Но ничего кроме охоты на монстров я придумать не могу. Бег по подземелью я не вижу каким-то невероятным испытанием, хотя по ощущениям тело готово развалиться на кусочки.

Светильник очень слабо освещает поверхности в горизонтальной шахте, на стенах которой все еще видна работа горных прокладчиков. Сейчас все эти монструозные паровые машины должны быть гораздо ниже, тут уже добыт весь вапориум, если он когда-то здесь был. Наверное, когда все природные жилы будут опустошены, то скорее всего подземелье завалит таким образом, чтобы монстры больше не могли выбраться, и начнется строительство нового месторождения. Моя неуверенность в предположениях заключается в том, что такого еще не случилось. Кажется, что вапориума под землей хватит на столетия, но про нефть, кажется, тоже так говорили.

Со всех сторон давит тишина и духота. Я уже привык к повышенной температуре, но сухость воздуха вызывает сильную жажду, которую больше нечем утолять. Остается лишь идти вперед, хотя куда ни посмотри, везде будет пёред. Так было бы, не будь бесед с командой, где каждый успел рассказать мне интересные истории и дать полезные советы.

Один из них заключается в том, чтобы идти навстречу потокам воздуха, если заблудился и нет других ориентиров. Все ярусы и этажи строились таким образом, чтобы создавать систему циркулирования свежего и охлажденного воздуха. И источником всегда является центральная ось спуска, соединенная с поверхностью. А рядом с центром яруса уже должно быть освещение, станции с материалами и просто выше вероятность встретить другого

синкера. Правда, последнее не гарантирует получение помощи. Скорее можно нарваться на неприятности, ведь синкеры будут не прочь убить заблудившегося проходца и забрать его браслет с баллами. Потом ничего доказать не выйдет, даже если моя команда решит за меня отомстить.

За поворотом я снова ловлю слабый приток ветра и направляюсь в нужную сторону. Кажется, что я упал с большой высоты на дерево и на пути вниз бился о каждую ветку. Тело сильно болит, а тратить силы на регенерацию я не хочу, так как и без того обессилен. Но продолжаю переставлять ноги, не обращая внимание на собственные предательские мысли о коротком отдыхе. Стоит только остановиться, вновь стартовать будет еще сложнее.

Кожа правой руки перестала чесаться, за что я ей очень благодарен. Та трансформация в огромную и нечеловечески сильную конечность действительно напоминает мистические силы, ведь я не могу представить, как это должно работать. И это если закрыть глаза на странные описания от Deus Spiritus. Откуда вообще созданная учеными система может знать о каких-то рыцарях в какой-то Бездне? Это выдумка ДС? Или какой-то шифр? Или за всем этим стоит разгадка возникновения вапориума и монстров? Как говорится: нашли у кого спрашивать, я не имею ни малейшего представления.

Ответы есть наверху, где сидит администрация, её ученые, её менеджеры и рядовые сотрудники. А еще где-то выше находится правительство, которое спонсирует предприятие и разрешает делать что угодно, лишь бы добыча вапориума не останавливалась. В мыслях возникает раздражение, а потом и зачатки гнева, ведь я до сих пор считаю несправедливым моё заключение здесь.

Как только выяснилось, что суперспособности не делают из вас супергероев из комиксов, а лишь ускоренно тащат в могилу, желание у людей резко поубавилось. И умом я понимаю, что методы правительств почти всех стран очень рациональные и эффективные. Если нельзя найти добровольцев, то нужно принуждать. И во время этого свобода слова, личности или перемещений перестает быть важной. Точнее, она остается важной только для тех, кого лишили свобод, остальное общество вздыхает с облегчением, так как сегодня не они лишились всего.

И вот это мне категорически не нравится и заставляет усиленно мечтать о свободе. Я бреду по темному коридору, но представляю вокруг себя зеленый сад и чистое голубое небо. Как, например, в том видении с Лакримозой. Возможно, только потому, что я шагаю по сочной зеленой траве, у меня получается пройти довольно большой путь, не обращая внимание на раны и усталость. В какой-то момент словно засыпаю на ходу, наслаждаясь пейзажами, пока грязное и усталое тело делает один шаг за другим в глубинах подземелья, где люди на поверхности не услышат твои крики.

Представляю теплый ветер и солнечный свет, возможно даже берег с чистым песком и безбрежный океан, но идиллия полусна нарушается странными звуками, которые я не воображал. Какой-то скрип и царапание камня, а также рычащие звуки. Стоп, это же монстры! Последняя мысль моментально возвращает в реальность и полузакрытые глаза широко распахиваются. Не знаю, как долго я прошел во сне наяву, но знаю, куда пришел.

Передо мной выход из тоннеля в какое-то большое помещение с действующим освещением, и там находятся монстры. Что же, именно их я искал. Ставлю лампу на пол, а правая рука крепче сжимает рукоять кирки. Стоило сейчас вернуться в сознание, как сильно закололо где-то в правом боку. Похоже, мутацию печени организм считает чем-то инородным и может отторгать новые ткани. Я слышал, что при трансплантации органов

такая проблема может возникнуть.

«Ну, с богом. Была не была. Ни пуха ни пера», — желаю себе всего самого лучшего, так как сейчас я встаю у первой ступени новой эволюционной лестницы. Мой первый шаг из тоннеля становится первым шагом наверх, и новую добычу монстры замечают сразу, а я тем более максимально быстро оцениваю обстановку.

Похоже, здесь раньше была стоянка для горных проходчиков в два ряда и широким проездом по центру. Сейчас же здесь пустота почти в сто метров в длину и пятьдесят в ширину. И совсем недалеко от входа группа миноров из шести особей сгрудилась вокруг чего-то, из-за чего далеко не все из них обратили на меня внимание в первую же секунду.

Подземелье тут же наполняется ревом и рычанием, когда трое врагов несутся на меня на четырех лапах. Они не похожи на обезьян, скорее на волков, только у них в пасть двойной ряд клыков, глаза светятся, а мех черный с каким-то светящимися точками на концах некоторых участков тела. Вскоре меня замечают все остальные, но бежать я не собираюсь, меня ждет новая победа или поражение.

Сейчас я активирую «Ва-банк» сразу же, поэтому первый волк наверняка оказался удивлен тому, что с трудом стоящий на ногах человек вдруг успевает ударить киркой из нижнего положения таким образом, чтобы острый конец ударил в низ нижней челюсти и пробил пасть насквозь. Да даже я оказался удивлен, но анализировать времени больше нет. Монстры пытаются меня окружить и очевидно, что эти создания намного опаснее обычных волков с поверхности. Но их теперь только пятеро, а мозги точно не захвачены пойзонером, так как бросаться в самоубийственную атаку они не хотят. Зато это сделать могу я!

Тело вновь горит, над плечами алая дымка, а зрение наполняется алыми полосами. Я делаю вид, что замахваюсь на одного, но на самом деле бью другого противника. Удар ноги по ребрам аж подкидывает одного из них на десяток сантиметров, а я сразу же разворачиваюсь, так как услышал за спиной стук лап. Когти этих монстров создают тот самый скрежещущий звук, который я до этого слышал. Резкий разворот с киркой, зажатой двумя руками, заканчивается очередным успешным ударом, когда конец оружия пробивает бок существа. Кажется, рана серьезная, так как монстр с жалобным воплем старается сбежать.

И мне сейчас не до него, так как еще четверо пытаются меня окружить и атаковать одновременно. Я почти уверен, что если они схватятся за меня своими пастьями с двойными рядами клыков, то отдирать от себя придется уже с мясом. Поэтому я кричу на них еще страшнее, пытаюсь напугать, а себя приободрить. Причем мой вопль был чисто инстинктивным, я даже никогда прежде не кричал таким образом. На всю глубину легких, с мощным и гулким звуком: таким образом я заставил миноров отскочить и, возможно, даже немного бояться меня.

Насилие вновь пьянит меня, заглушает и боль, и усталость. Сейчас мозги не отключаются так сильно, как это было в первый раз, но эффект помешательства позволяет мне считать себя королем этой стаи, непобедимым и могучим. И почему-то звери не спешат сблизиться и нападать, поэтому я сам бегу на них, но в итоге эти создания просто пускаются наутек!

Я что-то обидное кричу им вслед, даже кидаю кирку вдогонку, но с тем же успехом мог бы ловить пули в полете. От четвероногих миноров след простыл моментально, гепарды с поверхности обзавидуются. Но это все равно победа, поэтому я победно скидываю руки и отключаю «Ва-банк», чтобы немного успокоиться. Только сейчас обращаю внимание на то, что интересовало волков, когда я пришел сюда.

На полу лежат останки двух синкеров: мужчина и женщина. Черты лица сожраны, как и многие другие участки тел. Я понимаю, что меня вообще не воротит от такого зрелища, словно стало все равно. Даже жалею, что пришел слишком поздно, мог бы снять с трупов одежду, которую уже разодрали в клочья. Но это не значит, что ничего полезного у них не будет.

Во-первых, браслеты у них на месте, и там даже есть баллы! В месте, где человеческая жизнь стоит довольно дешево, мародерство даже моральным преступлением трудно считать. Меня сейчас волнует только свое выживание, и скорее всего я пожертвую незнакомым человеком, если от этого точно будет зависеть моя жизнь. У этих синкеров в сумме порядка четырехсот баллов, за что им большое спасибо.

К тому же рядом лежит окровавленный охотничий нож: большой, тяжелый и острый. Мне он точно пригодится, поэтому снимаю с пояса синкера ножны, и не забываю проверять все карманы трупов. Даже если мне придется залезть к ним в трусы, я это сделаю, но маловероятно, что на пороге смерти они стали бы что-то там прятать. Из ценных вещей нашел только пачки таблеток, но я совершенно не понимаю, от чего именно они. Но возьму все равно на будущее, лекарства всегда могут пригодиться.

Закончив обыск, поднимаюсь и чуть не падаю от головокружения. По моим прикидкам я уже давно должен был подойти к границе истощения, но все еще могу продолжать движение. Я ведь не ищу выход отсюда, мне нужны экстремальные нагрузки для того, чтобы ускорить эволюцию. Кажется, что я постоянно становлюсь сильнее и выносливее, мертвые твари, которые все же получили смертельные раны, тому подтверждение.

Я смотрю на трупы людей перед собой, зная, что могу скоро очутиться на их месте. В любую минуту может отказать печень или инсульт случится, после чего меня обглодают до костей монстры. С этим я ничего не могу поделать, как и со смертями других. Даже хоронить их тут негде, да и не стал бы на это силы тратить. Синкеров часто просто оставляют там, где они погибли, а если смерть случилась на какой-то станции, то их по-разному утилизируют в зависимости от удаленности поверхности. В Миносе и Зеро я знаю, что спускаются мусорщики, которые забирают трупы и где-то кремируют. А глубже в подземельях есть настоящие кладбища, которые на самом деле зловонные ямы.

Опускаю взгляд и смотрю на правую руку, что держит пачку хлебцов. Часть продукта пропиталась чужой кровью, выглядит максимально неаппетитно. Но я не могу сейчас воротить нос, так как не умею генерировать энергию из нифига. Закрываю глаза и начинаю жевать добычу, начав со стороны, где нет крови. На вкус, скажем так, участки с кровью и без не слишком-то отличаются. Это просто безвкусные хлебцы, от которых теперь хочется пить еще сильнее, но воды у погибших с собой не было.

— Спасибо за еду, — говорю им, направляясь в противоположную сторону, куда убежали монстры. Я с ними еще не закончил, поэтому собираюсь догнать и убить. И буду это повторять, пока не решу закончить или пока уже буду не в состоянии делать что-либо.

Правда, покинуть помещение у меня не получается, хотя силы еще есть. Дело в том, что мне не нужно теперь искать или догонять противников, так как они решили вернуться. Снова слышу, как их острые когти царапают пол, как глухое рычание наполняет тишину подземелья. Только теперь они пришли с подкреплением, и вот это я совсем не учел. Миноры чаще всего стайные животные, и часто бывает так, что группами низших монстров руководят высшие по типу майоров или даже боссов, как пойзонер.

И среди миноров фигура альфа-самца выделяется очень хорошо: и размерами, и

светящейся шкурой. Это создание почти с меня ростом, куда тяжелее, сильнее и свирепее. Крупный монстр испускает из себя белый свет, а когда открывает пасть, показывает целых четыре ряда клыков. Он явно круче любой акулы, и сейчас мой труп может присоединиться к тем двум. Но именно сейчас сердце бьется спокойно, так как именно для этого я гнал себя вперед. Этот как раз нужная мне ситуация, где я либо стану сильнее, либо всё происходящее перестанет иметь смысл.

Мне лишь нужно пробиться через новое препятствие, и это наверняка подбросит больше пара в топку двигателя личной эволюции. Нарочито медленно наклоняюсь и поднимаю кирку, на которой еще не успела до конца засохнуть кровь убитых ранее монстров. Берусь за ручку двумя руками и чуть замахиваюсь, словно сейчас буду изображать из себя раба каменоломен. Враги вокруг воспринимают это как вызов, готовясь к броску со всех сторон.

Позиция у меня очень неудобная, но мне как-то все равно, я собираюсь завалить вожака, тогда у остальных сразу пропадет желание со мной связываться. Но сказать проще, чем сделать, и лучше сразу перехватить инициативу. Ради этого я первым срываюсь в атаку, но большой волк поступает зеркально и просто бодает меня, легко отбрасывая назад. Закрадывается мысль, что в этом бою я проиграю.

Факт № 513 Не существует единого классификатора монстров. Разновидности подземных тварей весьма обширны, хотя уже можно выделить основные группы миноров. А вот среди майоров и боссов один монстр на другого не похож. Один из способов отличного заработка баллов и статуса заключается в том, чтобы приносить из рейдов трупы убитых существ. Но сейчас администрацией хорошо оплачиваются только трупы боссов, которые, по слухам, препарировались учеными в тайной подземной лаборатории неподалеку.

«Ва-банк» опять активизирую сразу, еще до того, как останавливаюсь после толчка огромного волка со светящейся шкурой. Несмотря на большой вес, создание двигается стремительно, толкая себя вперед всеми четырьмя мощными лапами. Миноры вокруг воют и щелкают пастьми, но при этом не нападают. Возможно, они просто не имеют права это делать, так как я становлюсь добычей вожака.

Что же, так даже лучше. Если бы они набросились все разом, я бы не выстоял и минуты. А вот альфа-самец приближается неспеша, он явно чувствует себя хозяином положения. Вот уж кто точно не стал бы ныть из-за несправедливости судьбы или других людей. Если бы в том кабинете в полицейском участке вместо меня оказался бы он, то никто не смог бы его принудить становиться синкером. Скорее всего там случилась бы кровавая баня, после которой альфа-самец просто ушел.

Не знаю даже, почему я сейчас об этом думаю. Просто смотрю в зрачки монстра, в которых из центра к краям расходятся сверкающие волокна или даже сосуды. Я точно не выгляжу настолько внушающе, но при этом не чувствую страха смерти. Спасибо адреналину, что сейчас зашкаливает в организме, я лишь дрожу от мышечного напряжения, но страх не парализует. Это состояние, в котором я снова становлюсь «пьяным», но при этом не теряю трезвость расчетов. Через церебро я буквально осознаю генерацию гормонов и скорость кровотока, как если бы наблюдал за работой муравьев вокруг муравейника.

Враг почти не рычит и не использует другие способы, чтобы казаться больше и опаснее. Ему это в принципе не нужно, возможно, именно поэтому он движется ко мне так вальяжно. Да, это не осторожность с поднятыми ушами и постоянным принюхиванием. Не попытка вызвать жалость, когда нашкодившая собака бредет к хозяину с опущенными мордой и хвостом. Это именно что природная доминация в самом ярком проявлении, этому хищнику даже делать ничего особо не нужно, чтобы любой минор или человек перетрусил. Я не стал бы исключением, если бы не химические реакции в мозгу, которые делают меня немного не в себе. И сейчас я подбираюсь к состоянию, когда всё вокруг тонет в алых красках.

Я снова первым перехожу в атаку, размахивая киркой. Монстр, кажется, не имеет природной брони, так что удачное попадание может нанести серьезную травму. Мой враг это словно понимает, так как играюще отскакивает и молниеносно прыгает обратно. Вот только сейчас собирается не толкнуть, а вонзить клыки в мою правую руку. После этого он точно сможет её оторвать одним мощным рывком, и мое поражение станет очевидным и неостановимым.

В целом я был готов к чему-то такому, поэтому заранее проконтролировал силу инерции и успел отвести руки обратно таким образом, что в пасти оказалась ручка кирки. Когда-то в детстве я играл с собакой дяди, пытаясь отобрать у нее палку. Для собаки игра заключалась в том, чтобы ни за что не выпустить предмет из зубов. Тогда я мог только

хитростью выйти победителем. Сейчас же мне кажется, что сила хвата и вес волка в десятки раз превышают сложность игры в детстве, но отбирать кирку мне не нужно.

Сейчас, когда пасть волка занята предметом и находится рядом со мной, я выхватываю с пояса нож и со всей силы бью в шею монстра. Острие легко проникает внутрь, заставляя противника отскочить, а по светящемуся меху стекает кровь. Проблема в том, что кровотечение остановилось почти сразу, что говорит о высокой регенерации майора, который одним движением перекусил рукоять кирки во время маневра и теперь атакует по-настоящему.

Изо всех сил стараюсь не дать в себя вцепиться, прыгая из стороны в сторону, уклоняясь и даже перекатываясь. Мне не нужно серебро, чтобы слышать, как сердце буквально стучит о ребра, и эти удары эхом отдаются в ушах. Пот застилает глаза, но страха все равно нет, словно мозг временно разучился испытывать эту реакцию, что немного странно, но мне на руку. Нужно нанести смертельную рану на всю глубину ножа, чтобы появился шанс на победу, наносить режущие удары бесполезно.

Но несмотря на то, что я все еще на ногах, победа не становится ближе. Я словно смотрю на всё со стороны и понимаю, что со мной просто играют, как кошка бьет лапой полуживую мышь и не спешит убивать и съесть. Воспаленное сознание даже играет со мной, считая, что волчья морда усмехается, смотря на меня. «Ва-банк» скоро выпьет из меня вообще всё, что только можно, оставив бесполезное и обессиленное тело на холодном полу. Мне нужно переломить ход сражения, но финальное усиление стоит начать с хитрости.

Я припадаю на колени, показывая, что выбился из сил, но при этом краем глаза смотрю на вожака, который продолжает скалиться, смотря на меня. Но ему это быстро наскучивает, поэтому бросается на меня, и в этом броске чувствуется намерение нанести смертельный укус, например, одним махом перекусить шею. Я вижу, как волк пригибается к земле, готовясь к прыжку, поэтому перехожу к финальному средству, которое точно сожрет все мои силы.

Способность «Взалкавшие силы Бездны» должна усилить тело до невероятных для текущих возможностей пределов, но получается кое-что другое.

[Котт — так звали одного из них. Великий фехтовальщик и дуэлянт, напор которого сравнивали с грозой и ураганом...]

В прошлый раз было что-то про Бриарея, а теперь метаморфоза какая-то иная. Перед собой я вижу не могучий силуэт человека-великана, а стройную фигуру, чей черный плащ треплет ветер, а в руке вместо привычного оружия гудят переплетенные молнии, сжатые до острого лезвия. Подобные галлюцинации теперь не так сильно удивляют, возможно, психические заболевания вполне обыденны для синкеров, которые так быстро развиваются. Силы вапориума никогда не были безопасны для обычных людей.

Я не знаю как, но рывком ухожу от падающего на меня тела, и разворачиваюсь на немыслимой скорости. Нож играюще перелетает из левой руки в правую, а потом лезвие озаряется разрядами электричества, чтобы три раза пронзить бок чудовищного зверя. Только сейчас мне удастся вывести волка из себя и снова отскакиваю от резкого разворота туловища врага. Но только для того, чтобы скопировать прием и скакнуть обратно без паузы, чтобы два раза вонзить нож в горло.

Красные линии и узоры перед глазами сменяются на молнии, которые словно сняли ускоренной съемкой и получили на выходе слоу-мо. В глазах альфа-самца я не вижу страха, но теперь на меня будто смотрят с уважением, как на равного. Но это означает лишь то, что

из разряда игрушки я перешел в разряд настоящего врага.

Шкура волка резко увеличивает яркость, а потом светящаяся волна расходится во все стороны. Убежать от нее невозможно, бреши в надвигающемся фронте тоже нет. Меня никогда не сбивала машина, но, наверное, ощущения были бы схожими, когда волна достигла моего тела. Возросшей реакцией я успел лишь прикрыть лицо руками перед тем, как полететь спиной вперед и долго катиться.

До ушей достигают вопли миноров, которых тоже раскидало все стороны, и не все из них уверенно встают на ноги. А вот майор бежит ко мне со всех ног, но тем самым лишь приближает свой конец. Пока мистическое усиление все еще действует, я могу выйти победителем в этом бою.

Начинается безудержная пляска, где обе стороны боятся получить удар, но я двигаюсь даже быстрее монстра. Словно меня штормовые ветра подталкивают в спину, а вот волку бьют прямо в лицо. Мех противника теперь светится очень тускло, но постепенно возвращает яркость. Могу предположить, что это своего рода перезарядка. И когда она будет завершена, можно ожидать очередного удара, от которого невозможно увернуться.

Поэтому я лишь ускоряю напор собственных атак и наплевательски отношусь к защите. В боках колет, дышать очень сложно, руки готовы отваливаться, а в ногах дикая слабость, но я пытаюсь преодолеть собственный предел, чтобы выйти победителем из этой схватки. Как отбойный молоток крушу волка, для которого большое тело теперь становится недостатком. Возможно, сейчас я двигаюсь намного быстрее того, на что в принципе способно даже тренированное человеческое тело. Мех волка теперь почти полностью окрашен в красный цвет, а поза выдает страх.

Да, последнее я вижу очень ясно: теперь я здесь альфа и веду в этой схватке. У меня есть неоспоримое преимущество перед зверем в наличии интеллекта, а монстр является заложником инстинктов. И если я силой воли могу подавить естественные реакции, то врагу это недоступно, поэтому он начинает пятиться, впервые за бой. Правда, это палка о двух концах: загоняя зверя в угол, ты делаешь его в два раза опаснее.

И я за это расплачиваюсь, когда пасть щелкает перед моим телом, и моя левая рука оказывается на грани уничтожения. Боли не чувствую, хотя вниз тут же льется дождь из моей крови. К счастью, это еще не ливень, но кровотечение остановить не получится, пока клыки разрывают плоть. Чтобы не дать волку тянуть конечность на себя, я сам двигаюсь вперед и как сумасшедший, как берсерк, превращаю шею врага в решето. Длины оружия не хватит, чтобы дойти до сердца, поэтому остается только это.

Кажется, что сейчас я бы убил любого человека, даже ребенка, если бы от этого зависела моя жизнь. Дыхание смерти — эту поэтическую метафору я не смогу объяснить никакими словами, но чувствую, что это мои последние вдохи, через секунд десять мое сознание померкнет, а сердце остановится. Возможно, близкую смерть может почувствовать каждый человек. Или это благодаря cerebro я считываю кризис в организме, которое подошло к последней черте. Как бы там ни было, скоро я отдохну вне зависимости от исхода схватки.

Неожиданно монстр выпускает мою руку и пытается сбежать, признав поражение. Правда, сил у меня хватает только на то, чтобы не упасть, нож уже лежит на полу, а руки плетями висят по бокам. Те миноры, что могут ходить, отступают вместе с вожаком, но последнего все же настигает смерть, но не от моей руки.

Возникает длинное лезвие, которое перерубает задние лапы, после чего синкер делает

разворот вокруг своей оси, чтобы набрать инерцию и обрушить второй удар на хребет волка, легко перерубая туловище на две половинки. Низшие монстры от такого зрелища бросаются врассыпную, а я просто падаю на землю. Сил стоять больше нет.

[Суммаризация полученного опыта. Готово. Выдано 2 очка развития]

— Я знал, что ты тот еще зверь, — до моего слуха долетает очень знакомый голос. Несмотря на обстоятельства, с владельцем этого голоса я не хочу встречаться сейчас. Да и в любое другое время мое мнение будет таким же.

Синкер ногой переворачивает мое тело, а я пытаюсь сконцентрировать расплывающееся зрение на фигуре спасителя, который на самом деле спасителем не является. Надо мной стоит Ли Дун с недоброй ухмылкой, а его рука, которую отрезал Мясник, на месте.

— Если я бы я знал, что могу тебя контролировать, то даже предложил бы присоединиться к своей банде, но, увы, — Ли Дун присаживается на корточки и качает головой. — Ты не из тех, кто годится на эту роль. В тебе нет амбиций, только желание выжить и обрести свободу. А теперь скажи, где твоя группа?

Я бы ничего ему не сказал, даже если бы мог. Кажется, что язык не слушается, а связки парализованы. И Ли Дун понимает, что ничего от меня не добьется даже угрозами или побоями, так как я на пороге смерти. Теперь скорее всего добьет и пойдет дальше творить свои темные дела.

— Ну уж нет, ты выживешь, сучонок, и расскажешь мне, где прячутся остальные из твоей группы. Если я кого-то приговариваю к смерти, то казнь должна свершиться, что бы ни случилось. Окончательно меня остановит только смерть, но на нее тебе надеяться глупо. Вы можете только бежать, ныкаться или пытаться спрятаться под юбку администрации, но это лишь отсрочка неизбежного.

Говоря это мне, азиат копается в своих карманах и достает какой-то флакон, словно с духами. Но понимаю, что это не парфюм, когда он просто выливает мне это в рот. Сопrotивляться невозможно и чуть насмерть не поперхнулся безвкусной жидкостью. Только сейчас понимаю, насколько меня мучает жажда, а потом по телу начинают ходить волны прохлады. Это не похоже на яд, скорее на исцеление, так как мне становится лучше, хотя не настолько, чтобы встать и оказать сопротивление. Очевидно, Ли Дун не хочет, чтобы я отбросил коньки до того, как расскажу, где отец Григорий, Эмбер, Люциан и Кристиан.

Потом меня закидывают на плечо, как мешок картошки, после чего куда-то несут. Несмотря на полученную помощь, сильно лучше мне не стало. Не могу пошевелить ни рукой, ни ногой, а проблема с распадом тела не решена. Да, я заметил, что получил аж два очка развития, но это означает, что в моем теле сейчас возникли новые мутации. Если сравнить с это с погружением под воду, то на моих ногах прибавилось пару гирей.

В какой-то момент я все же теряю сознание, поэтому почти весь путь провел в бессознательной темноте, где в какой-то момент даже привиделся сон, где по ночному лесу, наполненному лунным светом, бежит огромный волк, чей мех впитывает призрачный свет ночного светила...

Просыпаюсь от того, что меня кинули на пол. Больно ударился головой, но эта боль скрывается в боли других участков тела. Организм, кажется, чуть ожил, но теперь каждая клеточка тела воеет от ощущений. Хочется просто лежать и не двигаться, но черта с два меня оставят в покое. Я лежу в каком-то тоннеле, и вокруг стоят дружки Ли Дуна, например, сразу узнаю Клару Кольц. Сам главарь в этот момент пьет из бутылки, и я тоже мечтаю приложиться к ней. Хотя бы глоток, и я уже буду в раю.

Ли Дун замечает мой взгляд, но лишь ухмыляется, правильно поняв мое желание. Конечно же, воды он мне не предложил, лишь снова спросил, где находится моя команда. Я отвожу взгляд и смотрю в потолок, не собираясь ничего отвечать.

— Дай угадаю, ты думаешь, что все равно не жилец, так зачем сдавать товарищей? — Ли Дун вновь присаживается рядом. — Знаешь, уйти из жизни тоже можно по-разному. Легко и быстро, или долго и в мучениях.

Я лишь растягиваю потрескавшиеся губы в улыбке и продолжаю молчать. Напоминаю огарок свечи, прогорел полностью физически и психически. Даже если меня будут пинать толпой, то скорее всего буду изображать бревно до самого конца.

— Если думаешь, что тебе все равно, но это не так. К счастью, у меня есть синкер, который может открыть новые горизонты боли, если постарается, — Ли Дун смотрит на Клару Кольц, которая, в свою очередь, не выглядит слишком радостной. Возможно, она боится Ли Дуна ничуть не меньше монстров из подземелий.

А у меня нет сил для волнения, просто закрываю глаза и делаю вид, что вокруг ничего не происходит. Вновь представляю себе зеленые луга, солнце, голубое небо и свежий ветер. Вдруг я после смерти попаду в рай? Или меня ждет перерождение в какое другое существо, как в индуизме? Или даже перенесусь в фэнтези-мир, где всегда тепло и чисто, да еще со статусом главного героя? Звучит привлекательно. В худшем варианте просто вечный покой в бесконечной темноте.

Факт № 215 Режим ЧС в подземелье может быть объявлен в некоторых случаях. Например, бунт синкеров, чего на самом деле ни разу не случилось. Работающие на администрацию синкеры дружными усилиями с военными подавят любой бунт, обрести желаемую свободу синкеры не смогут, хотя бы потому, что восстать против вапориума в организме они не могут. Более вероятной причиной может стать массивированный наплыв монстров, который не могут остановить синкеры. Тогда наступает опасное время, но одновременно это период возникновения новых возможностей.

Я и не знал, что у меня есть силы на крики. Ничего другого мне не остается, так как встать и вступить в бой я не могу. Под пристальным взглядом Клары Кольц у меня в теле вспыхивают ураганы боли, словно сквозь плоть расходятся десятки острейших лезвий, предварительно политых кислотой. У меня нет сил на активацию «Презрения к боли», поэтому меня защищает только моя воля.

Хотя кого я обманываю? Я не тот человек, который будет улыбаться во время пыток в нормальном состоянии рассудка. Без режима берсерка мой разум не отличается стойкостью, поэтому все реакции на раздражители легко предугадать. В окружении врагов, в подземелье, куда не вызвать полицию, надеяться на что-либо глупо, а тело больше не хочет испытывать боль. Я прошу прекратить, так как не имею ни малейшего понятия, где находится моя команда. Я даже не знаю, где нахожусь сам.

Но Ли Дун игнорирует мои слова, приказывая своей шестерке продолжать пытку. Теперь кажется, что у меня во рту шевелятся зубы и начинают проворачиваться в деснах. Ощущения неопишуемые, никакие реальные удары или порезы с этим сравниться не могут.

— Мне нужно отдохнуть. Глаза болят, — тихо произносит Клара.

— Давай, только быстро, — отвечает главарь банды и подходит ко мне. — Ну, как тебе? На самом деле мы можем продолжать очень долго. Мне сказали, что ты можешь погасить собственную боль, но сейчас тебе это не поможет. А у меня в команде есть пара целителей, которые не дадут тебе просто умереть. Так что будет лучше, если ты скажешь, что мне нужно.

— Я не знаю, где моя команда, — в очередной раз проговариваю это. — Я бы не стал бродить в одиночку по подземелью, если бы мог пойти вместе с ними.

Это звучит логично, хотя на самом деле я как раз таки поступил нелогично, чтобы пройти по пути эволюции еще быстрее и более широкими шагами.

— Допустим, — Ли Дун неожиданно соглашается. — Но как так получилось, что вы разделились? Мои разведчики не смогли в окрестностях обнаружить никого, кроме тебя.

Понятно, значит, есть синкеры со способностью улавливать людей или просто живые организмы на больших расстояниях. Тоже, наверное, полезная способность в определенных ситуациях.

— На меня попал яд пойзонера, поэтому меня изолировали. Сказали, что если я выживу, то могу стать зомби, а им еще нужно закончить миссию.

— Пойзонер? Ну, ты не выглядишь умирающим именно от яда босса. Да и зомби, кажется, не становишься. Иначе на теле бы стали появляться особые следы. Значит, тебя просто бросили в подземелье? Оставили в тоннеле и сказали не следовать за ними?

— Примерно так. Сказали, что вернутся за мной, как закончат с делами.

— Угу-угу, — кивает Ли Дун с задумчивым выражением лица.

Я не совсем понимаю, зачем ему пытаться меня. Почему он просто не отправится на станцию Минотавр и не попытается узнать там, куда отправилась наша группа? Я уверен, что можно получить такую информацию. Например, узнать цель нашей миссии, а потом посмотреть на цифровой карте подземелья в пункте выдачи задания, где находятся места прорыва трубопровода. После этого останется лишь проверить каждое место. Или просто дождаться возвращения группы у станции или в Миносе. Из-за чего такая спешка? Решаю именно этот вопрос и задать Ли Дуну, чтобы потянуть время.

— Что? А! Ты, наверное, не в курсе о режиме ЧС на пятом, шестом и седьмом ярусе. И глубин примерно девять часов назад начался прорыв огромного числа монстров, которые двигаются вверх. Сейчас там очень жарко, поэтому я не хочу бродить как слепой котенок. Мне нужно знать точное местоположение цели вашей миссии. Говори.

Режим ЧС? Это значит, что мои товарищи сейчас в еще большей опасности, чем я в руках Ли Дуна. Вот только я не знаю местоположения прорыва, так как миссию получал только отец Григорий. Я же просто следовал в составе группы и не запоминал дорогу.

— Я не знаю, где именно был прорыв трубопровода. Я же новичок! Мне трудно запоминать сложные маршруты. К тому же я вообще не представляю, где нахожусь сейчас.

— Ну, есть одна вещь, которая отлично стимулирует память, — Ли Дун смотрит на Клару, но та говорит, что ей нужно еще пару минут.

Что же, у меня есть две минуты отдыха перед новыми пытками. Это время нужно потратить на работу с треугольником Фиша, благо для этого не нужно ни двигаться, ни что-то говорить. Если я сейчас начну умирать из-за мутаций, целители Ли Дуна ведь мне помогут, не так ли? Мысль, конечно, забавная, но если бы целительские суперспособности могли бы остановить распад тела, главная проблема синкеров перестала бы существовать.

Сейчас мне нужно как можно скорее прийти в норму, чтобы попытаться сбежать. Пускай напоминаю выброшенного на берег кита, это лишь должно усыпить бдительность пленителей. Другие синкеры — это не монстры. С одной стороны они так же умны, как и ты, но с другой стороны имеют вполне человеческие недостатки.

Перед глазами возникает треугольник Фиша, где я трачу одно очко развития в тело. Желтый угол моментально расцветает.

[Основной клапан открыт. Коэффициент давления в выпускном коллекторе не превышает 2,9 %. Активация новой способности]

[Ренитрификация — способность ускоренного восстановления энергии в организме путем ферментирования азотсодержащих смесей. Альвеолы пользователя мутированы таким образом, чтобы использовать получаемый с дыханием азот и на этой основе запускать процесс синтеза ферментов, ненормально меняющих клеточный гомеостаз. Восстановление разрушенных митохондрий происходит на основе прежних образований, структура ДНК остается неизменной. Это позволяет пассивно с дыханием восстанавливать энергетические запасы для дальнейшего продуцирования АТФ без необходимости анаэробного гликолиза в мышцах по циклу Кори]

Я не особо понимаю, что там навывислял ДС. Выглядит как научно-медицинский бред, возможно, так оно и есть. Я понял лишь то, что мой организм ответил на реакцию невозможной усталости и необходимости быстрого восстановления. Дышать мне нужно постоянно, а азота в воздухе, насколько помню со школы, больше всего. Это значит, что я буквально могу постоянно быть бодрым. В теории...

Чередуя вдох и выдох, стараясь обращать внимание на изменение уровня усталости в теле, но пока что ощущаю только боль от ран. Особенно сильно болит левая рука, которую укусил тот волк. Зелье, данное Ли Дуном, остановило кровотечение, но дальнейшее заживление не происходит. Этим мне явно придется заняться самостоятельно.

Однако у меня есть еще одно очко, которое стоит куда-то вложить. Если еще раз вложить в тело, то пользы прямо сейчас много не будет, так как я без сил. Мистические силы очень ненормальны и необъяснимы. Возможно, лучше всего будет вложить в разум, совершенствуя работу головного мозга. Теперь голубой угол в треугольнике Фиша затмевает собой все. Deus Spiritus реагирует моментально, производя какую-то невидимую для меня работу, чтобы обобщить эволюционное развитие.

[Второй мозг — новая абстрактная структура мозга. Нейрогенез в мозгу пользователя невероятно активизировался до уровня пренатального периода. Количество нейронов и связей увеличено кратно, но при дифференцировке клеток фенотип новых нейронов имеет различия, что позволяет иметь сразу два вида нейронных структур, связанных друг с другом, но работающих независимо. Мозговые ткани требуют больше кислорода и энергии, но при этом имеют пластичную платформу для «записи» чего-то нового. В конкретном случае повышена способность контроля над аномальными состояниями]

Спасибо, ничего не понял. Нижние углы треугольника Фиша ДС интерпретирует слишком научной точки зрения, а для мистических сил отправляет фантазию в полет. Как говорится, что то хня, что это. Я зацепился только за последнее предложение, где сказано про повышение контроля над аномальными состояниями. Под этим подразумеваются мистические силы? Церебро показывает, что мозговая активность сильно выросла, но пока что сил все равно нет что-то проверить.

— Хватит отдыхать, приступай, — доносится голос Ли Дуна, а потом я перестаю что-либо слышать, кроме собственных криков. Способность Клары сейчас выворачивает мои внутренности, во всяком случае мне кажется, что мне просто разрывают живот когтями и вытаскивают органы без какой-либо аккуратности. К счастью, я почти сразу теряю сознание, но долго мне проваляться без чувств не позволили.

Не знаю, сколько времени проходит, но меня приводят в чувство, задают вопросы и пытаются, в процессе чего я снова теряю сознание. Ли Дун приказывает Кларе снизить интенсивность боли, но мне с каждым разом становится легче и без этого. Через церебро в моменты ясного сознания я вижу, что способности подельницы Ли Дуна сейчас влияют не сколько на рецепторы тела, сколько на определенные зоны в мозгу. Это соотносится с моими представлениями о том, что боль лишь продукт реакции мозга, а не поврежденного участка тела. И вот как раз таки мозг у меня сейчас стал более совершенными.

Церебро показывает, что мозг словно перемешан красной и голубой краской. Первые участки — это мой природный мозг, а вторые участки показывают недавний нейрогенез. Всё это связано в единую конструкцию без изменения размеров органа, но при этом изолировано для какой-то из групп. И сейчас ощущение боли забирает второй мозг, а первый перестает её ощущать. Хочется улыбнуться, но мне не до этого. Клара продолжает сверлить меня взглядом, но я больше не кричу и не мечусь на полу. Я бы мог, конечно, изобразить страдания, но для этого нужно совершать работу, а так не хочется.

— Хм, сошел с ума? Нет, — Ли Дун смотрит мне прямо в глаза и каким-то образом понимает, что я полностью в рассудке, но перестал ощущать боль. — Значит, смог

адаптироваться даже к такой боли? Клара, ты становишься бесполезной.

Последнее было сказано с легкой улыбкой, но я замечаю, что девушке вообще не до смеха, словно оказаться бесполезной для своего босса хуже смерти. Я могу её понять, ведь у нее точно должно быть много врагов, на которых она когда-либо применяла свою способность. Если лишится покровительства Ли Дуна, её заведут в какой-нибудь темный угол в Миносе и оттуда вынесут уже по частям.

— Сюда приближаются монстры, прорыв скоро дойдет до нас, — сообщает один из мафиози. Предположу, что голос принадлежит синкеру, который может чувствовать живые организмы на большом расстоянии.

— И что, в штаны наложил? — глумится Ли Дун.

— Нет, но... Там их порядка двух тысяч. Не думаю, что дружки этого парня смогли выжить, если оказались рядом с прорывом. Либо заперлись в каком-нибудь переходе и сейчас их достать не получится. Нам стоит подняться к станции «Фурия», её могут скоро перекрыть.

Главарь задумчиво смотрит на меня, а потом на остальных. Я уверен, что Ли Дун сумасшедший ублюдок и психопат, другие на его месте оказаться не могут. Но это не значит, что он не будет последовательным.

— Хорошо, утырки. Бегом поднимайтесь, но на Фурии не задерживайтесь, лучше обойдите и сразу к лифту на третий ярус.

— А ты?

— Моя охота не завершена. Мне все равно на монстров, они мне ничего сделать не смогут. Но приговоренные мной должны умереть именно от моей руки. Ну и что вылупились?! Свалили! — под конец рявкнул азиат, из-за чего все тут же зашевелились и поспешили в одну сторону, выстроившись в походный порядок с танками, дамагерами и поддержкой. Лишь один задержался, прошептав что-то на ухо Ли Дуну.

— Ну, вот и остались только мы. Возможно, сейчас я действительно не смогу найти твоих друзей. Но я уже представляю, где они находятся. Хочешь узнать, откуда?

Нет, мне плевать, поэтому просто молчу.

— Ну, игнором ты меня не обидишь. В моей команде есть телепат, правда, совсем слабенький, иначе бы работал на администрацию где-то на поверхности. Он может определить, врет ли человек, а также умеет читать самые поверхностные мысли. И у тебя в голове он смог увидеть воспоминания маршрута, который ты и сам забыл. Тот пастор Грегори поступил по-умному, никому не говоря, куда именно собирается, только союзная команда в курсе. Даже на Минотавре он сделал всё тихо. Но теперь я его найду, но сначала разберусь с тобой.

Думаю, он хочет меня убить, но сейчас я не могу оказать ему сопротивление. Сердце начинает биться чаще.

— Но для этого нужно кое-куда сходить.

Ли Дун проверяет, насколько крепко у меня связаны руки и ноги, после чего закидывает меня на плечо и куда-то идет, приговаривая, что мне там очень понравится. Похоже, Ли Дун куда сильнее не в себе, чем мне казалось. С одной стороны он кажется жестоким и хладнокровным лидером, а с другой ведет себя не просто вызывающе, а кажется эксцентричным сумасбродом. Самый опасный тип людей, с которыми я встречаться не хочу ни при каких обстоятельствах.

На нижних ярусах наплыв монстров, а он думает лишь о том, чтобы закончить казнь. Я

могу предположить, что он действительно не боится умереть от рук монстров. С его способностями он практически неуязвим, но не может же у него быть стальной выносливости? Любые суперспособности тратят силы. А что он будет делать против майоров или тем более боссов? Мне кажется, что он точно знает, что делает. И надеюсь, что не умеет читать мысли, так как будто мне отвечает:

— Пройдем по тайным тропам, там вероятность встретить монстров низка даже в случае массовых прорывов. Чудовища обычно двигаются по одним и тем же маршрутам, к тому же им постоянно придется пробиваться через гермоворота. Последние только высшие монстры и боссы могут пробивать. Мы же сделаем небольшой крюк, чтобы спуститься еще глубже. Так что можешь не надеяться, что на нас набросятся монстры, и ты сможешь сбежать, пока я буду занят.

Можешь говорить что хочешь, но я не упущу возможности свинтить отсюда. Проблема в том, что я связан, хотя чувствую небольшой прилив сил, значит, «Ренитрификация» действительно работает пассивно. Если идти придется долго, то смогу восстановиться сильнее.

— Знаешь, если будешь отвечать, дорога пролетит быстрее и легче, — посмеивается Ли Дун.

— Развлекай себя сам, — бурчу в ответ, смотря на пол. Кровь приливает к голове, не самые приятные ощущения.

— Не переживай, я-то развлекусь на полную катушку. В подземелье просто нельзя иначе. Если жизнь — это игра, то я намерен выиграть всё. Своё я не упущу, и в этом наша с тобой разница. Эти придурки из администрации придумали систему кураторов, чтобы больше новичков доходило до реально полезной для них работы. А вот раньше этого не было, всех новичков просто спускали на лифте и оставляли на растерзание синкерам. Взять в оборот всех не позволялось, но многим ой как не везло. И вот те, кто выживал в таких условиях, становились настоящими синкерами. Нас считают дикими псами, что сидят на цепи и сторожат подземелье. И если ты не готов становиться диким псом, то будешь просто сучкой для других псов. И неважно, какого ты пола. Слушаешь?

В ответ просто посылаю на четыре английские буквы, а Ли Дун шутит, что именно туда мы сейчас идем. Предчувствия у меня нехорошие, но других просто быть не может, ведь Ли Дун вовсе не в парк развлечений меня тащит. Он однозначно собирается меня убить, но почему-то ему важно, как именно это произойдет. Я понимаю, что ему нужно донести меня до определенного места, значит, нужно что-то придумать до того момента, а также восстановить побольше сил. Жаль только, что я совсем не уверен в возможности своей честной победы. Даже со всеми мутациями я ему не соперник, а в текущем состоянии тем более.

Наш спуск по обходным тропам продолжается, а я стараюсь на это посмотреть с точки зрения очередной эволюционной лестницы. Это ведь тоже экстремальное испытание. Значит, в процессе я могу вновь продвинуться вперед. Облегчение вызывает лишь тот факт, что приступы внутреннего распада больше не повторяются. Возможно, выбрал верный вариант развития.

Факт № 640 Традиции — часть любой культуры, и синкеры, как изолированное общество, тоже имеют сформировавшиеся обычаи. С той лишь разницей, что они сильно отличаются от группы к группе, хотя есть такие, которым следуют почти все. Например, молча спускаться на лифтах. И в некоторых группах традиции могут принимать своеобразные и даже очень опасные формы.

Мой путь на плече Ли Дуна продолжается почти час. Главарь банды, несмотря на худощавое телосложение, легко меня несет и вообще не показывает следов усталости. Вот такую мутацию я бы с удовольствием получил бы, правда, не знаю, как именно она бы выразилась с моим биоконтролем.

Часть пути Ли Дун идет молча, особенно, если на грани слуха слышны звуки монстров. Один раз я даже заорал, чтобы привлечь их внимание, но заработал только шишку на голове, и часть пути провел без сознания. Когда вновь пришел в себя, то понял, что лежу на полу, а мой пленитель разгребает завал. Он трансформировал руки в стальные крюки, которыми поддевает камни и с силой тянет к себе. Потом принимается раскидывать кучу, показывая, что физически намного превосходит обычных людей. Если бы не было синкеров подобных Мяснику, Ли Дун вполне бы мог сбежать отсюда. Стрелять в его стальное тело бесполезно, взрыв гранаты или ракеты он, возможно, легко переживет.

С грохотом раскатывается последняя стена из камней, показывая проход дальше. Ли Дун сейчас рассказывает о том, что на этой глубине можно встретить разные полезные ископаемые, но правительству на это по большей части все равно.

— Вапориум, вапориум, вапориум, — говорит бандит, — Словно без него наступит конец света. Человечество настолько привыкло жить в комфорте, что больше не собирается ухудшать качество жизни ни на дюйм. Понимаешь? Но как-то ведь люди жили в древности и без электричества, огнестрельного оружия, лекарств и интернета.

Мне вообще все равно, рассуждать о ценностях я не собираюсь. Мой мозг, а точнее два моих мозга, работают над решением только одной задачи — как выбраться из этой задницы и остаться в живых?

— Я в детстве читал книги, где рассказывались истории о старых временах, когда мир даже не был открыт полностью. Вот там я хотел бы оказаться, чтобы плавать на парусных кораблях, сражаться на мечах и охотиться на диких животных. Но тебе этого не понять, конечно же. Ты раб современного мира.

Сейчас Ли Дун выглядит воодушевленным, даже небольшая улыбка видна на лице. Но само выражение лица остается жестким, он не из тех, кто ищет гармонии или романтики. Он преследует только нравящуюся ему атмосферу. Думаю, именно таких и нужно отправлять в синкеры.

— И тут меня ловят за преступление, и я оказываюсь здесь. Сначала было не очень весело, особенно, когда я сам был новичком, но теперь я могу смотреть на всё сверху вниз. Можешь поверить, что спустившись под землю я не был авторитетом, что мне пришлось кровью прокладывать себе путь к вершине? Ты же ведь помнишь, как мы встретились?

Это было совсем недавно, так что, разумеется, я помню. С командой вошел в Минос для экскурсии и оказался рядом с бандитскими разборками, где Ли Дун жестоко убил какого-то другого авторитета, а потом под руку попались мы. Командная работа и вмешательство

администрации тогда нам очень помогли.

— В этом и суть, — Ли Дун вновь закидывает меня на плечо. — В подземелье просто не может быть никакой морали. Здесь нет милосердия, щедрости, доброты. Из-за появления кураторов новички перестали знакомиться с правилами как положено. Десять не прошедших инициацию синкеров не стоят даже одного, кто смог выстоять. Но администрации же нужно в отчетах указывать повышение нужных метрик.

Я по-прежнему не хочу поддерживать разговор, но сейчас отмолчаться не получается.

— Ну-ну, ты просто обожаешь насилие и оправдываешь его необходимостью воспитывать новичков.

— О! Ты решил заговорить. Давай побеседуем. Люблю ли я насилие? Да, безусловно. Но это, скажем так, лишь половина картины. Когда я впервые оказался в Зеро, со мной было семеро новичков. Мы договорились держаться вместе, но это оказалось бесполезно. Нас уже ждали, их было больше и они были сильнее. Помнишь Блэка? Тогда он был помощником главара. Он приказал нам убить друг друга, и многие окружающие нас синкеры начали кидать нам под ноги ножи, дубинки и кастеты. Им было плевать, кто мы и какие у нас способности. Они хотели проверить наш псовый дух. Не путай с псиным, те синкеры четко различали псов и псин.

Я догадываюсь, что сейчас он расскажет о том, как убил всех своих товарищей, но внезапно ошибся.

— И вот мы смотрим друг на друга и подначивающих нас синкеров. Никто не нагибается, чтобы взять оружие, и тогда Блэк нам говорит, что если мы не начнем, то нападут уже опытные синкеры. При этом убивать не будут, но покалечат очень сильно. Знаешь, какой был любимый их способ нанесения увечий? Вырывание глазных яблок. Если ты новичок и к тому же слепой, то переходишь в разряд животных. Ты не можешь зарабатывать баллы, не можешь повышать статус, и остается лишь самоубийство или пресмыкание перед другими синкерами.

Так как остановить Ли Дуна я все равно не могу, то никак не мешаю продолжать пугающий рассказ.

— И вот один из наших подхватывает с пола нож, после чего смотрит на нас. Ты можешь догадаться, что с ним произошло далее? Может, ты думаешь, что синкеры его похвалили? Нет, он перешел в разряд псин, сучек, так как замер в нерешительности, боясь начать бойню и пострадать от рук тех или других. Он не заметил, как один из синкеров оказался очень близко и нанес сильный удар по правой почке. Потом его повалили и начали избивать, он еще не скоро смог ходить на своих ногах без костылей, а сдох от передоза таблеток в подворотне.

Не представляю, зачем Ли Дун мне это рассказывает. Не сказать, что мне совсем неинтересно, как он дошел до такой жизни, но нет такой вещи, которая оправдала бы его собственные дела. И не кажется, что ему вообще нужно передо мной оправдываться. Он рассказывает с какой-то другой целью.

— Я с другими новичками просто стоял на месте, смотря на это. Тогда мы получили первый урок: если ты взялся за оружие — бей без промедления. В подземелье первый удар может оказаться последним, поэтому нерешительность губит похлеще вапориума. Этот урок мне пригодился в следующие месяцы и против других синкеров, и против монстров. Но та встреча на этом не закончилась, синкеры немного выпустили на нас пар, но у них еще оставался лимит на насилие, поэтому Блэк потребовал, чтобы нас осталось четверо, то двое

должны сдохнуть. И если мы этого не решим, он сам выберет случайным образом двух бедолаг.

— И знаешь, — продолжает рассказчик. — Тогда-то я понял, что не позволю каким-то ублюдкам указывать, что мне делать. Но чтобы заработать такую возможность, мне предстоит потрудиться, поэтому я сделал несколько шагов и подобрал тот самый нож, который выронил избитый мой товарищ. Его ошибки я не совершил, поэтому сразу набросился на одну из женщин нашей группы. Выбрал самую слабую, никто и не подумал, чтобы ей помочь, синкерам все равно на крики умирающего человека, а администрации тем более. Не говоря уже о гражданах Атланты, что ходят где-то над нами. Я сознательно выбрал самого слабого противника, хотя суперспособности стирают грань между боеспособностью мужчин и женщин. Вот ты когда-нибудь убивал человека в трезвом рассудке, и не защищая собственную жизнь именно от него? Догадываюсь, что нет.

Надеюсь, что мне этого делать никогда не придется. А если позволю себя сегодня убить, то это будет последней вещью, о которой буду думать.

— Но умереть должны были двое, поэтому я оглядел остальных и снова выбрал женщину, их было всего трое. У нее была потенциально сильная суперспособность, но я тогда уже мог укреплять тело, хоть и не научился трансформировать его в оружие. Когда наши взгляды пересеклись, она поняла, что сейчас произойдет, и даже попыталась оказать сопротивление, но меня было не остановить. В итоге только я перешел в разряд псов, а все остальные так и остались на дне. Кто-то на следующий день, кто-то через неделю или месяц: в разный срок и при разных обстоятельствах все те люди оказались на том свете. Я единственный, кто выжил. Мало было новичков, которые были настолько эффективными в подземелье, как я, но моя сила была не в том, что мне повезло со способностью, а в моем настрое, в моей философии хищника. Все полученные уроки я быстро усваивал и продвигался в иерархии, пока сам не оказался на вершине. Администрация позволяла делать с новичками что угодно только потому, что таким образом синкеры воспитывали достойную смену тех, кто смогут жить здесь и работать.

Что же, я рад, что не застал тех времен, хотя как раз я получил свою дозу экстрима в первый день в Зеро. Но жалеть Ли Дуна не собираюсь, хотя признаю его правоту в некоторых вещах. Если сейчас у меня появится возможность нанести смертельный удар, я нанесу его без колебаний. Для этого мне не нужно становиться монстром в человеческой шкуре, это просто вопрос выживания.

Бандит на некоторое время замолк, а я чувствую, что мы постепенно спускаемся. Иногда Ли Дун даже прыгает в разломы, играюще приземляясь и не теряя равновесия даже со мной на левом плече. Мне же пока остается изображать из себя мешок с картошкой и восстанавливать энергию дыханием.

Через какое-то время мы вышли из зоны, где проведено освещение, и на монстров так и не наткнулись. Очевидно, что такой опытный синкер, как мой визави, отлично знает множество маршрутов на всех ярусах. Я до сих пор теряюсь и не могу представить в голове весь пройденный путь. Для меня вокруг нет значимых ориентиров, а под землей с этим в целом всё очень плохо. На поверхности можно ориентироваться на солнце, на деревья, горы или строения, но здесь для неопытного взгляда просто похожие друг на друга тоннели, перемычки и гермоворота.

Я постепенно прихожу в себя и даже немного пробую веревки на прочность таким образом, чтобы этого не заметил Ли Дун. К сожалению, не думаю, что смогу разорвать их

одним быстрым движением без использования силы Бриарея, например. Но раскрывать свои способности мне нельзя, это должно стать для Ли Дуна неприятным сюрпризом и дать мне шанс на победу. Но если не останется никакого другого выхода, то придется потратить эффект неожиданности на высвобождение, а потом будь что будет. Сейчас продолжаю изображать человека, утратившего волю к жизни.

Скоро возникает дорога постоянно под наклоном вниз и, кажется, мы спустились уже в район шестого яруса, так как маршрут постоянно подразумевал спуск, хоть и без использования лифтов. Могу догадаться, что лифты сейчас заблокированы из-за статуса ЧС. Вдруг меня кидают на пол, значит, мы пришли. Ли Дун уходит куда-то, после чего в тишине слышен удар рубильника, а потом загораются многочисленные лампы.

Я переворачиваюсь на спину и смотрю на большой зал, в который вряд ли кто-то заходит чаще раза в год. Сферическая крыша по центру имеет ровные квадратные отверстия, а вот в центре помещения на полу расположена огромная дыра, явно уходящая на большую глубину. Это мне что-то напоминает...

— Здесь была старая лифтовая станция, уходящая до дна подземелья. Из-за сильного землетрясения пришла в негодность, после чего лифты перенесли в другое место. Но вот шахта осталась, и она очень глубокая, можешь мне поверить, — поясняет вернувшийся Ли Дун.

Причины не верить последним словам у меня нет. Как и нет понимания, зачем Ли Дун хотел мне это показать. Не стал бы он устраивать экскурсию по заброшенным местам подземелья для новичка? Внезапно нож разрезает веревки, позволяя освободиться. Я тут же пользуюсь полученной свободой и вскакиваю на ноги, чувствуя, как оживают места, где была затянута веревка. Ли Дун передо мной стоит с усмешкой, словно хочет поиграть перед казнью. И предположение оказывается верным.

— Я привел тебя сюда не просто так. Это особенное место, где многие псы заканчивали свой путь. Можешь называть местом силы, ритуальным лобным местом, камерой для смертников. У синкеров много разных обычаев, но стая, которая воспитала меня, имела один особенный. Мы использовали это место для казни особенных врагов. Смерть — она, конечно, смерть вне зависимости от места, но это не для тебя, а для меня.

— Ты конченный психопат, Ли Дун, — говорю я, прикидывая маршрут бегства отсюда.

— На пороге смерти можно бросаться любыми обидными словами, судьбу это не изменит. Здесь мы в подземном мире, тут с нами говорят души несчастных загубленных синкеров. И твой шепот пополнит хор призрачных голосов. Я сброшу тебя в шахту за твоей спиной и напитаться твоей силой. Прислушайся, мертвецы зовут тебя к себе.

Против воли я прислушиваюсь, но вокруг лишь давящая тишина. Здесь нет ветра, дождя или других живых существ. Только я, Ли Дун и огромная шахта за моей спиной, и дно увидеть не получится даже с фонарем.

— Не слышишь? Ничего страшного, скоро они расскажут тебе свои истории. Я признаю тебя как пса. Ты дал жесткий отпор моим шавкам в Зеро, а в Миносе даже мне. Почти справился с монстрами в одиночку. Ты мог бы стать великолепным синкером, не окажись моим врагом. Приведя тебя сюда, я признаю тебя как почти равного. Я даю шанс спастись, но для этого тебе придется меня убить.

Он швыряет мне под ноги тот самый нож, с которым я сражался против волка-вожака. Разумеется, я подбираю, мне пригодится любое оружие.

— Отлично! — кожа Ли Дуна становится серой. — В Зеро есть «черный колодец» для

самоубийц, но прыжок туда создан для псин. Псы же имеют право найти свою смерть в этом священном месте. Из твоих дружков только того священника я, пожалуй, приведу в это место.

— Не стоит недооценивать отца Григория. Впрочем, как и меня, — стараюсь держать тон ровным. Мышцы кажутся задеревеневшими, но при этом дыхание помогло восстановить часть сил. Мне этого хватит на «Ва-банк» и на «Взлавкавших силу Бездны».

— Спасибо за очевидную мысль, — Ли Дун всю веселится. — Не хочешь прыгнуть вниз сам? Слабые сердцем умрут еще до того, как разобьются в лепешку на дне седьмого яруса.

— Только после вас, — делаю приглашающий жест мимо себя.

Сейчас прелюдия закончится, и тогда настанет время использовать что угодно, чтобы выйти отсюда живым. У меня нет уверенности, что я смогу пробить сверхъестественную броню Ли Дуна, но могу попробовать его самого столкнуть в пропасть. И даже если он переживет такое падение, я от него избавлюсь на некоторое время. Именно поэтому сейчас я не буду пытаться отбежать от края бездонной шахты.

Сердце стучит всё быстрее, жаркий воздух поднимается из пропасти, внизу действительно огненный ад. Капли пота стекают по телу и пропитывают одежду, а руки до боли сжимают рукоять ножа. Сейчас всё моё внимание сосредоточено на фигуре противника перед собой, который чувствует себя хозяином положения, создавая нож из собственного тела.

Возможно, именно из-за концентрации на враге я не сразу заметил, что температура воздуха резко пошла вниз. Но с другой стороны не мог не обратить внимание, что Ли Дун вместо рывка вперед, почему-то затормозил и обернулся. Только сейчас я понимаю, что в зале появляется еще один человек, который скорее всего пришел по собственной воле. И его я тоже отлично помню, хотя не могу сказать, что хорошо знаю. Появление человека может принести как надежду, так и отчаяние, тут уж как распорядится удача или судьба.

Факт № 212 Тайные общества возникали в течение всей истории человечества. Например, жрецы Амона, оракулы Дельф, масонские ложи, общество Туле, Иллюминаты, Очевидцы Апокалипсиса и другие. Всем им была присуща жажда власти над другими людьми, над судьбой или скрытыми знаниями. И пока есть, что искать и что прятать, они будут оставаться в тени, взявшись за руки.

В освещенном зале бывшего лифтового яруса появляется третий участник. Я думаю, что его сюда Ли Дун не звал, раз громко спрашивает, какого хрена он тут забыл. Пришедший лишь улыбается и поправляет очки, совершенно не заботясь об ответе. Разумеется, это выводит Ли Дуна из себя, а я пытаюсь понять, что происходит.

Третьим участником оказывается синкер по имени Фрэнк, в Миносе он помогал Ли Дуну. Помню, что он может создавать лёд и управлять им, опасный наемник, который словно больше не работает на Ли Дуна. Фрэнк почти не изменился, так как времени с того инцидента прошло не так уж много. На нем по-прежнему дорогой костюм с белым плащом, а вокруг морозная дымка. Думаю, он неплохо обеспечен баллами, чтобы заказывать себе лучшую одежду и не ходить слишком часто на миссии, где можно испачкаться.

— Еще раз проигнорируешь мой вопрос, Фрэнк, и ты труп, — холод в голосе Ли Дуна может соперничать со суперспособностью пришедшего синкера.

— Да ну? — наконец реагирует синкер. — Мой контракт подошел к концу, так что плевать я на тебя хотел. Не ради тебя я здесь. Можешь свалить.

Сказано с наглой улыбкой на лице. Я почти уверен, что такое поведение спровоцирует Ли Дуна, хотя не очень понимаю, зачем тогда здесь Фрэнк. Но мне это может быть на руку, если эти двое начнут выяснять отношения. Тогда я могу попробовать сбежать отсюда.

— Ну и ну, — Ли Дун разминает шею, наклоняя голову вправо-влево. — Сначала послал всё к чертям и сказал, что больше на меня работать не будешь, а теперь еще вздумал мне мешать. Что-то мне говорит о том, что ты страх потерял!

Последние слова главарь банды кричит, прыгая вперед. Это поистине сумасшедший рывок, сила ног Ли Дуна легко позволяет ему скакнуть на десяток метров с места. Нож должен был вонзиться в лицо Фрэнка, но застревает в резко возникшем куске льда. Я не думаю, что обычный лед достаточно прочен, чтобы выдержать такой удар, но вапориум позволяет нарушать естественные законы по неизвестным пока причинам. Только это и делает синкеров очень полезными там, где от обычных людей мало пользы.

Сейчас впереди клубится морозный дым, словно Фрэнк выпускает жидкий азот. И это необычная субстанция, ведь ледяная волна проходит по залу и даже заставляет меня ощутить сильный холод. Недавний пот теперь становится намного более неприятным. Где-то в морозных клубах происходит схватка, я слышу, что Ли Дун ломает ледяные преграды, но словно не может добраться до тела врага. Я пока не знаю, что делать, даже не вижу, что именно там происходит, но при этом прикидываю, как обойти двух синкеров. К несчастью, они стоят прямо около выхода, меня может задеть.

Вдруг в подземелье рождается настоящий буран, способность Фрэнка стремится заморозить вообще всё вокруг, что в принципе может быть заморожено. Теперь я понимаю, что там, в Миносе, он даже не старался, ведь сейчас он в мгновение ока покрыл слоем льда пол и стены, а на потолке выступила морозная щетина, словно там минус пятьдесят

градусов. При этом меня фронт заморозки по какой-то причине полностью проигнорировал, а вот Ли Дун теперь напоминает глыбу льда. Хотя, почему напоминает, он и есть теперь глыба льда неровной формы. Надеюсь, он задохнется внутри моментально замерзших масс воды, которые тут появились непонятно откуда.

— Освежает, да? — Фрэнк обходит побежденного врага и приближается ко мне.

— Ага, — отвечаю я, пока не понимая, как реагировать на происходящее.

— Не напрягайся, я тебе не враг и пришел сюда, чтобы спасти, — спаситель останавливается рядом со мной.

— Да? Спасибо, хотя мне трудно представить синкера-альтруиста.

— И правильно, ведь я не супергерой, спасающий новичков от сумасшедших псов. Считай, что тебе повезло стать особенным среди всех прочих. Именно поэтому ты и привлек наше внимание.

— Наше?

— Мы называем наше общество «Аташдан».

— Впервые о таком слышу.

— Неудивительно, это ведь тайное общество. Действительно, — Фрэнк особо выделяет это слово, — тайное общество, появившееся черт знает когда где-то на территории древнего Ирана. Может, тогда еще мамонты по земле ходили. Я не историк, я больше менеджер. Могу лишь сказать, что изначально это был зороастрийский культ. Ты же знаешь, что такое зороастризм?

— Без понятия. И религия меня не интересует.

— Как и большинство членов нашего общества. Наше название Аташдан, древние связи с Заратустрой, символика, мифологические метафоры: всё это по большей части пережитки прошлого. Они просто есть, и мы не являемся религиозной организацией. Мы смотрим на божественные заповеди и персоналии с философской и светской точки зрения.

— Рад за вас. И как это относится ко мне?

— Это — никак. А вот цели нашего общества подразумевают поиск тех, кто поможет нам в формировании будущего всего мира. Скажи, ты мечтаешь о великой власти?

— Каждый день перед сном, — шучу я.

— Переформулирую: мечтаешь ли ты о возможности делать только то, что хочется, без платы и последствий.

— Каждый день перед сном, — вот тут я полностью серьезен. Если бы у меня была возможность перестать быть синкером и покинуть этот ад, то от меня бы уже след простыл.

— Еще бы. Но не спеши делать выводы, мы не стремимся завоевать мир, иначе статус нашего общества будет раскрыт. Мы желаем перемен, в которых мир изменится сам. Нам лишь нужно приложить титанические усилия, изобретать, убивать, спасать и делать другие дела, чтобы задать вектор развития всего мира. Но при этом не управлять миром напрямую.

— Звучит так, что ты хочешь меня завербовать в свою секту.

— Я действительно тебя вербую, — Фрэнк пожимает плечами. — И ты должен иметь представление о том, куда тебя приглашают. И да, ты можешь отказаться.

Прикидываю в уме дальнейшие действия. Очевидно, что Фрэнк не менее опасен, чем Ли Дун. Неизвестно, как он отреагирует на отказ. Возможно, стоит немного потянуть время.

— И... И что дальше вы хотите делать? И что значит «изменение мира»?

— Рад, что ты спросил. Я не буду втирать тебе про двух изначальных духов: Спента и Ангра, что живут в душе каждого человека, как созидательное и разрушительное начало.

Тебе не нужно понимать концепции Аша и Друдж, или знать, кто такой Ахурамазда. Оставим зороастрийскую теологию и философию тем, кому это нравится. Мой подход более рационален и понятен обычным людям. Кто твой враг, Марк Богов?

— Давай обойдемся без философских вопросов.

— А это нефилософский вопрос. Твой враг Ли Дун? На самом деле нет. Может, администрация? Вот это куда ближе к истине. Именно администрация всего этого добывающего комплекса лишила тебя будущего и превратила в узника. Тебя здесь ждет лишь скорая смерть, тебя лишили свободы воли, принудили становиться зверем, сумасшедшим или просто глубоко несчастным человеком. Но на администрации дело не заканчивается, о, она просто властная рука воспаленного мозга, а именно правительства этой страны. Вот это уже настоящий враг, битва с которым достойна отдельного эпоса.

— Вы какая-то оппозиционная партия? Террористы?

— Если это решает наши задачи, то да. Но скажи, разве я в чем-то не прав? Ты прибыл в Нью-Йорк и не нарушил ни одного закона, но правительству плевать на это. Мигранты и преступники — идеальная жертва. Настолько идеальная, что Атланта даже облегчает получение разрешения на въезд вместо того, что ужесточать. А обычные граждане делают вид, что ничего не видят, не знают и типа не догадываются, что их спокойствие покупается муками сотен людей под их ногами. Общественное сознание — это уже метавраг, с которым нельзя бороться напрямую, но его можно изменить. Реформами или революциями.

Я молчу, не представляя, что вообще сказать. Но при этом обращаю внимание на то, что Фрэнк чересчур много обо мне знает. Это может говорить о том, что их общество может незримо присутствовать в самых разных, в том числе государственных, структурах.

— В древности люди приносили кровавые жертвы животными и людьми, чтобы умиловить богов или духов. Некоторые народы, например, майя, делали жертвоприношения важнейшей частью культуры. И вроде бы с тех времен прошли многие века, но люди до сих пор совершают человеческие жертвоприношения. Ты думаешь, речь о каких-нибудь племенах людоедов на тропических островах? А вот и нет, я об образце прогрессивного общества и двигателе всей цивилизации — Атлантическом Содружестве, где синкеры являются жертвенными животными, которых бросают в яму, чтобы успокоить злых духов, то есть монстров.

— Допустим, — я до сих пор не знаю, как это связано со мной.

— И вот мы считаем, что это неправильно. Определенные группы людей отдуваются за всех, а некоторые ни при каких обстоятельствах не столкнутся с подобными ужасами. Правительства всех стран доказали свою некомпетентность, разбазарив природные богатства на войны и черный бизнес. И нет гарантий, что это не повторится с вапориумом. Наше общество собирается это изменить, но, повторю, оставшись при этом в тени.

— Вы борцы за справедливость, я понял. Но зачем ты приглашаешь меня? Что я могу сделать?

— Я помог тебе не потому, что ты какой-то особенный человек. Увы, ты не гений, не политик, не обладатель феноменальных суперспособностей. Но ты невероятно быстро развиваешься, ни один синкер так не может. А всё почему? Дело в Deus Spiritus.

Оказывается, Фрэнк не просто знает об этой правительственной системе, но еще в курсе, что я стал одной из первых подопытных крыс.

— Среди нашего общества нет тех, кто имел бы доступ к этой вещи ни как исследователь, ни как пользователь. И нам жизненно важно получить информацию о ней, а

потом и контроль.

— Я не представляю, что такое ДС.

— Это дикий сплав точных наук, искусственного интеллекта и мистических сил. Одна из его экспериментальных задач заключается в том, чтобы помогать синкерам в быстром эволюционном развитии, а потом убить синкера, если он станет опасным для правительства. Скажи, ты уже столкнулся с тем, что этот ДС пророчит тебе смерть? Ты изначально был приговорен к быстрому концу после такого же быстрого развития. И чем быстрее бежать, тем быстрее финиш твоей жизни.

О да, я с этим столкнулся. Но мне не приходило в голову то, что это было подстроено для того, чтобы сдержать слишком опасный эволюционный рост синкера. Правительство же не может полностью мною управлять, значит, они обучают свою систему на мне и других бедолагах, но когда возрастают риски, то дергают рубильник. ДС же решил меня обмануть тем, что это из-за мутаций. Или же так оно и есть, и в этом безупречное оружие, которое точно попадет в цель.

— Тогда зачем ты меня приглашаешь? Неужели ты думаешь, что мне хватит сил, чтобы как-то вам помочь? Я даже до сих пор не понял, как именно вы собираетесь достичь целей.

— Я не могу тебе сказать всего, пока не получу согласие на вступление. Но если тебе это важно, то мы собираемся распахнуть врата ада. Буквально. Когда наступит час X, синкеры нашего общества поднимут бунты во всех добывающих центрах страны. Члены общества, которые живут на поверхности, нанесут удары по инфраструктуре и саботируют работу других важных для государства систем. Мы протянем руку помощи всем синкерам, а монстры вырвутся на поверхность и скорее всего уже оттуда не уйдут. Правительство ничего с этим поделать не сможет и наступит время справедливости.

Последние предложения Фрэнк говорит серьезным тоном и с жестким выражением лица. Он не сглаживает углы, не пытается ответить уклончиво или общими фразами. Нет, он четко говорит, что их тайное общество устроит, когда придет нужный час. При этом они, похоже, не будут считаться с разрушениями. Фрэнк, кажется, тоже сильно пострадал в прошлом, раз собирается пойти на такие радикальные методы.

— Возможно, будет справедливо, если на защиту страны и даже мира встанут все без исключений, а не только отдельные синкеры, которых принуждают погибать, но откуда уверенность, что это что-то изменит? Будут колоссальные жертвы, нарушатся продовольственные цепочки, начнется голод, паника. Это вызовет лишь новые жертвы, — говорю я. — Это всё напоминает возмездие, а не изменение мира.

— Конечно, но иначе нельзя изменить общественное сознание. Чтобы построить что-то действительно новое, придется разрушить старое. Спента и Ангра: духи созидания и разрушения внутри каждого из нас. Они есть и у общества. Таковы люди: мы пока не можем выкинуть из себя один дух, а второй оставить. Мы не будем упиваться насилием или захватывать власть, нам нужны лишь перемены. А ты можешь стать одним из нас, чтобы получить нашу поддержку. И уж поверь, она может стать очень существенной. Члены нашего общества есть среди администрации, иначе как бы я тебя нашел здесь? Просто отследил по трекеру чипа. Но мы поможем не только снаряжением и баллами. Нет, у нас есть куда более интересное предложение.

Я смотрю на Фрэнка, не чувствуя большой уверенности в том, что стоит принимать такое предложение. Не чувствую себя каким-то революционером. Да, я не откажусь отыграться на администрации, том следователе из полицейского участка или самом

президенте, но просто выйти наружу вместе с монстрами, чтобы убивать обычных людей и разрушать города, я не готов. Мне не нужна справедливость, я хочу лишь свободы. Но её у меня не будет, даже если я отсюда выйду, а Атлантическое Содружество резко прекратит существовать.

Но интуиция мне подсказывает, что отказ может оказаться опасным. Если Аташдан внимательно относится к секретности, то Фрэнк меня может просто убить, чтобы устранить последнего свидетеля. Мне нужно выбраться отсюда живым и для этого я готов пойти на многое. Ложь в этом списке будет в колонке небольших грехов. Это значит, что сейчас я отвечу согласием на предложение.

— Хорошо, Фрэнк, я согласен. Многие ещё вызывает вопросы, но я хочу перемены в своей жизни.

— Отлично, Марк, это верное решение. И раз ты согласен, то я могу сказать тебе, почему у тебя есть возможность долго и продуктивно на нас работать. Наше общество на пороге открытия способа продления жизни синкерам. Не на пару недель или месяц, а на года. В идеальном случае мы сможем полностью избавляться от губительного влияния вапориума, оставаясь при этом синкерами. Представляешь, что случится, когда такое средство будет найдено? И хочешь ли ты получить его?

— Я совру, сказав, что мне это неинтересно. Даже продлить жизнь на два-три года будет для меня отличной новостью. Конечно, если это время я проведу не в подземелье.

— А вот теперь я слышу настоящую заинтересованность в твоём голосе, Марк.

Ну ещё бы. Если ты не соврал, то я даже сплясать готов. Но как мне проверить твои слова на ложь? Никак, только узнать на опыте. Я — революционер? Никогда бы не подумал, но мне нужно это лекарство или другой способ спасения.

Однако услышать сейчас можно не только заинтересованность в моём голосе, но ещё и треск льда, сначала тихий, а потом громогласный. Во все стороны разлетается ледяное крошево, а на месте ледяной глыбы поднимается с колен Ли Дун. Как он вообще столько там прожил без кислорода?!

Фрэнк быстро разворачивается, но главарь банды, похоже, больше не даст себя заточить в лед. Из тела Ли Дуна вырываются толстые и острые проволоки, которые подобно живым змеям сейчас опутает меня и Фрэнка и разрежут на ровные дольки. К продолжению боя прямо сейчас я оказался не готов.

Факт № 2 Человек — это существо, ищущее смысл. Отказ от поиска смысла делает из нас животных. Нахождение смысла дарует нам возможность сделать правильный выбор из сотен дорог. К синкерам это тоже относится, даже если выбирать приходится из маршрутов в подземелье. Четко представляя себе точку назначения и наполнив её смыслом, можно проконтролировать даже собственную эволюцию.

Ли Дун на мой взгляд впал в состояние берсерка, как будто смотрю в зеркало со включенным «Ва-банком». Абсолютно безумное выражение с пристальным взором, а в случае текущего противника еще и застывшее в стали лицо. После первой неудачной атаки бандит успевает вырастить из тела не просто нож, а целый топор, которым отбивает летящие куски льда.

Фрэнк успевает среагировать куда быстрее меня, хотя у меня и вовсе нет возможностей для нанесения урона на расстоянии. Сейчас вокруг возникают огромные и явно ненормально прочные сосульки, которые устремляются к Ли Дуну. Последний либо считает, что они могут нанести ему вред, и поэтому их отбивает топором, либо просто забыл обо всем в приступе бешенства. Серая стальная кожа теперь ходит черными полосами, я это уже видел в Миносе, скорее всего Ли Дун подключает вообще все имеющиеся силы.

Никого не удивить тем, что синкер бежит быстрее любого человека или может поднять сумасшедший для неподготовленного спортсмена вес. Но видя скорость реакции и быстроту ударов, мне кажется, что это уже даже не человек, а какой-то совершенный киборг. Фрэнк лишь усиливает напор и даже заключает лодыжки оппонента в лед, но это вообще не помогает. Ли Дун постепенно приближается к нам, а потом оказывается, что это был не предел его возможностей.

Следующий рывок для меня показался слишком быстрым. Глаза разглядели остаточный образ в воздухе, а потом во все стороны полетели ледяные кусочки. Мой новый союзник каким-то образом сумел возвести толстую стену перед Ли Дуном, но та с оглушительным грохотом разлетелась от удара, хоть и затормозила врага. В руке Фрэнка появляется ледяной меч классического вида, словно это экспонат из музея средневековья. Член тайного общества Аташдан вдруг решил побороться с Ли Дуном в ближнем бою? Мне остается лишь надеяться, что он хорош и в этом.

Моя надежда оправдывается, когда Фрэнк показывает свою физическую и боевую подготовку и даже успевает пару раз задеть туловище врага. Но проблема в том, что Ли Дун — это идеальный танк, нанести физический урон ему почти нереально. Я почти уверен, что он может в одиночку ходить в рейды, одновременно исполняя роль локомотива и концертмейстера. Он точно не бахвалился, когда говорил, что стал одним из лучших новичков в свое время.

Не представляю, как помочь Фрэнку и стоит ли вообще лезть под руку. Ледяной меч и стальной топор сталкиваются впереди на сумасшедших скоростях. То и дело кто-то из сражающихся пробивает защиту и попадает по телу оппонента, но удар пропадает втуне из-за стальной кожи или ледяного панциря. По телу Фрэнка постоянно ползают ледяные конструкции, похожие на гусениц. Если удар неминуем, они невероятно быстро оказываются под топором и принимают на себя урон. После этого разрушаются и создаются синкером заново.

Похоже, даже Ли Дун не ожидал, что бывший наемник окажется настолько сильным, но по отсутствию разума в глазах я понимаю, что он вряд ли сейчас думает о чем-то таком. Вдруг отталкивает от себя противника и швыряет топор Фрэнку в лицо, а из себя снова вытягивает проволоку, но теперь она не гладкая, а с острыми лезвиями по всей длине. Он почти что генератор колючей проволоки.

С безумными взмахами главарь банды будто хочет рассечь нас подобными плетями, но Фрэнк снова успевает защитить себя и меня. Вокруг вырастают ледяные колонны, которые и принимают на себя удар, а проволока на них закручивается, где это возможно. Но Ли Дун даже не затормозил и воспользовался защитой Фрэнка как опорой, чтобы бросить себя вперед, резко потянув за проволоку. Да он же сейчас выбросит Фрэнка в шахту за нашими спинами!

Тут я тоже бросаюсь вперед, но стремлюсь оказаться за спиной союзника, чтобы поддержать, если он не успеет возвести защиту. Пускай Фрэнк тоже кажется универсальным синкером на атакующих и защитных позициях, формирование ледяных конструкторов все же требует время. Мой рывок оказался успешным, так как я помог товарищу не улететь спиной вперед, правда, сила толчка оказалась чудовищной, так что я чуть сам не полетел в непроглядную черноту под ногами.

Понимаю, что для того, чтобы победить, мне тоже придется вступить в схватку, несмотря на то, что могу помешать. «Ва-банк» снова запускает реакции в моем теле для выживания и боя на пределе возможностей. Имея союзника, я даже рискну потратить силы на мистическую способность, чтобы иметь возможность нанести мощный удар. Вырываюсь вперед и прочерчиваю ножом полосу на правой руке Ли Дуна. Во всяком случае хотел это сделать, но в итоге лезвие бесполезно проскользило по непробиваемой коже.

Но мой рывок отвлек Ли Дуна, что позволило Фрэнку отбросить противника ударом ледяного столба в живот. Но главарь банды показывает чудеса ловкости, изворачиваясь и оказываясь над столбом до того, как унесло слишком далеко. Его пальцы выпускают стальные когти, при помощи которых делает рывок по столбу, что под собственным весом почти параллелен полу и сейчас вовсе на него рухнет.

Пространство в глазах мерцает алыми звездами, словно я вижу отражение собственной силы в кружащихся снежинках. Ли Дун не намерен останавливаться, сопротивление словно дает ему новые силы. Его кожа постепенно становится полностью черной, не удивлюсь, если в конце он превратится в огромного черного пса, ведь считает себя таковым. На запястьях Фрэнка чуть светятся браслеты, похоже, без артефактов синкер не видит победы.

Мои глаза собирают окружающую информацию невероятно быстро, часть мозга во время режима «ва-банка» полностью выключается, а все освобожденные ресурсы направляются только на поддержание тела во время больших нагрузок и реагирование на опасность. Я дожидаюсь приближения Ли Дуна, чтобы активировать силу Котта в тот момент, когда враг просто не успеет уклониться от удара. Надеюсь, что Фрэнк сумеет синхронизироваться со мной во время этого сражения. Но получается так, что я врага я недооценил.

Пол зала взрывается стальными клиньями, а на голову падает металлический мусор с потолка. Крепления ламп, опорные столбы, рукава воздухопровода и другие детали: будто на самом деле Ли Дун может управлять не только металлом собственного тела, но и любым другим. Даже пародирует Фрэнка, собирая на поле боя металлические столбы, которые разрушают ледяные колонны и защищают от атак. А нож в моей руке внезапно бьет Фрэнка в

бок.

Как мог, я попытался остановить предмет и увести в сторону, поэтому серьезного ранения удалось избежать, но рана на теле все равно появилась, окрашивая белоснежный плащ в красные тона. Фрэнк же не может на это отвлекаться, впереди лед и металл пытаются друг друга задушить в смертоносном танце, и лед проигрывает, уступая один десяток сантиметров за другим.

Очередной рывок приводит Ли Дуна на дистанцию удара рукой, превратившейся в длинное острие. Свой нож я выкидываю в шахту, от беды подальше и закрываю собой Фрэнка с одновременным захватом руки Ли Дуна и отведением в сторону. Одновременно «Взалкавшие силы Бездны» начинают работу, я чувствую приближение огромной мощи, но мир начинает кружиться передо мной, а голова становится очень тяжелой.

Даже в режиме максимальной собранности я смог лишь заметить мелькнувший перед глазами кулак второй руки Ли Дуна. Сила удара оказалась титанической, меня аж закрутило и спутало все карты. Потеря ориентации приводит к потере концентрации, и я бьюсь о пол, пытаюсь собрать мысли в кучу. Если вас когда-нибудь оглушат с такой силой, вы поймете, как это на самом деле трудно собрать глаза в кучу, особенно в ситуации, когда скорость боя складывается из долей секунд.

Фрэнк, кажется, пытается мне помочь и отбросить Ли Дуна, мою кожу обдает морозной волной, но я заметил лишь ногу врага над собой, которая ударила союзника как раз в то место, куда ранее вонзился нож. Фрэнка отбрасывает, я снова встаю, так как сейчас нужно куда больше усилий, чтобы меня вырубить. В голове только одно намерение, а именно еще раз попробовать включить способность, но мозговое сотрясение мне мешает намного сильнее, чем может показаться. Меня тошнит, и такое чувство, что руки и ноги сейчас отвалятся, как у куклы.

[Подход к критической точке из-за высокого значения параметра Ле-Морьона]

А я-то надеялся, что смогу заняться распадом собственного тела уже после того, как выберусь из этой ситуации. Но неминуемый по словам ДС крах меня решил настичь именно в этот момент. Ли Дун ловит мою правую руку и ломает к чертям. Мой болевой порог сейчас должен быть выше, но вид торчащей кости словно убеждает мозг в том, что боль на самом деле адская. Острый конец лучевой кости пронзил мышцы и кости, а потом вышел наружу.

Я точно кричу от боли, но это словно очищает сознание от посторонних шумов и укачивающих вибраций. Сейчас просто нельзя останавливаться, травмы я залечу, главное — выжить.

[Гиес — так звали последнего из них. Он родился от союза человека и демона, и всегда был ненавидим людьми. Только в Бездне он смог вдохнуть полной грудью, навсегда отказавшись от человеческой половины. Именно он привел рыцарей к краху прежних устремлений...]

Силуэта Гиеса я рядом с собой не вижу. И дело не в крови, что попадает в глаза из рассеченного лба. Скорее дело в том, что Гиес оказался предателем, хотя искренне хотел заслужить уважение, вступив в орден. Он действительно старался, чтобы его заметили и приняли как своего, но в Бездне он понял, что есть и другой путь, поэтому склонил Бриарея и Котта к предательству рода человеческого...

Я не понимаю, откуда в моей голове могут быть такие знания, но точно уверен в присутствии четвертого участника сегодняшнего сражения. Он словно стоит за моей спиной. Я точно слышу его дыхание и тихий шепот на непонятном языке. Гиес оказался не только

предателем, но еще и самым сильным из рыцарей, которые его на самом деле никогда бы не приняли из-за получеловеческого происхождения. Я продолжаю смотреть на обломок кости руки и вспоминаю рассказ Кристиана о синкере, у которого тоже был биоконтроль и возможность манипулировать собственными костями.

Я наполняю смыслом травму, представляю, как растет кость и становится прочнее любой стали. Гиес за моей спиной оказывает поддержку, так как кость действительно превращается в острый шип, наливающийся неестественной чернотой, как и кожа Ли Дуна. Однако враг в эти мгновения тоже не медлил, поэтому очередной удар по голове собирается вытряхнуть из мозга любые мысли, но каким-то чудом я остаюсь в сознании и вкладываю в последний удар все остатки сил.

Черный костяной шип неожиданно пронзает броню Ли Дуна. В Миносе мне удалось это сделать при помощи странного артефакта, что появился вместо обычной монтировки. А сейчас моя собственная сила позволила это совершить. Конечно, не стоило ожидать, что я смогу насквозь пробить врага и победно расхохотаться. Острие шипа вошло примерно на полтора сантиметра, но уже это заставило зверя передо мной отшатнуться с непонимающим выражением лица.

— Держись! — я слышу выкрик Фрэнка, а потом чувствую, что мои ноги вмерзли в лед.

Синкер из тайного общества с умом использовал полученное время для того, чтобы обойти Ли Дуна и меня. Сейчас мы с ним находимся рядом с провалом шахты и в нас ударяет морозный ветер, несущий ледяную сеть, что утаскивает в пропасть. Точнее, я остаюсь на месте, так как мои ноги вмерзли в лед, а вот Ли Дун не успел среагировать и исчез в темноте под ногами.

«Это победа!» — мог бы подумать я, если бы не колючая проволока, что выстрелила над плоскостью вертикальной шахты и не схватила меня за корпус, разрывая кожу и мышцы. Ли Дун не собирается здесь умирать, поэтому рывком выпрыгивает из шахты, используя меня в качестве опоры. Оказавшись рядом со мной, он говорит:

— Я не ошибся, посчитав тебя настоящим псом.

Сказав это, разбивает лед под ногами и бьет в грудь, выбрасывая в провал, откуда сам только что выбрался. Фрэнк пытается предотвратить падение, но каким бы сильным он ни был синкером, предел использования суперспособностей есть даже у него и Ли Дуна. Огромные ледяные руки вырастают из стенок шахты и пытаются меня подхватить, но не успевают, катастрофически не успевают.

Я улетаю спиной вперед, но даже не кричу, а просто смотрю за тем, как быстро уменьшается пятно света надо мной. Никогда прежде не падал с такой высоты и с парашютом не прыгал, но сейчас всё это не имеет никакого значения, так как спастись я не могу. У меня нет способностей для того, чтобы летать или хотя замедлить падение в самую глубокую часть подземелья.

Становится очень дурно, а в ушах свистит жаркий ветер. Не исключено, что распад в моем теле из-за мутаций убьет меня быстрее, чем я достигну дна. Сколько километров вообще падать? Не знаю, вокруг кромешный мрак, и добивающий удар о землю может произойти в любой момент. И падение в темноте оказывается намного более страшным, чем если бы я видел далекую землю.

Сознание начинает гаснуть, поэтому напоследок я врубаю к «Ва-банку» способность к обезболиванию. Вероятно, во время приземления смерть будет мгновенной, поэтому я в любом случае ничего почувствовать не успею.

«Во всяком случае я старался. Лучше уж погибнуть так, чем в сранной запертой комнате», — это последняя моя оформленная мысль, ведь я достиг, наконец, дна. Если бы меня призвали из мертвых, я бы не смог описать, на что похож удар о землю с такой высоты. Не думаю даже, что хочу переживать такой опыт в нормальном состоянии ума.

Я даже не смог бы поведать о каких-либо других чувствах и ощущениях. Не рассказал бы о том, как раздробились кости и перетряхнулись внутренние органы. Как кровь струится из ран, невозможно сделать вдох или ты вообще достиг консистенции коровой лепешки. Ничего этого я поведать не смогу, так как уже мертв. Церебро в мозгу перестает работать самым последним, навсегда отпечатывая образ моего тела с многочисленными травмами. Я успеваю заметить сильнейший отек мозга, переломы позвоночника и таза, разрывы легких, остановку сердца. После этого наступает просто ничего. Ничего, нигде, никак.

[Марк Богов, испытуемый № 2. Зафиксирована смерть в 10:30 15.08.2048]

[Основной клапан закрыт. Коэффициент давления в выпускном коллекторе не определен. Снятие последних показаний. Отключение от системы Deus Spiritus]

[Прогноз скорой смерти оказался верным. На этом пути его ждало только разочарование]

Где-то очень далеко механические легкие продолжают дышать, выпускать пар и вращать шестеренки. Для многих вещей в мире жизнь и смерть отдельного человека не значит ничего. Задача будет выполнена и неважно, сколько итераций для этого придется повторить. Но если шум дыхания бога полностью исчез, то на его место приходит четкое тиканье часов и как будто странный шелест.

Конец первой книги